

Борис Богданов

ТРИТОН

ЛОВИТ СВОЙ ХВОСТ

Annotation

Когда-то в глубине здешних гор подорвали ядерный заряд. Образовалась полость, и на её дне должно скопиться золото. Осталось прийти и взять его.

Тритон ловит свой хвост

Дождь — лучшее время для охоты на урмала. В это время рогачи теряют осторожность, купаются в грязи, чтобы избавиться от кровососов. Ур Хо — лучший охотник Шач-те, поэтому он предпочитает дождь любой другой погоде. Солнце благотворно для злаков и острых на вкус овощей сур-ча, но копать в пыли и земле недостойно настоящего мужчины. Мужчина — воин, его дело выходить против зверя, лук и копье против клыков и десятка дюжин ундов разъярённой плоти.

С вечера небо забеременело влагой. Ур Хо обрадовался: урмалы кочевали неподалёку от Шач-те, и он непременно сможет добыть одного из них, а если духи леса будут милостивы, то это произойдёт скоро. И тогда... Ур Хо запретил себе думать о том, что будет потом, чтобы не спугнуть удачу. Духи удачи обидчивы и ревнивы, не стоит злить их напрасными надеждами.

Рассвет он встретил в двух часах быстрой ходьбы от Шач-те, на берегу мелкого озера. Тучи висели низко, едва не касаясь верхушек деревьев, но дождь закончился. Это было хорошо. Топкая грязь по берегам озера, которая так по нраву урмалам, подсохнет не скоро, но падающая с небес вода не мешает взять прицел.

Спустившись к самой воде, Ур Хо выбрал в зарослях тростника местечко посуше, завернулся в накидку из шкуры водяной свиньи, улёгся среди стеблей так, чтобы видеть берег и край леса, и стал ждать...

На камень, торчавший из воды шагах в десяти от берега, присел бычий жук. Тяжёлый, с полладони величиной, сложил на спине золотые крылья. Привстал на задних лапках и принялся мыть, тереть друг о друга передние. Глупый жук, не поможет ему ни размер, ни острые, похожие на ножи челюсти. Ур Хо знал, что произойдёт, видел это не раз, но всё равно не мог отвести взгляд.

Жук чистился, самозабвенно, не замечая ничего кругом. Глупый, глупый жук... Вода у камня забурлила, из неё выметнулось узкое тело. Турака, которую иначе называли рыба-ремень, схватила жука и скрылась в облаке брызг. Скрылась, чтобы снова караулить добычу. Турака никогда не бывает сыта. Раздобыть тураку, чьи зубы так хороши для рукоделия? Потом, решил Ур Хо, если будет время. Он пришёл сюда не за иглами.

Солнце, хоть и скрытое облаками, поднималось всё выше. Ур Хо донимала жара, гнус клубился над его лёжкой и звенел, торжествуя. Ур Хо терпел. Что такое жара и укусы, если можно добыть дюжину дюжин ундов сладкого мяса урмала и, что важнее, его мощные витые рога? Старый Ди Мо, отец Ун Ди, куда благосклоннее отнесётся к тому, чтобы Ун Ди стала женой Ур Хо, если Ур Хо приподнесёт ему пару урмальных рогов, которые, по слухам, помогают при мужском бессилии. Ур Хо едва удержался от смеха: поговаривали, что Ди Мо совсем позабыл, что делать с новой, молодой женой, кроме как кормить её от пуза и загружать работой. Однако удержался. Не хватало спугнуть зверя, тем более... Ур Хо прислушался...

— ...У-ур, у-ур, ма-а-а... — гудело в лесу, громче и громче. Стадо шло к озеру.

Ур Хо затаил дыхание. Урмалы — твари чуткие и осторожные, спугнуть их легче лёгкого.

Ветви ближних деревьев шевельнулись. Из них выдвинулись длинные витые рога, а потом и голова зверя. Урмал косил глазами, раздувал чуткие ноздри. Ур Хо крепче сжал лук:

жаль, нельзя пустить стрелу сейчас. На таком расстоянии она не пробьёт толстой шкуры зверя, только спугнёт его. Да, урмала можно убить и отсюда, для этого следует попасть в глаз, но трудно точно стрелять, лёжа среди тростника.

Ур Хо не стал и пытаться. Он подождёт. Звери подойдут ближе и начнут кататься в грязи, подставив под выстрел нежное белое брюхо, и вот тогда...

Захлопали крылья; с высокого ярь-дерева сорвалась хищная птица-рыболов. Урмал, который был уже на полпути к воде, вздрогнул и, лягнув воздух задними ногами, устремился под защиту леса. Миг — и он пропал из вида! Ур Хо едва не выругался в голос. Проклятая птица, да пожрут подземные демоны её селезёнку! На это место урмалы уже не вернуться, а если и придут, то не сегодня.

Не переставая про себя костерить крылатого рыболова, Ур Хо медленно поднялся, скатал накидку и, крадучись, отправился вслед стаду. Урмалы пришли к жирной, вонючей грязи, и это значит, что кровососы совсем их заели. И это же значит, что они не покинут окрестностей озера, пока не искупаются в грязи. Терпение — и всё получится. Чего-чего, а терпения Ур Хо было не занимать, не зря он слыл лучшим охотником Шач-те.

Странная это была погоня. Стадо, ведомое могучим самцом, продиралось сквозь переплетение ветвей и лиан, обходя озеро кругом. Вожак всхрапывал, замирал, поводя ушами, потом величаво шёл дальше. За ним двигались самочки с приплодом, а в завершали процессию молодые самцы из тех, кто не покинул ещё родителей и не завёл собственного гарема. За ними шагах в пятидесяти крался Ур Хо. Шагал, когда урмалы начинали движение, замирал вместе с ними. Он не боялся, что звери почуют его запах: после лёжки в тростниках пахло от него не человеком, а болотом и грязью. Чуткий слух — вот чего он опасался, потому, остановившись, старался утишить сердце и почти не дышать. Через несколько часов снова начался дождь, и Ур Хо вздохнул свободнее; неумолчный стук капель по листве и лесному опадку съедал любой посторонний звук. Слушай — не слушай, всё равно ничего не услышишь. Понял это и урмал-вожак. Недовольно ударил копытом, издал раздражённый рёв — «Ур-ур-ур...Ма!..» — и свернул к воде. За ним повернуло и стадо, а за стадом — довольный Ур Хо. Терпение терпением, но хотелось скорее вернуться в селение, где ждёт его любимая Ун Ди.

Выйдя из леса, стадо зашло в озеро. Копыта взбаламутили воду. На берегу остался только вожак. Ур Хо, успевший спрятаться среди травы, приготовил лук. Звери катались в грязи, урчали, счастливо взмукивали. Ур Хо ждал. Мало доблести подстрелить важенку или телёнка, лучше взрослого самца, но всего почётнее — взять вожака.

Вожак коротко рыкнул. Власть извалявшееся в грязи стадо потянулось из воды и столпилось на берегу. Молодые самцы окружили самок с телятами редкой цепочкой, и только после этого пришла очередь вожака. Ур Хо наложил стрелу и затаил дыхание. Сейчас вожак плюхнет в грязь, откроет взгляду — и стреле! — беззащитное брюхо, и тогда...

Громовой раскат сотряс небо. Мир задрожал, сетка молний окутала низкие облака. Невыносимо зазвенело в ушах. Ур Хо, уронив лук, схватился за голову. Казалось, грома большего невозможно вообразить, но тут молния ударила в озеро совсем близко. Фонтан воды, пара и грязи взвился почти до самых туч. Урмалы визжали, толкались как слепые, стучались лбами друг о друга и о стволы деревьев. Закричал поддетый рогом телёнок, поскользнулся и упал молодой самец. Вожак выбрался наконец на берег и рванул в лес, ломая кусты, а за ним в панике побежало стадо. Молнии, словно только этого и ждали, словно не хотели поранить зверей, и принялись падать чаще. Вспыхнул и сразу погас

тростник, горячая вода окатила Ур Хо с головы до ног. Духи ярились, духи ополчились на Мир, захотели его разбить, сжечь, уничтожить.

Оглушённый, полуослепший охотник выполз из тростника и растянулся на глинистом берегу. Ещё одна молния упала совсем рядом. Горячая глина посыпалась на голову. Мир померк, и Ур Хо потерял сознание.

Было темно и горячо, потом стало холодно. Так холодно, что Ур Хо очнулся и открыл глаза.

Приближался вечер. Тучи всё так же висели низко над лесом, над изломанными стволами деревьев, над порубленным тростником, над изрытым берегом, но тусклое пятно солнца склонялось к закату. Морщась от боли в затёкших мышцах, Ур Хо поднялся на ноги. В голове было пусто и звонко. Лук он в беспомощности не бросил, но тот оказался безнадежно испорчен, тетива лопнула, концы расщепились и разлохматились. Ур Хо бережно смотал и спрятал тетиву, а бесполезные деревянные обломки отбросил в сторону.

Духи обиделись на него, испортили охоту. Чем он их прогневил, что он скажет Ун Ди и Ди Мо?

В ушах звенело, глаза слезились. Шатаясь, Ур Хо побрёл по берегу. Под ногами хлюпала грязь и хрустело... что? Он опустил взгляд — и только поэтому не скатился в круглую ямину, разверзшуюся впереди. Дно ямины уже покрывала вода, сочилась и стекала по стенкам. Почему она такая чистая и прозрачная, лениво удивился Ур Хо. Почему, если вокруг такой разор? Он сделал шаг в сторону, и под ногами снова захрустело. Бока ямы и землю вокруг неё покрывала странная корка. Ур Хо сказал бы, что она похожа на обожжённую глину, только он никогда не видел такой гладкой и полупрозрачной глины.

Ур Хо присел, коснулся корки пальцем — и тотчас отдернул руку. Горячо, словно схватился за горшок в очаге... А ведь яма появилась здесь недавно! Ещё три дня назад берег был как берег, топкий и глинистый, но ровный. Молния ударила сюда и вырыла эту яму! Если молния может поджечь лес, почему ей не сделать то же с глиной? Эту мысль следовало обдумать, но после. Нельзя вернуться в селение пустым, сейчас он должен догнать стадо.

Но у него больше нет лука! Ур Хо застонал от обиды... Что он будет делать, если догонит стадо? Забодает вожака? Но ведь рогов у него тоже нет!

Молодое деревце шагах в пятидесяти впереди привлекло его внимание. Деревце накренилось, а молния расщепила его верхушку. У него нет лука, зато остался нож, длинный и острый нож из небесного железа. Если верить мастеру Ро Си, конечно. Он сделает копье и добудет урмала!

Ур Хо воспрял духом, и даже голова перестала болеть. Ур Хо зашагал к деревцу, миновал заросли кустарника, и остановился, когда до цели оставалось ещё полпути. Улыбка сама собой растянула его губы. За кустами, рядом с ещё одной вырытой молнией ямой, лежала туша водяной свиньи. Молния убила её. Похоже, духи усовестились, что лишили Ур Хо добычи и оружия, и дали ему замену.

— Спасибо! — падая перед тушей на колени, выдохнул Ур Хо.

Он отсек у свиньи уши и с поклоном положил их на край ямы. Духи неба ищут новый дом на земле, и жертва не будет лишней.

— Примите эту жертву, могучие, — сказал Ур Хо, — и позвольте мне забрать остальное.

Духи не ответили, но и не выказали гнева, значит, они согласились.

...Ур Хо вернулся в Шач-те утром следующего дня. Он шатался от усталости, глаза его

слипались. Всю ночь он тащил за собой тяжёлую добычу, но устал он не от этого. Духи разгневались на Мир. Лес дымился. Только прошедшие дожди избавили от большой беды, от пожара. Не раз и не два попадались ему на пути ямы, вырытые молниями. В каждую такую яму Ур Хо клал кусочек мяса или шкуры. И духи смилостивились, позволили вернуться в деревню. Несмотря на то, что солнце уже встало, люди прятались по домам, боязливо выглядывая из дверей. Одна хижина сгорела дотла. Рядом с нею Кривая Ту Ли рыдача над телом мужа. Ур Хо сглотнул, но продолжил путь. Так рассудили духи, и ей уже не помочь. Остановившись у дома Ди Мо, Ур Хо прокричал:

— Выходи, Ди Мо! Это я, охотник Ур Хо. Отдай мне Ун Ди в жёны!

Скрипнула дверь, из хижины выбежала любимая, встала рядом с Ур Хо, не смея коснуться его. Старик Ди Мо вышел следом.

— Я лучший охотник, — ударил себя кулаком в грудь Ур Хо. — Твоя дочь никогда не будет голодной. Смотри, что я добыл!

Он махнул рукой за спину, где, прикрытая накидкой, на волокуше лежала туша водяной свиньи.

Ди Мо подошёл к волокуше, отбросил накидку. С минуту он смотрел на добычу Ур Хо, потом сел на неё и проворчал:

— Наконец-то. Я думал, ты так и не решишься сказать это.

— Я думал... — начал Ур Хо.

— Бери в жёны Ун Ди, — со вздохом сказал Ди Мо. — Береги её, когда... когда...

Он смахнул рукой слезу и продолжил:

— Видишь, что творится? Нельзя девушке быть одной, а я уже не в силах её защитить.

Ун Ди всхлипнула и прижалась к Ур Хо, зашептала жарко:

— Я так боялась, что ты не вернёшься! Так боялась.

— Не бойся, — Ур Хо лизнул её в нос, — я защищу тебя и никогда не покину.

Ди Мо смотрел на них и плакал, не скрывая слёз. Жаль, мать не дожила до этого счастливого дня... Счастливого несмотря ни на что! Что значит гнев духов, когда двое любят друг друга?

— Живите пока здесь, — сказал пока он. — Потом мы поставим рядом новый дом, для вас и ваших детей.

Ур Хо выпятил вперёд нижнюю челюсть, а Ун Ди смущённо улыбнулась.

В приятных хлопотах прошёл день. Ур Хо и Ун Ди старались не смотреть в лица односельчан. Зачем смущать собственным счастьем обездоленных? Духи буйствовали до вечера, кидались молниями, заливали Шач-те водой, хотя уже и не столь жаро. На закате дождь прекратил мучить селение. Так думал Ур Хо, хотя остальные жители с ним не согласились бы. Для земледельца дождь — благословение.

Влюблённые остались наедине, когда уже стемнело. Старый Ди Мо, чтобы не мешать, ушёл к соседям: помочь поправить покосившийся дом, поговорить о том, о сём, похвастаться завидным женихом для дочери. Вернулся он поздно, Ур Хо разбудили его шаги и тяжёлое дыхание за занавеской, что разделила дом на две части. Ди Мо бродил по своей половине, о чём-то неразборчиво бормотал, стучал деревом, шуршал соломой, которой был выстлан пол. Вскоре заскрипела лежанка, и старик успокоился.

Ур Хо закрыл глаза, стараясь снова уснуть, но не тут-то было! Старик захрапел, да так, что последний сон развеялся как утренний туман. Ур Хо лежал, ощущая тепло тела любимой. В отличие от него, Ун Ди спала как младенец. Ей ничего не мешало, за годы она

привыкла к храпу отца. Наверное, этот храп служил ей колыбельной. Отец храпит? Значит, он рядом, значит, он спокойно спит, и значит, ей тоже ничего не угрожает. Наконец, Ур Хо надоело просто лежать. Он осторожно, чтобы не потревожить Ун Ди, освободился от её объятий, накинул одежду и вышел из хижины.

Снаружи дул холодный ветер, зато дождь кончился, а лужи подсохли. Луна Мой сияла так, словно пыталась превзойти солнце. Куда ей! Ночные духи от века завидовали духам дня, а только никогда Мой не затмить солнца, даже призвав в помощь луну Сой. Кстати, Сой тоже показалась над краем леса. Но это только так говорят — светло как днём. Ночь она и есть ночь, хоть три луны над Миром повесь.

Зато можно без страха ступать по двору, не опасаясь во тьме свалиться в отхожую яму. Ур Хо облегчился и поплёлся обратно к дому, но остановился на полпути. Что-то было не так в Мире, но со сна он не мог сообразить, что. Воздух пах мокрой травой и свежими лепёшками, которые ни свет ни заря стряпала старая Лу Он. Она всегда вставала задолго до света и пекла хлеб. Интересно, Ун Ди тоже будет так поступать? Он был бы не против начинать день с горячей лепёшки. Ур Хо представил, как это будет, и ему захотелось есть. Прямо сейчас разломить свежий, исходящий паром кругляш, нацедить в кружку травяного отвара...

— Что это, Ур? — услышал он дрожащий голос любимой.

Сбежав с крыльца, она прижалась к нему и теперь смотрела на него снизу вверх. В её глазах Ур Хо заметил страх.

— Что случилось, маленькая? — удивился он.

— Разве ты не видишь? — спросила она, прижимаясь ещё крепче. — Небо!

— Что небо? — не сразу понял Ур Хо, поднимая взгляд кверху. Небо как небо. Вот Мой сияет начищенным ножом. Вон мелкие облака плывут как листья по ручью. Вот... Он понял, и сердце в груди на миг замерло, а страх тронул нутро холодным языком.

Звезды... Они пропали!

Из всех кабаков Илья Витальевич Жогин предпочитал «Огонёк». Ни нищие, разжившиеся случайной тысячей студенты, ни мажористая школоты, отрывающаяся на деньги родителей, в заведение не совались. Музыка здесь играла негромкая и живая, дурной попсой не пахло, а охрана на входе дело своё знала, поэтому и торговцы *веществами* обходили «Огонёк» стороной. Даже девица у шеста в центре зала выглядела изысканно и дорого.

Кормили здесь без особых изысков, но вкусно, а порции были порциями, а не издевательством, как в иных ресторанах, обильных мишленовскими звёздами. Поэтому он бывал здесь часто, даже слишком часто, если рассуждать честно. С другой стороны, ему за сорок, он нельзя сказать, чтобы богат, но вполне обеспечен. Ему уже не основать империю и не создать религию, оргии его не возбуждали, не то воспитание, так почему бы просто не порадовать себя?

Илья Витальевич не торопясь смаковал жаркое, поглядывал аристократический стриптиз, прикладываясь время от времени к бокалу с коньяком. Гостей он не ждал, никаких дел не планировал, просто сидел и отдыхал, наслаждаясь едой и покоем. Каково же было его удивление, когда от входных дверей раздались голоса, упоминавшие его имя! Голоса дробились в кадках с пальмами, их заглушало журчание декоративного водопада в центре зала, да и звук арфы со сцены, поэтому Илья Витальевич не опознал, кто желает лицезреть его персону.

Примерно минуту спустя препирательства затихли, а возле столика появился озабоченный секьюрити.

— Вас, — произнёс он таким тоном, словно намекал: только прикажите, и нарушителя спокойствия сей же миг спустят с лестницы, и только уважение к репутации заведения останавливает охрану от подобного решения.

— Кто? — столь же лаконично поинтересовался Илья Витальевич.

— Говорит, ваш давний знакомый. Назвался Антоном.

Илья Витальевич откинулся в кресле. Ну, конечно же, Антон! Давний, ещё с института, приятель и даже, наверное, друг. Антон его ни разу не предавал и не подводил, уж больно разные у них были занятия и интересы. Илья, получив диплом, поработал по специальности года два, а потом перестали платить деньги, и он как-то внезапно оказался в бизнесе, где и поднялся до нынешних не слишком заметных, но всё-таки высот. Во всяком случае, лет десять уже он не задумывался о деньгах, значит, имел их достаточно. Фирма, которую он основал вместе с однокашником, и где трудился программистом, с годами распухла и приобрела вес. Второй основатель внезапно заболел и быстро сгорел, не оставив после себя наследников, и предприятие перешло к Илье Витальевичу. Он удачно подбирал людей и расставлял их по верным местам, и фирма процветала, а с нею и Илья Витальевич. Не наглел, не ломил цены, держал нос по ветру. Программирование так и не стало его страстью, и он с радостью спихнул руководство на заместителей и директоров. Ныне Илья Витальевич появлялся в офисе не чаще одного — двух раз в неделю.

Жизнь Антона сложилась иначе. Авантюрист и романтик, при распределении он выбрал Крайний север, где служил в какой-то геофизической конторе. Северяне всегда жили богаче, но деньги кончились и там. Антон вернулся в родной город, но характер не

поменяешь. Нигде он не задерживался долго, а все заработанные деньги тратил на экспедиции. То искал затерянные племена, то метеориты, то ещё что-то столь же необычное и будоражащее фантазию. Последним его увлечением, насколько знал Илья Витальевич, стала охота за криптопитеком, он же бигфут, он же йетти, он же снежный человек.

— Зовите, — кивнул Жогин.

Секьюрити исчез, и минуту спустя возле столика нарисовался Антон Сергеевич собственной персоной. Большой, бородатый, в походной одежде, из которой не вылезал неделями и месяцами. От него пахло костром и сыростью, а на обветренном лице цвела щербатая улыбка.

— Хай, олигарх! — заявил он, протягивая руку.

— Смотрю, зубы ты так и не вставил... — ответил Илья Витальевич, пожимая лопатообразную ладонь приятеля.

— Некогда, — отмахнулся Антон и плюхнулся в кресло напротив.

— Всё за обезьяной своей гоняешься?

— Что? — не сразу понял Антон. — А, нет. Криопитек, дружище, это пройденный этап.

— Почему же? — удивился Илья Витальевич.

— Криопитек существует, — сказал Антон, — и что толку за ним гоняться? Это скучно.

— Что-то ты меня путаешь, — сказал Илья Витальевич, делая глоток из бокала. — Ты же потому его и искал, что был уверен в его существовании. И зачем это нужно было? Кстати, что будешь?

— Долго объяснять, материи это философские и эфемерные, — ответил Антон. — А буду всё, что есть. Давно не ел по-человечески!

Жогин поднял руку, и возле их стола словно из ничего появился официант. Склонив голову, он вопросительно посмотрел на Илью Витальевича.

— Вот этого, — Илья Витальевич показал на свою тарелку, — ещё одну порцию.

Официант коротко кивнул и спросил:

— Напитки?

— Что будешь пить? — обратился Илья Витальевич к Антону.

— Пива бы, — сказал тот, — жажда совсем замучила.

— Извините, пива в этом зале не подаём, — ответил официант. — Вы можете спуститься вниз, в бильярдную.

— Вот ещё, буду я туда спускаться. Рановато шары гонять, — отмахнулся Антон. — Может быть, вина попроще? Что-нибудь плодово-выгодного? Как оно сейчас... порошкового?

— Это тебе зачем? — удивился Илья Витальевич.

— Привык в лесу, — объяснил Антон. — Самую дешёвку в окрестных лавках брали, а там другого и не отыскать было. Откуда в деревне дорогое вино? Найдёшь, — он посмотрел на официанта, — порошкового?

— Извините, — сказал официант, — у нас приличное заведение. Вина только марочные, выдержанные.

Антон в сомнении побарабанил пальцами по столешнице. Потом махнул рукой.

— Ладно, тащи самое дешёвое красное, — решил он. — И водочки грамм пятьдесят.

Официант снова кивнул и отправился выполнять заказ.

— А водка тебе на что? — спросил Витальевич.

— Купаж делать буду, — сказал Антон, и Илья Витальевич не нашёлся что ответить.

За что ещё Илья Витальевич уважал «Огонёк», так это за скорость. Не прошло и десяти минут, как перед Антоном на закопчённой доске появилась исходящая обалденно вкусным паром чугунная сковорода. Рядом официант поставил запотевший графинчик, на дне которого плескалась водка, и открытую бутылку красного вина, а также поставил два бокала — пузатый винный на длинной ножке, и высокий и узкий под водку, напоминавший короткую пробирку.

— Спасибо, дружище! — оскалился ему Антон и тут же опростал половину графинчика в винную бутылку. Официант скептически приподнял левую бровь, но ничего не сказал. Мешать вино с водкой никакими законами не запрещено, а, следовательно, клиент в своём праве. Антон тем временем наполнил бокал почти до краёв и выпил одним большим глотком.

— У-ух! — передёрнувшись всем телом, крикнул он. — Хорошо пошло. Не «Альминская долина», конечно, и не «Агдам», но всё равно.

И занялся жарким.

Илья Витальевич, откинувшись на спинку кресла и лаская в ладони коньячный бокал, наблюдал за другом сквозь полусомкнутые веки. Антон ел быстро, но аккуратно, умело орудуя ножом и вилкой. Хотя и бродил он постоянно по лесам, не вылезая из пещер или иных далёких закутков, но и рестораны не были для него чем-то особенным и незнакомым. Впрочем, оборвал сам себя Илья Витальевич, кто он такой, чтобы оценивать повадки Антона? Вернее, никто не может ему это запретить, но и смысла в подобном мало. Не так часто они встречались, чтобы делать какие-то определённые выводы. Ну и ладно. Хорошо, когда есть человек, которому ты ничего не должен. Если предложить ему денег, он не откажется, но и на шею не сядет, а сам не попросит.

Покончив тем временем с горячим, Антон налил себе ещё вина и, тоже откинувшись, стал прихлёбывать его маленькими глотками, явно наслаждаясь вкусом.

Наслаждаясь... Вино с водкой! Илья Витальевич покачал головой и поинтересовался:

— Итак. Криптопитека ты забросил. Фотки хоть есть?

— Есть, — оскалился Антон. — Только я их не принёс, уж извини.

— Извиняю, — пожал плечами Илья Витальевич. — Мне, ты уж сам извини, от твоей обезьяны ни холодно, ни жарко. Есть она, нет её, фиолетово. Зачем пришёл?

— Если скажу, что повидаться, поверишь?

— Нет. Ты не стал бы собачиться с охраной, если бы пришёл просто повидаться.

Антон довольно ухмыльнулся.

— Вот за что я тебя люблю, Илюха, — сказал он, — так это за то, что всегда зришь в корень.

— Ну и?

Антон хмыкнул и с сомнением посмотрел на пустую винную бутылку.

— Нет-нет, хватит вина! — замотал он головой, когда понял, что Илья Витальевич готов снова призвать официанта. — Дело, понимаешь, такое... — Он поскрёб в бороде.

— Насекомыми не наградишь? — усмехнувшись, поинтересовался Илья Витальевич.

— Надо бы тебя, — пробурчал Антон, — чтобы не задавался. Но...

— Но?

— Обойдёшься без насекомых. Разговора тогда не получится, — пояснил Антон таким тоном, что и не поймёшь, всерьёз он говорит или шутит. Илья Витальевич понадеялся, что второе.

— Да ладно тебе, не напрягайся! — хохотнул Антон. — Какие в наше время насекомые? Знаешь что? — он с прищуром посмотрел на Илью Витальевича.

— Что?

— А пошли в бильярдную?

— Зачем? — удивился Илья Витальевич. — Ты же не хотел спускаться?

— Тогда не хотел, — пожал плечами Антон, — а сейчас не против. Столик этот, — он побарабанил пальцами по столешнице, — размером не вышел.

— Хорошо, — сказал Илья Витальевич, вставая. — Идём.

Они прошли мимо подиума с полуголой девицей, дошли до оркестра, а там свернули на лестницу, которая вела в подвал, где стояли четыре бильярдных стола и располагался бар. В отличие от прочих бильярдных заведений, здесь никогда не бывало много посетителей, потому что бильярдная предназначалась исключительно для клиентов ресторана. Никто не смог бы зайти сюда просто так, с улицы. Владелец «Огонька» берёт своих посетителей от ненужных встреч и в подвале тоже.

Вот и сейчас бильярдный зад был почти пуст, только в дальнем углу лениво орудовал кием какой-то человек. Илья Витальевич знал его, но чисто шапочно. Также завсегда «Огонька». При встрече раскланивались, могли перекинуться парой слов, но и всё.

— О, отлично! — расплылся в улыбке Антон, обнаружив пустой стол для снукера¹. — Всегда хотел попробовать эту игру!

Он принялся расставлять шары.

— Мы сюда играть пришли? — спросил Илья Витальевич. — Или ты хотел что-то показать?

Конечно, злиться на Антона было бесполезно, но его резанула такая беспардонность. Явился, отвлек от отдыха, вниз потащил зачем-то...

— Сыграть, что, не желаешь? — смешливо приподняв брови, ответил Антон. — А я сыграю, тут второй не нужен. А между делом, — он разбил пирамиду, — я рассказывать буду... Эх, неудачный удар!

На взгляд Ильи Витальевича, удар был как раз очень удачный, шары раскатились по всему столу, но кто его знает, как правильно, он бильярдом никогда не увлекался.

— Ай-ай-ай... — удручённо покачал головой Антон, примериваясь. — Ну, будем считать, что ему повезло.

— Кому? — не понял Жогин.

— Сопернику моему, — сказал, не отводя глаз от шаров, Антон. — Его очередь.

В своё время Илья Витальевич, как и все советские люди, смотрел сериал «Место встречи изменить нельзя» и помнил, с какой силой Жеглов заколачивал шары в лузы, аж треск стоял. Антон, однако, ударил довольно слабо. Белый шар не спеша добрался до красного и лишь тронул его. Тот от касания покатился совсем уж медленно. Илья Витальевич подумал было, что он не доберётся до лузы, но красный шар хотя и замер, балансируя, на краю, но всё-таки упал.

— Так вот, — сказал Антон. — Я когда, как ты выражаешься, ловил свою обезьяну и готовился к экспедициям, то много сидел в архивах.

— В архивах?

— Ага, — довольно осклабился Антон и снова ударил, снова по белому шару, но гораздо сильнее. Биток попал по синему, а тот влетел в среднюю боковую сузу. С треском, как и положено. — Понимаешь, интернет интернетом, но кое-какие сведения только в архивах и

найдёшь. Некому их сканировать и размещать в сети. Не модный роман про попаданцев, не порнушка, не фотки звёзд, не...

— Извини, — перебил его Илья Витальевич, — роман про что?

— Про попаданцев, — повторил Антон. — Представь, наш современник попадает в прошлое. В средневековье, или в сорок первый год, в общем, где он сильно умным покажется.

— Как у Марка Твена? — сказал Илья Витальевич.

— Именно!

Антон поднял вверх палец и со значительным видом покачал им. Илье Витальевичу сразу вспомнилась старая сказка про водяного и, почему-то, «Терминатор — 2».

— Так вот, — продолжил Антон. — Наш герой обязательно бывший десантник, превзошёл все науки и очень хорошо знает историю. Даты помнит, всё такое. И вот, попадая — ага, ага! — в прошлое, он начинает там прогрессорствовать. Строит танки в древней Руси, учит воевать товарища Сталина, и прочая чушь.

— И что, — изумился Илья Витальевич, — такое читают?

— С большим, надо сказать, удовольствием, — подтвердил Антон.

— Идиоты какие.

— Ладно тебе, — усмехнулся Антон. — Отдыхать-то надо? Голову разгружать? Ты вот можешь в кабак пойти, а другие не могут себе такое позволить.

— Ладно, — кивнул Илья Витальевич, — чёрт с ними, с попаданцами. Ты в архивах сидел.

— Ага, — снова кивнул Антон и забил ещё один красный. — И вот что я нашёл.

Он вытащил из кармана бумажный свёрток, расправил и разложил его на сукне, придавив шарами.

Карты. Старые географические и топографические карты, вернее, копии малого формата, а также фотографии.

— Аляска, Калифорния, Якутия, — тыкал пальцем Антон. — Магадан. А вот это Южно-Африканская республика. Это всё золотиносные районы.

— Замечательно, — пожал плечами Илья Витальевич. — И что?

— А вот это, — широко улыбнулся Антон, доставая из внутреннего кармана ещё один сложенный лист, — уже наша область. Двести километров от города. Что можешь сказать?

— Ничего, — ответил Илья Витальевич. — Горы вижу, реку вижу, ручей вернее. Сказать ничего такого не могу.

— Я скажу, — улыбка Антона стала совсем уж лучезарной. — С геологической точки зрения эти районы очень похожи. Значит, что?

— Значит... — Илья Витальевич задумался. — Ты имеешь в виду...

— Ну? — подбодрил его Антон.

— Здесь, у нас, тоже есть золото?

— Точно!

— И что?

— Как что?! — Антон неверяще помотал головой. — Тебе что, неинтересно золото?!

Илья Витальевич вздохнул.

— Понимаешь, друг мой, мы же не Америка. Тебе никто не разрешит просто так добывать, а потом сбывать золото. Или алмазы, или чёрную икру. Это собственность государства, и добывать его могут не абы кто. Нет, извини, мне такой геморрой не нужен и

не интересен.

Антон, как щука из давнего мультфильма, открывал и закрывал рот, но не издавал при этом и звука.

— Но... — выдавил он, наконец, из себя. — Неужели нет никаких способов?..

— Дело даже не в способах.

Илья Витальевич резко обернулся. За его спиной собственной персоной стоял Фёдор Параминов, ещё один местный предприниматель средней руки, Ильи Витальевича заклятый друг, а также лучший конкурент. Во всяком случае, так утверждал заместитель Ильи, который, собственно, и командовал фактически фирмой.

Итак, Фёдор стоял позади, и всем видом показывал, что «дураки вы все».

— Тебе не говорили, что подкрадываться неприлично? — спросил Илья Витальевич.

— Что ты, Илья, я не подкрадывался, — усмехнулся Параминов. — Я просто мимо проходил, а тут такой смешной разговор. Так-то делай что хочешь, деньги-то твои. Разоришься, я только рад буду.

Он довольно заржал. Илья Витальевич скривился. Фёдор всегда отличался редкой непосредственностью, и это злило, наверное, больше любой конкуренции, перехваченных контрактов, перекупленных менеджеров и всей остальной неинтересной простым трудягам мелочёвки.

— Что это значит, не в способах дело? — поведя широкими плечами, поинтересовался Антон.

— Вот только не надо нависать, — заявил Параминов. — Никто не хочет перехватить вашу замечательную идею, господин хороший, которого я не знаю. Просто готовиться надо лучше, бизнес-план, так сказать, прописывать.

— И в чём же я не прав? — набычился Антон.

— В том, что здешнее золото трудно извлечь. Нерентабельна добыча, — спокойно ответил Параминов. — Пытались уже, лет шестьдесят назад, ещё в Союзе. А у Союза ресурсов было поболее, чем у, — он язвительно улыбнулся, — уважаемого Ильи Витальевича. Не Вексельберг, чай! Но... дерзайте.

Он ещё раз оскалился, развернулся и направился к выходу из бильярдной.

— Я его не люблю, знаешь, — сказал Илья Витальевич, когда спина Параминова скрылась за поворотом лестницы, — но ведь он прав. Идея твоя, ам-м-м... сыrovата?

— А это кто? — пристально глядя вслед Параминову, спросил Антон.

— Знакомый один, — пожал плечами Илья Витальевич. — Но при всех сопутствующих, он в теме. Геологический заканчивал и даже поработать успел.

— Геологический, говоришь? Ладно, пусть так. Главное, не исторический.

— Почему?

— С геологической точки зрения, — Антон снова продемонстрировал свой палец, — наша местность ничем не отличается от той же Аляски. Но добыча золота признана нерентабельной. Почему, как ты думаешь?

— Удивительный вопрос, — сказал Илья Витальевич. — Нерентабельной потому что нерентабельной. Почему ещё?

— Вот и нет! — громко прошептал Антон с самым таинственным и заговорщицким видом. — Совсем не поэтому.

— Ладно, завязывай с загадками. — Илья Витальевич упрямо поджал губы. Этот разговор начал его раздражать. — В чём дело?

— Не буду томить олигарха, — Антон оскалился во всю бороду. — Добыча признана нерентабельной потому, что копать здесь запрещено. А копать здесь запрещено потому, что в пятидесятые в наших горах взорвали ядерный заряд, а это, сам понимаешь, мероприятие секретное.

— Откуда ты это взял?

— Говорю же, в архивах сидел. Сделали мне допуск в секретные архивы.

— Откуда же?

— Ты не представляешь, — Антон мечтательно взвёл очи горе, — какие разные люди увлекаются криптозоологией! Был у нас один старичок, умер недавно. Оказалось — секретный генерал. Ну, как умер, стал несекретный. Так-то вот...

Он прицелился и заколотил красный шар через весь стол. После чёрный, после... После Илья Витальевич перестал следить. Он задумался о том, что вот живёшь и не знаешь, что по окрестным лесам ходить надо осторожно, если не хочешь подхватить дозу. И что за людьми надо быть, чтобы такую важную, всех касающуюся информацию засекретить? Тем более сейчас, в наше время. А что время, спросил он сам себя. Времена всегда одинаковые, если совсем непредвзято посмотреть. Люди-то не меняются, и древний охотник ничем, по большому счету от нынешнего высокоумного программиста или риелтора не отличается. Отправь их в лес или на необитаемый остров, — будут бегать с копьями, жрать сырое, если огня не добудут, и вообще одичают.

— Всё равно, — сказал Илья Витальевич. — Разработки золота нам не потянуть, даже если разрешат.

— Не надо ничего разрабатывать, — сказал Антон, откладывая кий. — Надо прийти и взять.

— Поясни.

— Минуту, — ответил Антон. — Извини, не могу долго говорить на сухую.

Он отошёл к бару и скоро вернулся с двумя бокалами пива. Пиво, надо признать, в «Огоньке» было хорошее. Уж на что Илья Витальевич не был любителем этого дела, не втянулся в студенческие годы, а после было не до того, так и он иногда здесь выпивал бокал — другой. Так что он не стал отнекиваться, отпил пару глотков и приготовился слушать.

— На самом деле всё очень просто, — начал Антон. — Заряд взорвали в толще скал. Значит, образовалось что? Образовалась полость, — ответил он сам себе, — этакий пузырь в несколько десятков или даже сотню метров диаметром. Золото, которое было в окружающих эпицентр породах, испарилось, а потом конденсировалось, и должно было стечь на дно этого пузыря. Надо прийти и собрать его, вот и всё.

— Это если оно там есть, — сказал Илья Витальевич.

— Есть, не волнуйся, не может не быть, — отмахнулся Антон.

— И если твой пузырь не обрушился давным-давно, — не унимался Илья Витальевич.

— С чего бы ему обрушиться? — удивился Антон. — Тогда, дружище, образовалась бы воронка или провал, который можно было бы засечь с воздуха. Чего, — он допил пиво одним длинным глотком, — не наблюдается. Так что есть и полость, и золото в ней. Осталось, повторяю, прийти и взять.

— Да как ты попадёшь в этот пузырь! — не выдержал Жогин.

— Видишь ли, — снова улыбнулся Антон, — оттуда ручей вытекает. Фон там слегка повышен, поэтому я и решил, что вытекает он именно из пузыря. И в этом ручье я нашёл вот это.

Он достал портмоне, а из него — маленький пластиковый пакетик, в которых продают обычно микросхемы. На дне пакетика поблескивала маленькая жёлтая чешуйка.

— Вот оно, — довольно сообщил Антон, — тамошнее золото. Тоже слегка фонит, но очень слегка, так что можешь не бояться радиации. Всё выветрилось за шестьдесят лет. Мы пройдем ручьем и по нему попадем в пузырь.

— Допустим, это так, — сказал Илья Витальевич. — Что ты хочешь от меня?

— Экспедицию. Сгонять туда, проникнуть в гору, ну и обратно. Думаю, за пару недель мы управимся.

— За пару недель... — повторил Илья Витальевич. — Возьми-ка, сходи, ещё пива. Мне — «Гиннеса», себе какого хочешь.

— Но ты?..

— Думать буду, — пояснил Илья Витальевич. — Две недели, ну-ну...

— Я мигом! — отрапортовал Антон и, действительно, через минуту уже вернулся.

Илья Витальевич пригубил пиво из высокого запотевшего стакана. Хорошо!.. «Гиннес» он распробовал совсем недавно. Был на каком-то сборище в столице, и после деловых мероприятий их всех повели в пивной бар. Хороший бар в центре Москвы, жаль, Илья Витальевич забыл его название. Можно при okazji снова туда заглянуть. Да только когда ему теперь в Москве удастся побывать? Не ближний свет, половину России пересечь. Впрочем, мелочи. Что ответить на предложение Антона? Хорошее предложение, смешное. И не в золоте дело, и не в способах его легализации. Небольшую партию — в несколько килограмм — он вполне мог реализовать, не привлекая ничего лишнего внимания. Особенно если разбить её на мелкие порции. Были соответствующие знакомства. Вот дальше сложнее. Те, кому по штату положено приглядывать за золотым рынком, обязательно обнаружат появление лишнего металла и начнут копать. Значит, выбрасывать золото на рынок надо нечасто и не регулярно. В том случае, конечно, если золото там действительно есть. Мало ли что Антон нашёл в ручье, говорят, золото и Подмосковье есть. В следовых количествах, да... Если же нет, то... Улыбка тронула губы Ильи Витальевича. Съездить в предгорья, отдохнуть, развеяться, походить по лесу, заглянуть в пещеру — что может быть интереснее? Особенно для подростка.

Илья Витальевич представил, как загорятся глаза сына — и понял, что он уже всё решил.

— Хорошо, — сказал он, отставляя пустой бокал. — Будет тебе экспедиция. Только...

— Что? — подался к нему Антон.

— Подготовкой займусь я, — решительно сказал Илья Витальевич. — Тебя не пушу.

— Это почему это? — лицо Антона вытянулось.

— Не обижайся, — примирительно выставил вперёд ладони Илья Витальевич. — Не золото это тебе не обезьян ловить. Потом, у меня специальные люди есть. Огонь и воду прошли. Так что от тебя — точка на карте и примерный маршрут. Мысли о маршруте.

— Но, — Антон подвигал бородой. Гордость боролась в нём с осознанием необходимости такого решения. — Но советовать я могу? Всё-таки, не один десяток походов за плечами.

— Советовать, — сказал Илья Витальевич, — это обязательно. Я дам твой контакт моему человеку, свяжетесь. Посчитает необходимым, то привлечёт тебя. Да, наверное, точно привлечёт. Места ты знаешь, а он у меня не дурак. Только, — Илья Витальевич со значением посмотрел на приятеля, — держи язык за зубами. Мы дело не начали, а уже засветились.

— Могила, — ответил Антон и гулко ударил себя кулаком в грудь.

Фёдор Параминов нервничал. Без особых поводов, ну и что? Параминов доверял своему чутью, оно редко его подводило. Сейчас оно обосновалось на краю сознания и зудело, и раздражало, мешая сосредоточиться. А всё Илюха! Почему ему всегда так везёт? Удача словно прописалась у него, не покидала ни при каких обстоятельствах. Даже когда казалось, что вот, что именно сейчас он ошибся и прогорит, даже тогда оставался с прибылью.

Где-то в глубине души Фёдор понимал, что везение тут ни при чём, что Илья просто умел работать, но... он ведь тоже вкалывает не покладая рук? Почему же он всегда на шаг позади? Вот и сейчас: почему идея с золотым пузырьём явилась именно к Илье? Перефразируя, почему именно у Ильи оказался чудик-знакомый, одержимый поисками странного и неожиданного? Да, это случайность, но ведь ничего случайного на свете нет, всё происходит не просто так, у всего есть предпосылки, и только в наших силах сделать своё будущее не случайным, определённым. Или нет?

Чувствуя, что запутался, Фёдор с досады сломал карандаш, который крутил в пальцах. Треск дерева привёл его в себя и успокоил. Что же, мы не властны над прошлыми, но настоящее в наших руках. Если, конечно, у нас достаточно ума.

Фёдор Параминов не без основания считал себя умным. Дураки, знаете ли, не достигают того, чего достиг он.

Параминов утопил кнопку селектора.

— Верочка, Афанасьев прибыл?

— Да, Фёдор Иванович, — раздался в динамике голос секретарши. — Ждёт.

— Давно?

— Минут пятнадцать как. Вы просили вас не тревожить.

— Да, конечно, — сказал Фёдор. — Пусть проходит. Да, и сделайте нам кофе.

Сделайте... Если её попросить, она сделает не только кофе, и без всякого выканья. Но Афанасьеву это знать вовсе не обязательно. Хотя... он наверняка догадывается. С другой стороны, догадываться и знать — разные вещи. Жениться, что ли?

Дверь открылась, и в неё бочком протиснулся Афанасьев, выполнявший для Параминова «особые поручения». Так-то он служил по административно-хозяйственной части. Завхоз, ага. Этакий шкаф...

— Садись.

Параминов кивнул на диван. Вот недостаток могучей комплекции: не любое кресло выдержит. Да не во всякое и сядешь...

Вошла, покачивая бёдрами, Верочка, выставила на стол кофе, сахарницу и плошку со сливками, и вышла. Фёдор проводил её взглядом: да, и женился бы, будь лет на двадцать моложе. Теперь придётся общаться во грехе, впрочем, он не женат, так что греха никакого нет.

— Ну? — обратился Параминов к Афанасьеву, когда секретарша закрыла за собой дверь. — Что он делает?

Афанасьев добавил в кофе сливки, не торопясь размешал, сделал глоток. Миниатюрная чашечка в его лапище казалась игрушечной.

— Готовится к чему-то, — сказал он.

— Конкретнее?

— Закупает продукты. Те, которые не портятся. Крупы, вяленое мясо, супы в пакетах,

сухофрукты, — ответил Афанасьев и снова пригубил кофе. — Генератор из Москвы заказал, на днях прийти должен. Палатки армейские выписал.

— Дальше, — нетерпеливо потребовал Параминов.

— Машины на техобслуживание загнал, — пожал плечами Афанасьев. — Вне очереди. Я выяснял, ему ещё полгода до следующего ТО.

— Что за машины?

— Прошу прощения, Фёдор Иванович. Внедорожники, свой и тот, что на фирму оформлен. Здоровенные такие гробы, да вы знаете.

Фёдор знал. Внедорожники были настоящие, негламурные. На таких и в пустыню, и в лес, и близ болота прокатиться можно. В самом деле повышенной проходимости, не паркетники, какие покупало большинство быстро разбогатевшей молодёжи.

— И как думаешь, к чему он готовится? Ты же не можешь не строить версий. Я прав?

— Правы, Фёдор Иванович.

Афанасьев наполнил чашечку ещё раз и с видимым удовольствием стал пить.

— Хороший у вас кофе, Фёдор Иванович, — сказал, наконец, он. — Где достаёте? Не поделитесь местами?

— Обычный кофе, — махнул рукой Параминов. — Из супермаркета, хотя и не самый дешёвый. У Веры спрашивай, она колдует. Ты мне не ответил.

— Поход какой-то затеял Илья Витальевич. — Афанасьев пошевелил кустистыми бровями. — Куда-то за пределы цивилизации, где ни магазинов, ни электричества. Палатки у него не утеплённые, значит, поход скоро, не позднее августа, в сентябре в таких уже не поспишь.

— Куда, не выяснил?

— Пока нет, — ответил Афанасьев. — Мне кажется, это самое простое.

— В смысле?

Афанасьев слегка улыбнулся. Не снисходительно, Параминов бы этого не понял, а так, самую малость.

— Перед стартом жучка ему подсажу, будем в курсе.

— Почему не сейчас? — спросил Фёдор.

— Сдохнет. Жучок маленький, батарейка хилая. Надо самое раннее за день подсаживать.

— Смотри, не промахнись, — проворчал Параминов. — Не хотелось бы проспать. Что-то он задумал, и я хочу быть в курсе.

— Не волнуйтесь, Фёдор Иванович, — обнадёжил его Афанасьев. — У меня в их гараже кореш старый работает, маякнёт.

— Ты не боишься?.. — начал Параминов, но Афанасьев умоляюще сложил руки на груди.

— Очень давний кореш, ещё никакого бизнеса в помине не было. Мужчина умный, с понятием, связь со мной не светит, — он на миг задумался, потом усмехнулся. — Спящий агент, вот как это называется. Я его берегу. За день до старта их похода он мне позвонит, там договоримся о встрече. Не волнуйтесь, комар носа не заточит.

— Хорошо, если так, — задумчиво сказал Фёдор. — Поход этот, может, чушь и пустота, развлечение для этих, как их, — он с вопросом посмотрел на Афанасьева. — Скаутов? — спросил тот. — Именно, скаутов. Не хочется твоего человека светить.

— Не засветим, — уверенно заявил Афанасьев. — Всё на мази, Фёдор Иванович.

— Да, паранойя, — пробормотал Параминов. — Хорошо, держи меня в курсе.

Афанасьев вышел, и Параминов вызвал своего главного безопасника. Это был старый кадр, зубы съевший на тайных делах, давний знакомый отца. Давно уже немолодой, но прямой и сильный, способный дать фору более молодым коллегам.

— Вот что, Кузьма Кузьмич, — сказал Фёдор, когда моложавый безопасник занял место напротив. — Вылазку готовь, в лес, в предгорья. Человек пять — семь, вместе со мной и тобой, дней на десять.

— Когда? — коротко спросил Кузьма Кузьмич.

— За сутки — двое скажу.

— Значит, готовиться надо уже сейчас, — кивнул старик. — Точный маршрут известен?

— Пока нет, — недовольно покачал головой Параминов.

— Ладно, не страшно, — ответил Кузьма Кузьмич. — Всё сделаю, Федя.

— Добро.

Оставшись в одиночестве, Фёдор Иванович вывел на экран фотографию Жогина.

— Значит, ты решился... — сказал он, глядя в экран. — Что же ты такое узнал, а? Такое, что не знаю я?

1. Снукер — игра на бильярде.

Глава 2

Кошку-трёхцветку звали Шишка, но Илье Витальевичу это имя не нравилось. Поэтому, в зависимости от настроения, она была: Сушка, Живая, Проглотина, Наглая Скотина, Киса-Сберкниса, просто Кошка или ещё как. Возможно, кошка удивлялась такому разнообразию, но не протестовала. Зачем возражать, если в миске всегда свежий фарш, а в семье мир и покой?

Нет сомнений, кошка считала всех, живущих в доме Ильи Витальевича, своей семьёй. К хозяйке она относилась снисходительно-ровно, позволяла себя кормить и вычёсывать. Четырнадцатилетнего Артёма принимала за детёныша, которым он, собственно, и был, любила забраться ему на плечи и вылизывать макушку. Парень в эти минуты сидел, боясь пошевелиться. Поздний ребёнок, он привык, что его всячески баловали, но одно дело предки, которым это от века положено, другое дело — столь независимое существо, как кошка.

Илью Витальевича Шишка обожала, всегда встречала на пороге квартиры, и в те часы, которые он проводил дома, не отходила от него ни на шаг. Вот и сегодня, стоило ему устроиться в кресле, кошка запрыгнула к нему на колени и полезла целоваться...

— Ки-иса, — сказал Илья Витальевич, протягивая к ней руку. — Киса-Миса.

Кошка коротко муркнула и выгнула спинку, пушистым хвостом мазнула Илье Витальевичу по лицу.

— Киса-Шмиса-Драндулиса, — сказал он, зарываясь пальцами в шерстяное жабо питомицы. — Ух ты, зверюга!..

Кошка прикрыла глаза и тихонько заурчала.

Век бы так сидеть! От кошки шло ровное тепло, горло уютно подрагивало.

— Лучше бы ты вывез Артёма на море.

Илья Витальевич отвлёкся от кошки, поднял взгляд на жену. Марина стояла в дверях, привалившись к косяку. Она совсем не изменилась за те без малого двадцать лет, что они вместе. Такая же прямая, подтянутая, длинноногая, лишь в волосах появились седые пряди. Вот только глаза... И не в морщинках дело, улыбка делает их добрыми и домашними, такими же уютными, как пение довольной жизнью кошки. Нет, в глазах супруги поселились усталость и толика горечи. Они не светились более радостным удивлением жизнью.

— На море мы были прошлым летом, — спокойно ответил Илья Витальевич.

— На море, — с нажимом повторила Марина, — нужно ездить каждое лето. Ребёнку нужны солнце и морской воздух. Не помнишь, как мы мучились с его астмой?

— Мы мучились, — покачал головой Илья Витальевич. — Он мучился, а мы постольку — поскольку.

— Всё равно.

— Ребёнку... Кстати, ты при нём так не скажи, если ему пятнадцатый год уже, — заговорил Илья Витальевич. — Во-первых, его астма прошла, во-вторых, лесной горный воздух тоже очень неплохо. В третьих, помнишь, как он обрадовался поездке? Всем приятелям развонил уже про поход.

— Но лес! — сердито сказала Марина. — Комары. Клещи, хорошо если обычные! А если энцефалит?! Грязь! Ни помыться, ни в туалет, извини, нормально сходить. И это ты предлагаешь домашнему мальчику?

— Но море! — Илья Витальевич тоже начал закипать. — Жара. Солнечный удар. Немытые фрукты. Непривычная еда, да чёрт с ней, что непривычная, просто прокисшая, потому что какой-нибудь турок думал не о работе, а про доступных туристок. Лежаки на пляже! Кто его знает, кто там ночевал? Вдруг местный бомж с букетом болячек?!

— Ну, знаешь! — заявила Марина. — У нас достаточно денег, чтобы выбрать хороший отель с хорошим бассейном и охраной. И никаких бомжей.

— Вот радость, — скривился Илья Витальевич, — вместо моря купаться в бассейне. И это для четырнадцатилетнего мальчишки! Ему с маской понырять захочется, краба поймать. Какие, скажи на милость, в бассейне крабы?

— И всё равно я не понимаю, что за радость две недели просидеть в лесу, — устало сказала Марина. — Зачем, если можно нормально отдохнуть?

— Так съезди, отдохни, — удивился руками Илья Витальевич. — Я что, ограничиваю тебя в средствах?

— Я не про это совсем, как ты мог подумать? — тихо и уже без азарта ответила Марина. — Жизнь наша стала...

— Ну?.. — подбодрил её Илья Витальевич.

— Неправильная какая-то. Мы всегда отдельно, словно и не семья.

Илья Витальевич ссадил кошку с колен, подошёл и обнял супругу. Она не отстранилась, как бывало в последнее время, ткнула носом ему в плечо.

— Поехали с нами? — предложил Илья Витальевич.

— Нет уж, — сказала она, — в лес не хочу.

— В лес и горы, — продолжил Илья Витальевич.

— Всё равно нет. Я лучше на море.

— Тоже дело.

Подержав жену в кольце сомкнутых рук с полминуты, Илья Витальевич наконец разжал объятья:

— Поезжай. Надо же тебе развеяться?

— Развеяться, — эхом откликнулась Марина, повела плечами и вышла из комнаты. Илья Витальевич вернулся в кресло и сел, не отводя взгляда от дверного проёма. Правильно ли он поступил? Довольно ли тепла было в его голосе? Вдруг она подумает, что он равнодушен и не интересуется её жизнью? Да, они договорились пару лет назад, что самостоятельные люди, что молодая страсть прошла, и они вольны выбирать сами, как и с кем проводить время, но всё равно. Он считает, что договорились, а она? Рада ли Марина их договору, или с её стороны это была такая попытка давления на него? Парадоксальная попытка приблизиться, намёк на то, что он мало обращает на неё внимание? Илья Витальевич мысленно перебрал вехи их общей жизни. Могла ли она подумать, что он охладел? Он охладел, конечно, это бывает почти всегда, но ведь не так чтобы очень? Ведь он любит её? Наверное. Тогда почему они так редко спят вместе? То есть, это была её инициатива, и Илья Витальевич согласился. Может быть, он согласился слишком легко?

Дьявол их разберёт, этих женщин! Столько лет вместе, а он не может сказать, что понимает её до конца. А она? Илья Витальевич пожевал в сомнении губами. Она понимает себя до конца?

Так и не решив ничего определённого, он прогнал эти мысли из головы. Действительно, пусть съездит, прожарится под солнцем, глядишь, что-то и разрешится.

Словно дождавшись конца разговора, Киса снова запрыгнула ему на колени.

— Ма?

— Кошка это глаза, — сообщил ей Илья Витальевич. — Правильно, Киса?

— Ма, — ответила кошка, и Илья Витальевич был готов поклясться, что это «Ма» прозвучало совсем иначе, чем первое. Согласно прозвучало, подтверждающее. Кошка тем временем вытянулась на его коленях, свесив хвост к полу. Глаза её смотрели куда-то в поручень кресла, прозрачные, как капли росы. Уши сторожко отзывались на гудки автомобилей за окном.

Замечательные существа кошки! Понятные и простые. Если уши не прижимает, то и не вцепится. Главное, за брюхо её не хватать. Нетрудно запомнить, что именно им не нравится. Жаль, женщины не кошки, женщины-кошки только в глупых американских фильмах встречаются...

Июньские ночи коротки.

Только, вроде, встретили закат, только успели, поворочавшись в ожидании отправления, забыться сном — и вот пищит телефон, и пора просыпаться. Не успели выпить кофе, а телефон снова сигналил: Виктор, охранник, он же водитель и инструктор по скалолазанию, сообщает, что машина подана. Не беда, с вечера приготовлены термосы с кофе и чаем, в холодильник-переноску сложены бутерброды и копчёное мясо; перекусить можно и в дороге.

Через двадцать минут Илья Витальевич в сопровождении зевающего Артёма спустился с крыльца во двор. Виктор приветственно помигал габаритами, вышел и направился навстречу.

— Как спалось, шеф? — пожимая Жогину руку, спросил он.

— Спалось... — передёрнул плечами Илья Витальевич. — Так себе. Ты один?

— Вадим за Антоном Сергеевичем поехал, договорились у самолёта встретиться.

Война до города не добралась, но в пригороде располагался транзитный аэродром. Здесь на полпути из Америки в Европейскую часть Союза останавливались аэрокобры, которые Союз получал по лендлизу. Лётчики отдыхали, машины заправлялись топливом и продолжали свой путь навстречу мясорубке войны. В память о тех событиях на выезде из города поставили постамент с самолётом. За прошедшие годы город вырос и давняя окраина стала чуть не центром. Влюблённые назначали свидания «у самолёта», к нему же приезжали после ЗАГСa новобрачные, молодёжь гонялась по дорожкам на скейтах, и вообще, сквер у памятника был у горожан популярным местом отдыха.

— Ага, — кивнул Илья Витальевич. — Ничего не забыл?

— Обижаете, шеф, — улыбнулся Виктор. — Вместе же собирали!

Потом он обернулся к Артёму:

— Здорово, парнище! Ты прямо десантник.

Артём, одетый в новый, необмятый ещё комбинезон цвета хаки, протяжно, клацнув зубами, зевнул:

— Зда-а-арово, дядя Витя!

— Ладно, занимаем места, трогаемся, — распорядился Илья Витальевич и оглянулся на окна первого этажа. Марина не вышла их провожать, да и ни к чему это, хоть и лето, а прохладно, зато смотрела на них в окно. Встретив взгляд мужа, улыбнулась и помахала рукой. Ну и славно. Илья Витальевич отсалютовал в ответ и захлопнул за собой дверцу.

Улицы после ночи были пустынные, и до «самолёта» добрались за считанные минуты.

Их уже ждали. Вадим припарковал машину за пьедесталом, но разве такую бандуру спрячешь за небольшим памятником? Особенно, если сзади к нему прицеплен длинный трейлер, этакий домик на колёсах. Главным же «демаскирующим» фактором служила рыжая борода Антона, который стоял у трейлера, облокотясь о запаску.

Виктор притормозил рядом.

— Всё в порядке? — спросил Илья Витальевич, опустив стекло у пассажирского места.

— А то, — широко улыбнулся Антон. — Не возражаешь, если я к тебе сяду?

— Вай нот? — улыбнулся в ответ Илья Витальевич.

— Ну и ладненько.

Антон занял место на заднем сиденье, рядом с Артёмом, и Илья Витальевич мимолётно, почти серьёзно пожалел о своём решении. Машина и так была загружена, а с появлением в салоне приятеля в ней стало тесновато.

— Артёмка, — обратился он к сыну, — места хватает? Не раздавит тебя этот медведь?

— Куда ему, отец, — ломающимся подростковым баском ответил сын. — Как бы я его не раздавил.

— О! — поднял вверх палец Антон. — Узнаю брата Колю. Весь в отца. Ты вымахал, однако. Я тебя во-от таким помню!

Он показал двумя пальцами, каким именно помнит Артёма и захохотал, задрав бороду в потолок. Илья Витальевич тоже вспомнил, каким был его сын когда-то, и улыбнулся. Артём промолчал с совершенно независимым видом, и Илья Витальевич отвернулся, чтобы тоже не засмеяться.

— Ладно, — сказал Жогин. — Поехали уже.

Виктор выехал на безлюдную Ленина. Впереди над Восточным микрорайоном вспухало красное солнце. Навстречу попала грузовая машина с надписью «Хлеб».

— В Центральный поехала, — авторитетно сообщил Артём.

— Почему это? — обернулся к сыну Илья Витальевич.

— Там всегда хлеб самый свежий.

— Возможно, но ты-то откуда знаешь? — удивился Илья Витальевич. — Ты ведь в магазин не ходишь.

— Так, — сделал неопределённое движение плечами Артём. — Рассказывали.

— Рассказывали. — повторил Илья Витальевич. — Понятно.

— А ты сам как думаешь? — спросил его Антон. — Где хлеб самый свежий?

— В Центральном, — не задумываясь ответил Илья Витальевич. — У нас главбух рядом живёт. По пути на работу заходит, покупает, поэтому у нас всегда свежайшие булочки к чаю. Я ей даже доплачиваю немножко, чисто символически, за заботу.

— И сколько это, по-твоему, выходит? Чисто символически? — поинтересовался Антон.

— Тысяча в месяц, — ответил Илья Витальевич. — Что, много? Или мало?

— Да нет, — сказал Антон. — Нормально. По её доходам, наверное, и точно символически.

Тем временем Виктор свернул на Энгельса, и машину закачало на ухабах. Илья Витальевич всегда удивлялся: почему не могут привезти в порядок улицу с таким гордым именем? Причём так было, сколько он себя помнил. Ещё в старые, союзные времена улица Энгельса была пыльной, кривой, застроенной покосившимися хибарами, словно соратнику Маркса не хватало внимания, словно его уважали не как философа и вообще, наверное, не

самого плохого человека, если так можно сказать про одного из классиков, а просто как соратника Маркса. По остаточному принципу уважали. Извини, Фридрих, так получилось. Асфальт, если и лежал, то кусками, на ровных местах, оставляя ямы дождям и прочим явлениям природы. Тех хибар давно нет, по сторонам улицы выстроились нарядные особнячки, но асфальт так и лежал — пятнами, напротив гаражных ворот.

— Витя, — спросил у водителя Илья Витальевич, — а что мы свернули? Разобьёшь подвеску.

— Солнце в глаза, — объяснил Виктор. — Извините, Илья Витальевич, сейчас на Первопроходцев вывернем, там уже напрямик на шоссе.

— Ну, тебе виднее, — кивнул Илья Витальевич и обернулся. Позади, как привязанный, пылил Вадим; трейлер переваливался на колдобинах.

— Н-да, — произнёс Илья Витальевич. — Двадцать первый век на дворе. Чем им всем так Энгельс не угодил?

— Кому им? — спросил Антон.

— Да вот этим вот всем. — Жогин обвёл окрестности рукой. — Местным жителям. Небедные же люди, давно бы дорогу привели в порядок.

— Это они мстят! — хохотнул Антон.

— То есть?

— То есть Энгельсу мстят, за «Капитал».

— Всё равно не понял, — сказал Илья Витальевич.

— Ну как же, — сказал Антон. — Капитализм же!

— Ну и что?!

— Капиталы есть — а счастья нет, — объяснил Антон.

— Да? Ну, да... — Илья Витальевич не нашёлся что ответить. Глянул на забившегося в угол салона Артёма, словно в поисках поддержки, но сын, кажется, их даже не слышал. Водрузив на голову здоровенные наушники и закрыв глаза, он подёргивался в такт неслышимой музыке.

— А что, скажешь, счастливы они? — продолжил Антон. — Думаешь, если на столе виски за штуку баксов, то уже счастье?

— Всё лучше, чем квасить денатурат, — ответил Илья Витальевич. — И мягкая кровать лучше, чем гнилой матрац в теплоцентрали. И, знаешь, хорошая горячая еда, чёрт с ними, с разносолами, простая еда из свежих продуктов! — она лучше, чем объедки из контейнера!

— Ты даже не представляешь, какие там попадаются вещи, — оскалился Антон.

— Ел?

— Нет, но мне рассказывали. Срок годности истёк — и элитные колбасы отправляются в отходы.

— Я бы не стал, — поджал губы Илья Витальевич.

— И я бы не стал... наверное, — согласился Антон. — Но разве это счастье? Это просто комфорт.

— Хорошо, это просто комфорт, — сказал Илья Витальевич. — Наверное, здесь ты прав. Но что тогда счастье? Если не комфорт везде, если не хороший дом, не еда любая, какую хочешь, ни виски за, как ты говоришь, штуку баксов, то что?

— Когда тебя любят? — предположил после паузы Антон. — Когда ты любишь?

— Любовь... — задумчиво проговорил Илья Витальевич. — Любовь может быть мучительна. Нет, это не счастье, это просто любовь.

— Просто комфорт, просто любовь, такие всё простые вещи? — произнёс серьёзно Антон.

— Да, — кивнул Илья Витальевич. — А ты думал, что такое счастье?

— Счастье, — сказал Антон, доставая из сумки бутерброд и откусывая от него, — это, я думаю, когда ты знаешь, что всё правильно. Раньше было правильно, сейчас, и будет правильно потом. И так, с этим знанием, живёшь. Будешь? — он достал ещё один бутерброд и протянул его Илье Витальевичу. — Вкусный, с колбасой.

— Нет, — помотал головой Илья Витальевич. Отвернулся и замолчал.

Как и обещал Виктор, скоро свернули на прямой, как по линейке проведённый проспект Первопроходцев. Теперь солнце светило в левую скулу. Илья Витальевич откинулся в кресле и надвинул бейсболку на глаза.

Город кончился, потянулись промышленные пригороды. Элеватор, железобетонный комбинат, рядом цементный завод, потом автохозяйство и многочисленные гаражи. Следом пошли ближние деревни: Есино, Елино, Елистратово. После Ермаково жильё уже не попадалось. Шоссе обступил вековой еловый лес, а впереди, на горизонте встали невысокие горы. Те самые, где, по словам Антона, шестьдесят лет назад подорвали атомную бомбу.

Ведь он ничего не проверил! Не навёл справки! Почему он поверил Антону на слово? Илья Витальевич обернулся. Антон спокойно спал, раскрыв рот. Рыжая борода шевелилась от его дыхания. Никак он не походил на человека, который соврал, да и зачем ему врать? Насколько Илья Витальевич знал, его приятель хоть и был натурой увлекающейся, но никак не прожектёром или чудиком. Человек основательный, ко всему подходящий серьёзно. Тому — Илья Витальевич нашёл в зеркале машину Вадима — сам их поход свидетелем, то, как Антон подошёл к его организации. Формально готовил экспедицию Виктор, но большую часть работы провёл именно Антон. Развёл столь бурную деятельность, что Виктор, докладывая, только круглые глаза делал. Так что нет, не мог он соврать, а значит, бомба была, и пузырь есть.

И золото, возможно, будет.

Золото... В голову пришёл недавний разговор. Может быть, оно приносит счастье? Может ли он сам сказать, что счастлив? Да и было такое хоть когда-нибудь?

Илья Витальевич порылся в памяти. Было, точно было. Когда область выиграл. Сидел в полнейшей прострации на полу в гостиничном номере, пил воду из-под крана. Один стакан, второй, третий. Плыл на волнах эйфории. Потом, вечером, когда водку пили за победу, было уже не так. Пьяно, весело, но не счастливо, просто хорошо.

Когда из армии увольнялся. Как вручил ему военный билет с печатью и надписью «уволен» подполковник Черногон, тоже счастлив был. Минуты две, потом заботы навалились: дорожные получить, обходной лист подписать. Тоже душа пела, но не от счастья, оттого, что сбросил ненавистное ярмо, то, чего так давно ждал и о чём мечтал. Но разве это счастье?

Когда первая жена ушла, он был несчастлив, но и доволен, потому что свобода. Облегчение — это ведь не счастье?

Когда Маринка, уступая его уговорам, сказала «да», тоже был счастлив. Недолго, до первой ссоры, да и потом не раз. Когда Артёмка родился, например. Но это моменты, редкие, а так — обычные будни, рутина. Разве это счастье?

— Витя, — повернулся он к водителю. — Ты знаешь, что такое счастье?

— Нет, — ответил Виктор.

— Но, как же так... — удивился Илья Витальевич. — Ты не мог не думать об этом, это делает каждый. Ты был когда-то счастлив?

Виктор бросил машину влево, обходя выбоину в асфальте, покрутил головой, словно воротник ему жал, и произнёс:

— Конечно. Помню, в Чечне осколок мимо прошёл. Нас накрыли на дороге из миномётов, я сознание потерял. Очнулся — вижу, осколок торчит из стенки БТР. Сантиметров на десять с моей головой разминуся. Вот в этот миг я был счастлив. Ох, и напился я потом на радостях! Чуть не умер. И потом, когда война окончилась, а я жив остался, тоже. Но это так недолго!.. Может быть, счастье — просто жить? Жить, когда вокруг смерть?

— Может быть, — задумчиво сказал Жогин.

Он отвернулся и скоро тоже задремал. Разбудили его голоса. Илья Витальевич открыл глаза.

— Скоро развилка, — говорил с заднего сиденья Антон. — Нам налево.

— Странно. — Виктор сомневался. — Здесь нет никаких второстепенных дорог.

— А это не дорога! — хохотнул Антон. — Это, как у нас принято, направление.

— Нда-а? — недовольно протянул Виктор. — Подвеску бы не убить. Там проехать-то можно?

— Можно, наверное, — сказал Антон. — Мы, в нашей последней экспедиции, проезжали. У нас, правда, армейский вездеход был.

— И где-то вы его достали?.. — спросил в пространство Илья Витальевич.

— Мы, дружище, не абы кто, — хмыкнул Антон. — Вот уж нашли, где достать. Вон там! — Он хлопнул Виктора по плечу. — Видишь, ель с обгоревшей верхушкой? Там и сворачивай, увидишь где.

Антон ошибся. Это была именно дорога. Дорога, предназначенная для мощной техники с высоким клиренсом, которой безразличны ямы и густая грязь.

Антон оказался прав. Дорогой эту мешанину из луж и ухабов назвать было трудно. Именно направление, по которому им предстояло двигаться.

Следующие часы превратились в мучение. Машины бросало из стороны в сторону, и скоро их по крышу покрывала глина. Щегольской трейлер стал похож на сарай на колёсах, и только чудом сохранил целой ходовую часть. Машины стоили истраченных за них денег и выдержали путь достойно. Но всё когда-то кончается. К обеду впереди открылась обширная дикая вырубка. Безлюдная, старая и заброшенная, судя по отсутствию времянок и техники, и проржавевшим тракам в кустах неподалёку.

— Чёртовы китайцы... — выругался сквозь зубы Антон. — Так они весь лес к себе вывезут.

— Точно знаешь, что китайцы? — спросил, без сил опускаясь на первое попавшееся бревно, Илья Витальевич. — Наши тоже деньги любят.

— Что я, китайца от русского не отличу? — буркнул Антон. — Отличу, будь уверен. И от бурята отличу, и от гольда.

— Ну, тебе виднее, — сказал Илья Витальевич и вдруг засмеялся. Следом за ним фыркнул и Артём, и скоро они с отцом хохотали в два голоса. Потом к ним присоединились покинувшие водительские места Виктор и Вадим.

— Чего смешного? — сумрачно поинтересовался Антон, размазывая грязь по лицу.

— Ви... ви... видел бы ты себя! — отхохотавшись, заявил Жогин, а Артём угукнул. —

Слушай, Энтони? Может, твоя обезьяна — вовсе не криопитек? Может, это турист, форсировавший эту дорогу?

— На себя посмотри, — огрызнулся Антон, потом не выдержал, и засмеялся тоже.

— Я воду принесу? — предложил, когда все немного успокоились, Вадим. — Умоетесь.

— Не надо, — махнул рукой Антон. — Тут рядом ручей, там и умоемся.

Это удалось не сразу. Ещё около часа путешественники потратили на то, чтобы найти подходящую полянку и вытолкать туда внедорожники и трейлер.

Ручей в самом деле оказался неподалеку. По прямой до него выходило не более трёхсот метров, но пришлось поплутать, продираясь сквозь заросли орешника и укедрового стланика. Зато потом... Увидев ручей, Илья Витальевич остановился в восхищении: чистейший поток струился между деревьев и кустов, неторопливо шевеля тёмно-зелёные, почти синие пряди водяной травы, которой Илья Витальевич не знал названия. А вокруг — тишина, которую нарушали только журчание воды и треньканье какой-то пичуги.

— Как волосы у русалки, — незнакомым, каким-то очень взрослым голосом сказал Артём.

— Да, сын, — согласился Илья Витальевич. — Мы в сказке.

Берега ручья были нетронуты. Ни следов, ни грязи, не то что на вырубке, переполненной гниющими ветвями и кучами опилок. Китайцев-заготовителей тоже поразила красота этого места. Или, что вероятнее, занятые своим варварским «бизнесом», они просто не смотрели по сторонам и до ручья не добрались.

— Дальше не поедем, — когда они кое-как привели себя в порядок, предложил Антон. — Только технику гробить. Не вездеходы, всё-таки. — Он усмехнулся. — Предлагаю встать лагерем. И от дороги не слишком далеко, и вода близко.

— От дороги, ну-ну... — сказал Виктор, а Вадим согласно покивал.

— Дожди прошли, — развёл руками Антон. — Подсохнет, лучше будет,ходимее. Ну, то есть я надеюсь.

— Хорошо, — решил Илья Витальевич. — Так и поступим.

— Да! — хлопнул себя по лбу Антон. — Самое главное я забыл!

— Что? — не понял Жогин.

Антон махнул рукой, порылся во внутреннем кармане куртки, затем вынул и гордо продемонстрировал портативный радиометр.

— Я практически уверен, что это именно тот ручей, который нам нужен. Однако, не мешает проверить.

Он подержал прибор у воды, потом поднял и торжественно показал окружающим.

— Всё верно! Фон повышен, это именно тот ручей!

— Давай-ка от воды, друг ситный, — сказал Илья Витальевич сыну.

— Но, па!

— Радиация, опасно.

— И ничего не опасно, — набычился Антон. — Радиация в пределах нормы. Смотри, — он показал радиометр Илье Витальевичу, — показания в зелёной зоне.

— Всё равно, — сказал Илья Витальевич. — Если что, мне Марина голову открутил, а потом я тебе.

— Глупости, — отмахнулся Антон. — У тебя дома фон на треть выше. Я специально замерял.

— Это почему вдруг? — не поверил Илья Витальевич.

— Есть, дружище, такой радиоактивный газ, радон называется, — с умным видом начал Антон. — Образуется при распаде урана и тория, кажется.

— Ну и что?

— А то, дружище, что уран всегда есть в составе гранита, а ты недавно облицовку фасада поменял, как раз гранит поставил. Уран распадается, радон образуется и стекает вниз, он же тяжёлый.

— И что теперь? — потерянно спросил Жогин.

— Ничего! — хлопнул его по плечу Антон. — За месяц-другой вся радиация сойдёт на нет, да и сколько там этой радиации.

Взревели трубы, барабаны забили тревожно, и ворота во внутренние помещения храма отворились. Первыми в два ряда шли, наклонившись вперёд и отставив в сторону одну руку, шестеро нагих девушек, обозначавших священных урмалов. Серебряная упряжь, на головах золочёные рожки, а между рядами — полированного дерева шест, который девушки сами и несли, прихватив второй рукой. С переднего конца шеста скалилась страхолюдная морда, задний конец тащил за собою открытую повозку. В ней сидела старая жрица, тоже нагая, а за повозкой, привязанная за шею цепью, шагала Он Си. Покачивалась из стороны в сторону, голова моталась из стороны в сторону. Опоили жрецы, да и как иначе победить страх?

Ил Су скрипнул зубами. Милую опоили, а его обманули. Сказали, что приболела Он Си, не может выйти на крыльцо храма, в горячке лежит. А оно — вон как...

Барабанщики, блестящие от пота, ускорились. Дум-дум-дум! Ду-дум! Ду-ду-дум! Дум-дум-дум! Ду-дум! Ду-ду-дум! Дум-дум-дум! Ду-дум! Ду-ду-дум! Шорох пробежал по круглому залу, поднялся ярусами вверх, разбился о купол. Люди, собравшиеся в храме, подавались вперёд, тянули руки. Примета такая: если коснёшься храмовницы, то весь год будет тебе сопутствовать удача. Коли тронешь жертву, то удача удвоится и утроится. Вот и стремился всякий попасть в первые ряды. Оттуда, если постараться, то можно и дотянуться. Знали об этой примете жрецы? Наверняка. Процессия двигалась медленно, но всякая дорога когда-нибудь кончается. Завершив круг, упряжка остановилась. Служка выскочил из темноты, с поклоном подал жрице руку, помогая сойти с повозки. Другой отцепил от повозки цепь и встал недвижно, как каменный. Снова заскрипели колёса и девушки-урмалы, увлекая повозку за собой, выбежали из зала. Ворота за ними закрылись.

Жрица подняла руку. Трубы и барабаны замолчали, звуки в зале стихли, настала тишина, которую нарушала только Он Си. Она бормотала что-то непонятное, качала головой, переступала с ноги на ногу, отчего браслеты на её лодыжках тихонько звенели.

— На колени! — сказала жрицы густым, совсем не женским голосом. Толпа одним движением преклонила колени, и Ил Су вместе со всеми. И не хотел, а упал, и даже дышал через раз, так неотвратима была сила приказа.

— Пощади, о Великий Тритон! — заговорила жрица. — Пощади народ свой, ибо черви суть и прах под твоими ногами, коими попираешь Вселенную. Всё от Тебя, предвечный Отец и Мать, и нет мощнее Тебя! Прими жертву нашу, ибо любим Тебя всем сердцем, и отдаём Тебе лучшее, что есть среди нас!

Старуха роняла слова медленно, как камни, и как камни, слова эти бились в огромном храме и головах верующих. После каждого слова коротко стучали барабаны, и тут же затихали.

— Приди, о Великий Тритон! — Голос жрицы взвился под потолок, и огонь факелов дёрнулся, словно испугавшись. — Приди, возьми своё!

Барабаны застучали быстро-быстро. Из тёмных углов выскочили новые служки, ухватились за цепи, выглядывавшие из земляного пола, рванули. Узлами вспухли мышцы на голых спинах, задрожали напряжённые руки и ноги.

— И раз! — закричала жрица, и трубы заревели.

— И два! — завопила она, а трубы вторили.

— И три!

Заскрипело, загудело. В земляном полу возникла чёрная щель. Расширилась, служки чуть не лежали, пядь за пядью сдвигая огромную крышку. Потянуло промозглым холодом, факельный свет отразился от тёмной неподвижной воды.

— Приди! — призвала жрицы совсем уж замогильным голосом.

Вода заволновалась. Два выпуклых глаза приподнялись над нею. Вода вспухла горбом, и наружу полез группий. Короткая, словно обрубленная морда. Клыки торчат из углов пасти, бугристая, бородавчатая кожа. Лапы как тумбы, брюхо мешком свисает между ними, мощный хвост с двумя рядами плоских зубцов-лезвий. Ноздри зверя открылись и затрепетали, по залу поплыл тяжёлых дух разрытой земли и гнилой воды.

Люди ахнули, и Ил Су вместе с ними. Уж сколько раз он был свидетелем появления группия, а ужасался как в первый раз. Но... сегодня в жертву предназначена Он Си!.. Это несправедливо, несправедливо, несправедливо! Она так молода, она и не жила вовсе!

Тем временем группий раззявил пасть и выпустил длинный, раздвоенный на конце язык. Липкая слюна тянулась за ним, спадала на пол густыми каплями. Языком этим группий коснулся Он Си, хлестнул по спине, огладил бедро. Он Си дрогнула, отпрянула. Уж на что она была не в себе, но близость чудовища нарушила её сон.

— Нет... — беспомощно прошептала Он Си. — Не надо, я не хочу!..

— Возьми своё, — пророкотала жрица, — Великий Тритон!

Ещё один служка выскочил из темноты. Длинной пикой он кольнул группия в ляжку. Зверь заворчал, ударил задней лапой. Ударил пустоту, потому что служка успел отпрыгнуть в сторону — и снова ударил копьём. Потом ещё и ещё.

Группий зашипел. Группий был недоволен. Группий не видел служку, на свету его глаза были бесполезны, но он чувал: кто-то жалил его, мелкий, но надоедливый. Группий свился в кольцо, развернулся, и Ил Су в который раз поразился, сколько проворства в этом грузном, неповоротливом на первый взгляд теле! Служка, однако, снова был в стороне, недостижимый для хвоста — а группии сначала бьют хвостом, а только потом поедают оглушённую жертву. — и раз за разом колол его копьём.

— Возьми же! — выкрикнула старая жрица.

О, она знала своё дело. Группии охотились редко, одной добычи им хватало на много месяцев. Остальное время они спали на глубине, лишь изредка всплывая на поверхность глотнуть воздуха. Чудовище, по всей видимости, было сыто, и чтобы группий принял жертву, служка беспокоил и злил его. Наконец зверь взъярился, заревел, завертелся волчком, разбрызгивая жидкую грязь и слюну, и увидел Он Си... Гнев в его слабом мозгу смешался с духом и видом добычи. Группий снова заревел и ударил хвостом. В этот миг Ил Су сорвался с места.

Он Си спасло чудо. Она увидела перед собой оскаленную пасть чудовища, снова отпрянула, нога её подвернулась, и она упала, поэтому смертоносный хвост группия пролетел над нею.

Второго удара не последовало. Ил Су выскочил в центр зала и вонзил нож чудовищу между глаз. Лапы группия подогнулись, и он упал.

Люди вокруг застыли в ужасе от совершённого святотатства. Убить священное животное! Убить священное животное в час принесения жертвы! Подобное просто не помещалось в их головах.

Старая жрица Бога Тритона первой обрела способность мыслить.

— Взять его! — закричала она, указывая на Ил Су и воздев руки над головой. Высохшие

грудь её тряслись. — Схватить его немедленно!

Служки зашевелились.

— Смерть святотатцу! — в один голос завопили собравшиеся в зале свидетели жертвоприношения. — Смерть!

Ил Су не стал ждать неминуемого нападения. Обхватив Он Си за талию, он прыгнул вместе с нею в воду.

— Не дайте им!.. — визг жрицы резанул слух, и зловонная вода сомкнулась на головах Ил Су и Он Си.

«Так только кажется, что группий грязное и неопрятное чудовище, — рассказывал когда-то Ил Су отец. — На самом деле зверь не может жить без чистой проточной воды, задыхается и хиреет. Если когда-нибудь тебе придётся устраивать загон для группиев...

— Зачем, отец? — удивился тогда Ил Су.

— Богатеям лестно содержать группиев в зверинцах, — объяснил отец. — Недостаток собственной доблести они пытаются заменить властью над беспомощной тварью...

— Беспомощной?! Это группий-то?!

— В яме и за решёткой, — сказал отец. — Несчастный зверь, жертва жадности и тщеславия. Так вот, будешь устраивать загон для группиев, сделай проход в реку.

— А группий не сбежит? — усомнился Ил Су.

— Сделай проход узким, зверь в него не полезет. Он не очень смышлён, но и не глуп. Для зверя, конечно».

Храмовую яму для группия строил мастер. Лаз до реки оказался коротким и как раз таким, чтобы по нему смог протиснуться человек. От холодной воды Он Си пришла в чувство, и Ил Су не пришлось её тащить, как груз. Если бы не её помощь, не хватило бы ни сил, ни дыхания. Под безлунное небо у храмовой стены они вынырнули едва живые. Вдохнули воздуха и снова ушли под воду, потому что поверху стены уже бегали с факелами люди. Течение подхватило их и потащило за собой. В сотне шагов ниже храма была заросшая тростником заводь; там Ил Су спрятал лодку.

Всю ночь и день, а потом ещё одну ночь он гнал её вниз и вниз, помогая течению веслом, забыв про отдых и сон. Он Си тоже не сомкнула глаз, час за часом она вычерпывала воду, не жалуясь на холод и тяжкий труд. Погоня не отставала, и лишь в дельте, где река разбилась на десятки рукавов, храмовники потеряли беглецов из вида.

Потеряли, однако не отстали. Разбрелись по руслам; там и сям слышались голоса и мелькали огни факелов.

Ил Су загнал лодку в узкую протоку, нарезал и навалил сверху тростника. Он Си лежала на дне и старалась не дышать. Сам Ил Су, вымазавшись илом с ног до головы, затаился на корме. Преследователи пока не появлялись, но он знал: храмовники упорны, они обшарят округу, но просто так не уйдут. Некуда им возвращаться, Верховная жрица не простит оскорбления Великому Тритону, должны полететь головы, и никто из охотников не желал, чтобы это была его голова. Вот Ил Су и замер, сжимая в руке копьё со смертоносным бронзовым жалом на конце.

Струилась вода за стеной тростника, осела взбаламученная ногами Ил Су муть. Вернулись птицы, которых он спугнул, проталкивая лодку в заросли, снова раздались их — «фьюить — фьюить!» — голоса. Одна пичуга, обманутая неподвижностью Ил Су, спорхнула на лодку и шныряла теперь среди стеблей, выискивая добычу.

Голоса стихли. Солнце подкатилось к зениту и жарило, как никогда в родных местах.

Щебетали птицы, гудели насекомые, плескалась рыба среди тростника. Усталость взяла своё, и как ни старался Ил Су, как ни пучил глаза, а задремал.

Снилась ему милая Он Си. Зайдя по пояс в реку, девушка распустила волосы, нагнулась и мыла их теперь соком тростникового корня. Струилась вода по плечам и спине, срывалась частой капелью с небольшой, но ладной груди. Засмотрелся Ил Су. Привычная, вроде, картина, уж сколько он в реке девок и молодых баб повидал! Когда ждёшь в кустах добычу, — водяную птицу или рыбу на перекате, — чего только не насмотришься, но при виде Он Си замирало в груди сердце, а в горле сохло. «Защипу, никому не отдам, пальцем не дам коснуться», — копошилась в голове сонная мысль.

Разогнулась Он Си, качнула грудью, волосами тряхнула да как закричит по-птичьему: «Кру-кру! Куру-куру!». И пропала, как не было!

Птицы кричат... Ил Су очнулся, сжал крепче копьё.

— Кру-кру! Куру-куру! — исходили криком, метались над головой рыжие зябки. Журчала вода, но... как-то не так, неправильно. Ил Су рискнул, наклонился вперёд скосил глаза сначала направо, потом налево. Так и есть: слева, против течения, двигалась средняя лодка храмовников. Двое гребцов, стараясь особо не шуметь, налегали на вёсла. На носу стояли двое воинов, тоже, как и Ил Су, с копьями в руках. Древки, как и у Ил Су, привязаны длинной верёвкой к локтю — чтобы оружие не искать и быстро вернуть. Третий, с луком, расположился на корме. Все трое воинов внимательно смотрели по сторонам.

В груди у Ил Су похолодело, мысли закрутились вихрем. Ничего весёлого: солнце высоко, свет яркий. Увидят его, никак не скрыться, и бежать некуда! Догонят, некуда отсюда деваться, плохое он выбрал место... Драться придётся. Одного, а то и двоих он уговорит, а дальше... А дальше ничего, всё кончится, вот только Он Си жалко. Хотел её спасти, да только не вышло ничего.

Ил Су напрягся, отвёл руку с копьём назад, приготовился. Теперь — кто первее. Не заметят его до срока — успеет копьём ударить, а потом и метнуть в лучника. Не попустят духи, будет тверда рука — останется только один, впрочем... трое. Про гребцов-то он позабыл! Это сейчас они неопасны, а при нужде вёсла отбросят, достанут оружие. Э-эх! Пропади оно!

Храмовники успели первыми. Хорошо их натаскали на двуногую дичь, ничего не скажешь. Ил Су только начинал бросок, а ближний к нему копейщик уже ткнул остриём вперёд, целя в голову. Ил Су пригнулся, посылая в него своё копьё, и тут же голову ожгло! Наконечник прошёл вскользь, только кожу разорвал. Бросок Ил Су, в свою очередь, оказался точен. Жало его копья разорвало храмовнику горло. Ил Су потянул копьё к себе, но уже было ясно — не успевает! Второй копейщик обернулся на шум и готовился к броску, лучник тоже готов был стрелять. Почти готов, если и опережал храмовников Ил Су, то на мгновения, и эти мгновения утекали, как вода сквозь пальцы! А ведь ещё и гребцы...

Время словно замерло, а потом понеслось вскачь!

Копейщик качнулся и завалился назад, подняв тучу брызг. Лучник не успел выстрелить, в его глазу вдруг вырос хвостовик стрелы, а наконечник вылез из затылка. Руки его ослабли, и уже наложенная на натянутый лук стрела безопасно прошла мимо. Гребцы успели бросить вёсла, но тоже полегли. Одному стрела попала в щёку, второму — в шею. И всё кончилось. Ещё скрёб пальцами по борту один из гребцов, не понимая, что уже мёртв, остальные лежали без движения. Копейщик, которого убил Ил Су, свесился с борта, окунув голову в воду, и кровь тянулась за ним дорожкой.

— Кто здесь? — хрипло спросил Ил Су.

Тростник за его спиной зашуршал.

— Я Буржумгайол Цэрэнгэл.

Длиннобородый, длинноволосый, так что пряди пришлось заплести в косички, воин вскочил на нос лодки Ил Су. Сам в прочной холщовой куртке, таких же штанах и крепких сапогах из кожи водяной свиньи.

— Ил Су, — поклонился Ил Су. — Но как же... — Он беспомощно оглянулся. — Четыре стрелы!..

— Мои сыновья, — оскалился Буржумгайол. — Крэнойл, Туранойл, Бурумойл.

За его спиной встали трое. Так же одетые, такие же кряжистые, длинноволосые, но с чистыми лицами, только у одного на подбородке курчавилась короткая бородка. Очевидно, Крэнойл, самый старший.

— Спасибо тебе, Буржур... Бургаймо... — Ил Су поперхнулся. От странного имени запершило в горле.

— Называй меня просто Буржум, — хохотнул спаситель.

— Спасибо и вам, — поклонился молодым Ил Су. — Но почему?

— Не люблю, когда на людей охотятся. Люди — не дичь.

Лоб Буржума пересекла горькая складка.

— А ты здесь зачем? Почему не ушёл? — спросил он в свою очередь.

— Не один, — ответил Ил Су. — Вылезай, Он Си, можно уже.

Он сбросил тростник с лодки, помог встать любимой.

— Её хотели принести в жертву Великому Тритону, — сказал он и тут же пожалел. Кто знает, как спаситель относится к божеству? Он Си прильнула к нему, а Ил Су прижал её крепко.

— Не бойся, красавица, — улыбнулся Буржумгайол. — Великий Тритон — не наш бог. А теперь идёмте, не дело здесь оставаться.

Он повернулся и раздвинул руками стену стеблей. За нею оказалась ещё одна протока, узкая и извилистая, но мелкая. Блестело под полуденным солнцем песчаное дно, сновали туда и сюда мальки.

— Куда мы идём? — спросил Ил Су.

— Какая разница? — усмехнулся Буржумгайол. — Там не будет храмовников, а это главное.

— Да, это главное, — согласился Ил Су.

Спохватившись, он укрыл девушку — она так и стояла в чём сбежала их храма, то есть нагая, — своей накидкой и повёл её за спасителем. Следом за ним зашагали сыновья Буржумгайола.

— Позволь спросить, Бур Жум... — начал Ил Су.

— Буржум, — прервал его Буржумгайол. — Не надо делить моё имя, мы и так его укоротили, дальше нельзя.

— Прости, я не знал, — сказал Ил Су. — Так позволишь спросить?

— Спрашивай, — не оборачиваясь, пожал плечами спаситель.

— Твои сыновья, — проговорил Ил Су. — Почему у них такие имена?

— Такие, как мы с их матерью решили.

— Но ты, — замялся Ил Су, — не только Буржум... ты ещё и, прости, Цэрэнг... ал?

— Цэрэнгэл, — поправил его спаситель. — Всё очень просто. Цэрэнгэл имя рода моей

жены. Когда мы женимся, мы берём себе это имя. Когда наши женщины выходят замуж, они тоже берут второе имя. Мою жену зовут Тарбанойсо Кулдэлэ. Кулдэлэ — моё родовое имя. Мои сыновья неженаты, у них есть только одно имя. Я ответил на твой вопрос?

— Да, Буржум...гайол, — с запинкой выговорил Ил Су. — Прости, если мой вопрос неуместен.

— Что ты, — Буржумгайол обернулся. Его лицо осветила улыбка. — Знать имена тех, с кем будешь жить, знать, почему у них такие имена — не преступление, это похвально. А сейчас поторопимся, надо уйти подальше.

Странный обычай. Ил Су дёрнул головой. Странный, но правильный, наверное. Когда юноша из одного рода берёт в жёны девушку из другого, два рода становятся одним, хотя бы в одной семье. Оба родовых имени не забыты, и всегда понятно, кто откуда. Да, это правильно, хотя и непривычно.

— А если бы ты взял жену из своего рода? — снова спросил Ил Су.

— Я стал бы Буржумгайол Кулдэлэ, — сказал Буржумгайол. — Так бывает нечасто, но бывает.

После этого он умолк и зашагал быстрее, так, что Ил Су и Он Си едва поспевали за ним. Скоро воды под ногами стало меньше, потом внизу захлюпал один сырой ил. Местность вокруг медленно, но неуклонно шла в гору. Пропал тростник, его сменил незнакомый Ил Су краснокорый кустарник с длинными и узкими листьями. Под ногами зашелестела трава.

— Ой, — пискнула Он Си. На её щиколотке выступила кровь. Буржумгайол резко обернулся.

— Прости, — виновато сказал он, — я не подумал. Здесь не пройти босиком, это злая трава. Мы называем её нож-трава.

Он раскрыл суму, которая висела у него на плече, и достал оттуда короткие кожаные сапожки.

— Великоваты, но что поделаешь, потом наладим по ноге. А ты, — он взглянул на Ил Су, — потерпи. Твоя обувь тоже не для нож-травы, но она есть.

— Я буду осторожен, — пообещал Ил Су, посмотрев на свои сандалии. — Куда мы идём?

— Вон там наш дом, — Буржумгайол показал рукой вперёд, туда, где над берегом поднимался серо-коричневый сланцевый холм.

Сначала показалось, что до холма рукой подать, но час проходил за часом, холм рос, но, казалось, не приближался. Потом кустарники разбежались в сторону, и холм как будто скакнул навстречу. Взметнулись ввысь неровные каменные склоны, кое-где поросшие бурозелёным мхом.

— Мы почти дошли, — объявил Буржумгайол.

— Мы так долго шли, — снова не удержался от вопроса Ил Су. — Что вы делали на реке? Ведь вы не могли знать, что встретите там нас?

— Нет, конечно, — ответил Буржумгайол. — Мы охотники.

— А как же?.. Мы испортили вам охоту?

— Ничего, зато мы нашли новых брата и сестру.

Их процессия, тем временем, подошла к склону. Почти отвесные склоны, выщербленный, даже на первый взгляд ненадёжный камень...

— Как мы заберёмся туда? — удивился Ил Су.

— Не беспокойся, брат, — сказал Буржумгайол.

— Почему брат?

— Храмы есть везде, — ответил охотник, и Ил Су всё понял. Это беглецы, такие же, как и они! А храмы есть везде, где верят в жестоких богов. А иных богов и нет, боги всегда жестоки.

Они подошли ещё ближе, и впереди открылась узкая — двоим не разойтись — расщелина.

— Нам сюда, — улыбнулся Буржумгайол.

— А мы не стесним?..

— Не бойся, брат, — ответил Буржумгайол. — Там много свободного места. Ты скоро увидишь.

И Ил Су увидел. Но сначала их ждал путь вверх. Наверное, для Буржумгайола и его сыновей он был коротким, ведь привычный путь всегда короток. Для Ил Су и его любимой миновал, казалось, не один час. Чем выше они поднимались, чем чище и прохладнее становился воздух. Иногда расщелину пересекали ручьи. Весело звеня, несли они свою воду вниз, к великой реке. Потом расщелина кончилась, и они вышли на широкую террасу. На ней было устроено поле. Женщины ходили по колено в воде и один за другим высаживали в воду кустики ройса.

— Откуда здесь плодородная земля? — робко поинтересовалась Он Си.

— Снизу, красавица, — сказал Буржумгайол. — Её принесли сюда в корзинах.

— Так много!

— Нашему поселению много лет. Приходят новые люди, и тогда мы устраиваем новую террасу. Вам тоже придётся поработать, — он рассмеялся. — Это тяжёлый труд, зато у нас никто не голодает.

— Я никогда не сажала и не выращивала ройс, — потупилась Он Си.

— И я, — добавил Ил Су.

— Научитесь, — обнадёжил их Буржумгайол. — Впрочем, мы рады всем, кто умеет работать руками. Что ты умеешь, красавица?

— Я храмовая вышивальщица, — ответила Он Си и покраснела. — Я ткала и вышивала священные накидки.

— А ты? — обернулся Буржумгайол к Ил Су.

— Ловец, — коротко ответил Ил Су.

— Можно подробнее? — попросил их спаситель. — Каждый брат или сестра может приносить пользу, надо лишь понять, к чему приспособить их умения.

— Я ловил группиев.

— О-о-о! — восхищённо протянул Буржумгайол. — Я всегда восхищался теми, кто это умеет. Пойдёмте же скорее, я познакомлю вас со старостой. Кому и чем заниматься, решает он.

За десять дней они трижды меняли стоянку, каждый раз подбираясь всё ближе и ближе к горам. Ручей кружил и петлял, то пропадая среди камней и древесных завалов, то выбираясь на поверхность, образуя в земле бочажки и промоины. Каждый раз, когда ручей тёк в песчаном или каменистом русле, Антон доставал лоток, залезал в воду и делал пробную промывку. Иногда попадались золотые чешуйки, и тогда Антон надувался от гордости так, словно самолично это золото в ручей положил, и что это без пяти минут богатство. Илья Витальевич только посмеивался: всего добытого Антоном не хватило бы окупить дорогу в один конец. Зато отпуск удался на славу! Чистый, напоенный смолой воздух, девственная, практически нетронутая природа, солнце, вода, пусть и малость радиоактивная. Но ведь малость, самую малость! Илья Витальевич с удовольствием рыскал по окрестностям, разведывая кольца и петли ручья, собирал и готовил грибы, наперегонки с сыном ловил юрких ящериц, что грелись на камнях, в общем, веселился и дурачился, будто вернувшись на тридцать с гаком лет назад, когда ему было столько же лет, сколько Артёму. Нечего и говорить, насколько доволен был Артём. Ни в какой Турции или Таиланде так не развлечёшься.

Наконец, они добрались до подножия гор. Отрог, названием которого Илья Витальевич так и не поинтересовался, встал перед ними. Чтобы увидеть вершины, приходилось задирать и откидывать голову, рискуя потерять равновесие. Ручей, который бодро бежал вдоль каменной стены, в конце концов ушёл внутрь горы, растворился в трещинах. Это страшно не понравилось Антону. Никаким входом в золотоносную пещеру, на который он надеялся, здесь и не пахло.

— Почему ты вдруг решил, что мы сможем попасть внутрь? — спросил его Жогин однажды. — Это же просто вода. Я понимаю, если бы прошёл миллион лет, но ведь прошло всего шестьдесят!

— Обязательно должен быть проход внутрь! — угрюмо ответил Антон. — А иначе... иначе... Я не знаю, что иначе! Какой смысл тут елозить, если мы не можем попасть внутрь? Только время терять.

— Не скажи, — сказал Илья Витальевич. — Я сам прекрасно развлёкся, да и Артёмке доволен.

— А я — нет! — отрезал Антон. — Я должен попасть в эту чёртову пещеру!

Но дни шли, а входа внутрь горы всё не находилось.

— Последние два дня, — решил, наконец, Илья Витальевич. — Не знаю как ты, — он посмотрел на сердитого приятеля, — а мне на работу пора. Артёму скоро в школу, да и людей от семьи отрывать... — он показал на Виктора и Вадима, которые, открыв капот, копались во внутренностях машины. — Кроме того, технику пожалеть нужно...

— Ты прав, — согласился Антон. — Дурень я, повёлся на глупую идею. Сам себе удивляюсь.

...Илья Витальевич проснулся вскоре после рассвета. Свистел ветер, хлопал нейлон палатки, низкое утреннее солнце, проникая сквозь частокол древесных стволов, заглядывало в окошко палатки. Свистела какая-то ранняя птица. Илья Витальевич закрыл глаза, намереваясь урвать ещё минут двести, но услышал странный звук. По полянке, где они устроили бивуак, кто-то ходил. Медленно и осторожно, крадучись. Причём, это был кто

удобно, только не члены экспедиции! Артём, умаявшись за день, дрых рядом без задних, что называется, ног, а шаги всех остальных Илья Витальевич успел изучить и теперь узнавал с даже закрытыми глазами.

Сначала Илья Витальевич подумал, что это медведь решил проверить, нельзя ли в логове двуногих чем-то поживиться? Вроде и не встречали в окрестностях медведей, Илья Витальевич о таком не слышал, но ведь всё случается когда-то впервые? С другой стороны, они так на шумели за последние дни, что все медведи, если они и были, давно разбежались. Медведь зверь осторожный и, если сыт, предпочтёт обойти человека по широкой дуге. А медведь нынче сыт, потому что добычи, не считая свежей зелени и грибов, в лесу полно.

А если не медведь, то кто?

Осторожно, стараясь не шуметь и не шевелить палатку, Илья Витальевич посмотрел в окошко. Пусто. Шевелятся ветви кустов, ветер гнёт траву к земле, но это всё простые, безопасные движения.

Снова хрустнул сучок под чьими-то ногами, потом звякнул оставленный с вечера у костра котелок. Дьявольщина! Ну почему он поставил палатку окошком к лесу, а не к костру? Идиот, дурак, простофиля!.. Илья Витальевич чуть не застонал, так ему стало перед собой стыдно. Топор же есть, вот он, в головах стоит! Конечно, против медведя топор не поможет, но приятно чувствовать в руках оружие. И, кстати, куда смотрит охрана? Сейчас — он глянул на часы — либо Виктор, либо Вадим дежурить должны. Кажется, Вадим.

Ухватив топор, Илья Витальевич медленно расстегнул молнию входа и осмотрелся: пусто и спокойно, и даже шаги вроде как стихли. Тогда он выбрался наружу и осторожно заглянул за угол палатки — и чуть не выругался вслух! Не за что ругать охрану и пугаться нечего. Вадим, как ему и положено, бодрствовал у костра, а вот напротив его расположился весьма колоритный персонаж...

Высокий старик, одетый в мятый шерстяной костюм, именно костюм-двойку, а не новомодное псевдоармейское хаки; на ногах, однако, вполне современные болотные сапоги со сложенными голенищами, похожие поэтому на ботфорты. На голове — кепка с узким лакированным козырьком, из-под которой выбивались седые космы. Для завершения образа — широкая и густая борода, только не седая, а рыжая. И молодые глаза на морщинистом лице. Раньше так изображали колхозников и вообще деревенских жителей, пытающихся выглядеть по-городскому. А, может, и не пытавшихся, не стал кривить душой Илья Витальевич. Каждый имеет право выглядеть, как хочет, особенно в лесу.

У ног старика стояла корзина, укрытая листьями папоротника. На коленях лежала гладкая, блестящая, отполированная ладонями палка.

Увидав Илью Витальевича, Вадим помахал ему рукой и сообщил старику:

— А вот и наш самый главный.

Старик, опираясь на палку, вежливо привстал, открыл было рот, но Илья Витальевич его остановил:

— Извините, морду лица сполосну только со сна.

И отошёл на край полянки, где висел привязанный к стволу берёзы рукомойник. Не просто умыться отошёл. Ситуация требовала взять паузу: за прошедшие дни им не попадались следы человека, если не считать таковыми безобразие, оставленное после себя китайцами-лесорубами. Никаких деревень поблизости тоже не было, во всяком случае, о них не знали ни гуглокарты, ни Антон. Впрочем, гугл не всемогущ.

Не торопясь умывшись, Жогин вернулся к костру и первым представился.

— Борис Цезариевич, — церемонно поклонился старик, пряча в бороде улыбку.

— Однако, оригиналом были ваши дед и бабка, — сказал Илья Витальевич. — Я такого имени и не встречал.

— Да уж, были имена, — ответил гость. — А потом, после революции, и вовсе смешные.

— Это точно, — согласился Илья Витальевич. — Что делаете, Борис Цезариевич? На пенсии?

— На пенсии, — охотно согласился старик. — Вот, по лесу брожу, — он тронул носком сапога корзину, — травки собираю. Люблю чай с травами. Это, я вам скажу, не покупное брать. У покупного ни запаха, ни вкуса, а у меня чай!.. Вот, кстати, не хотите попробовать?

Только сейчас Илья Витальевич заметил, что в костре, среди углей, стоит на камнях закопчённый чайник. Старик ловко подцепил его палкой, подхватил сквозь рукав пиджака и налил в жестяную кружку.

— Извольте, Илья Витальевич, — сказал он. — И, заметьте, никакого сахара не надо.

— Согласен, — кивнул Илья Витальевич, принимая кружку. — Пятнадцать лет уже без сахара пью.

Чай, вернее, травяной сбор, оказался хорош. Илья Витальевич сам не заметил, как выпил всё. Совершенно незнакомый вкус, хотя и приятный.

— Что там? — поинтересовался он, возвращая кружку старику.

— О, вы таких не знаете! — ответил Борис Цезариевич. — Местные эндемики

Учёное слово прозвучало совершенно естественно. Хотя, чему удивляться? В окрестностях ни колхозов, ни даже деревень, а Борис Цезариевич наверняка городской чудик, такой же, как Антон или они сами.

— Где остановились? — спросил Илья Витальевич.

— А, — старик неопределённо махнул рукой, — избушка у меня тут недалеко. Как погода и здоровье позволяют, выбираюсь.

Илья Витальевич улыбнулся. Он рассудил верно. Перед ними был такой же городской житель. Вот ведь угораздило встретиться!

— Наше вам, — раздался заинтересованный Антонов голос.

— И вам, и вам, — покивал Борис Цезариевич. — Что-то мне ваше лицо знакомо. Не в тут обезьян ловили?

— Каких обезьян, зачем обезьян? — вскинулся Антон. — Вы, э-э-э...

— Борис Цезариевич, — подсказал старик.

— Да, вот именно, — покрутил головой Антон, — вы обезьян в наших широтах видели? Откуда тут обезьяны?

— Но вы ведь ловили, друг мой? — улыбнулся Борис Цезариевич.

— Не обезьян, а криптопитека, — недовольно сказал Антон. — Иначе, снежный человек, йетти, бигфут. К обезьянам имеет не больше отношения, чем мы с вами. Кстати, — он принялся, — чем это так интересно пахнет?

— А чаёк! — радостно пояснил Борис Цезариевич. — Вот, попробуйте.

Антон взял кружку, осторожно принялся и сделал глоток.

— Хорошо, — сказал он. — Что вы такое сюда добавляете?

— Много чего, — ответил Борис Цезариевич. — Вот тут, в лесу и беру. Вдоль пещер тоже...

— Что? Где, вы говорите? — сделал стойку Антон.

— Пещеры недалеко, — повторил Борис Цезариевич. — Там солнечный склон горы, травки особенные растут. Могу показать, если хотите. Наберёте — всю зиму можно чаю радоваться.

Антон кинул быстрый взгляд на Илью Витальевича — слышал, мол, есть тут пещеры! — и сказал:

— А и покажите.

— Только не сейчас, — притормозил его Илья Витальевич. — Рано, не все встали даже. Позавтракаем, потом и пойдём. Пускай Артёмка выспится.

— Ага, — Антон пристально посмотрел на Жогина, — пускай.

Ну, слава тебе, господи, понял! Совершенно незачем показывать свой интерес к пещерам в присутствии постороннего человека, тем более с таким именем-отчеством. Цезариевич — это, понятно, не Исаакович и не Иосифович. Даже не Абович. Илья Витальевич не мог назвать себя антисемитом, совсем не мог. Мало того, у него была куча знакомых евреев, которыми он искренне восхищался. Их предприимчивостью, упорством, знаниями. Но именно поэтому в их присутствии старался держать ухо востро и слишком много не болтать, особенно не по делу. Во время подобного трёпа, это Илья Витальевич по себе знал, могут явиться смешные мысли. Неожиданный взгляд на обычные, казалось бы, вещи, странная, не из чего, вроде, не вытекающая идея. То, из чего потом вырастают великие бизнес-империи. Не то чтобы Жогин стремился догнать Гейтса или Ма, понимал, что время его в этом смысле прошло, но... жалко было отдавать другим то, что может принадлежать тебе. А этим ребятам, Рудольфовичам и Моисеевичам, только намекни.

Так что «к пещерам» пошли часа через полтора. Всё это время Борис Цезариевич спокойно сидел у костра, беседовал то с Вадимом, то с подошедшим ему на смену Виктором. Причём беседовал всё о каких-то пустяках, потом спроси — и не вспомнишь. Торопиться ему было некуда, что-ли? А как же травы? Мелькнула такая мысль у Ильи Витальевича, но он её прогнал. В конце концов, что он знает о травах? Может, им в корзинке полежать надо, повянуть немного...

Шли около получаса, а потом, когда сквозь частокол стволов и ветвей начал проглядывать камень, Борис Цезариевич внезапно остановился.

— Что-то заболтался я с вами, — обескуражено заговорил он, посматривая то на солнце, то на корзину, — а про травы совсем забыл. Бежать мне надо, травки, они пригляд любят.

— А пещеры-то? — развёл руками Жогин. — Это вы сами предложили...

— А тут близко совсем! — замахал руками старик. — Вон до того кедра с кривым стволом, а от него влево вроде овражка. Там ручей, вверх по ручью и пойдёте!

— А там?

— Увидите, — пообещал Борис Цезариевич. — Всё увидите. Там трудно не увидеть. А я уж побегу, извините.

Он схватил свою корзину, суетливо покивал каждому и шагнул прямо в кусты багульника. Секунда — и пропал, как не было.

— Станный какой-то тип, — почесал в бороде Антон. — И что теперь?

— Пойдём, как он сказал, что нам остаётся? — решил Илья Витальевич. — Координаты снимать не забываете?

— Ни в коем случае, шеф, — отозвался Виктор.

Великое дело навигатор! С ним любой городской житель может стать

путешественником. Лови себе спутник, да гаджет заряжать не забывай, а с этим сейчас особых проблем нет. Переносного аккумулятора, если не играть, хватит на неделю, а то и больше. Так что, будешь осмотрительным, то не заблудишься.

Неподалёку от корней кривого кедра, в самом деле, протекал ручей. Померив радиацию, Антон показал большой палец:

— Оно!

— Странно. — Илья Витальевич задумчиво почесал покрывшийся изрядной щетиной подбородок. — Мы же тут всё исходили. Почему этого ручья не нашли?

— Чёрт его знает, — ответил Антон. — Ручеёк мелкий, могли и пропустить.

— Это тайга, шеф, — сказал Виктор, — а мы люди городские. Правильно смотреть не умеем.

— Да? — Илья Витальевич снова поскрёб подбородок. Однако, подзапустил он себя, скоро Антона догонит... — Ну, наверное. Не буду спорить.

Ручеёк вился прихотливо. То совсем исчезал среди камней, то разливался крохотным озерцом. Чтобы не рисковать, шли гуськом, в точности вдоль русла, только Артёмка, если видел проблеск воды в стороне, старался резать маршрут. Пару раз у него получилось, и он гордо поджидал остальную экспедицию на очередной петле, но один раз перескочил назад по руслу, и его пришлось ждать. Так или иначе, но продвигались вперёд. По правой руке всё выше и ближе вставал скальный отрог. Почему-то пропали надоедливые насекомые. Комары и гнус попрятались куда-то, и Илья Витальевич с облегчением стянул с себя накомарник. Его примеру последовали и остальные.

— Ух, — сказал, вытирая пот со лба, Антон. — Воздух-то вокруг какой! А то дышим этой пыльной сеткой...

— Угум, — согласился Илья Витальевич. — Но как-то странно. Не холодно, вода поблизости есть, куда делись комары?

Антон только пожал плечами:

— Делись и делись. Может, травка какая растёт, которую они не любят.

— Фитонциды? — спросил Илья Витальевич.

— Ну, типа.

— Станный дед, — сказал вдруг Артём.

— О! — удивился Илья Витальевич. — А ты только заметил?

— Сказал, что травы собирает, — продолжил Артём, — а в корзине — опята. Я посмотрел.

— Ты чего, пареньь?! — изумился Виктор. — Опята осенью. А у деда — вешенки.

— Розыгрываете? — недовольно пробурчал Антон. — Я тоже посмотрел, у него там грузди.

Все трое посмотрели на Илью Витальевича.

— Па-ап? — спросил Артём. — Что там?

— Трава, — ответил после паузы Илья Витальевич. — Чего уставились? Трава у него там была, разная. Грибов не видел, ими пахло только. Зато пахло аж трюфелями. Я ещё думал — почудилось.

— Станный дед, — повторил Артём. — Приколосся над нами.

— Знать бы, как он это сделал... — задумчиво проговорил Виктор.

— И зачем, — продолжил Артём.

— И не повернуть ли нам назад? — улыбнулся Жогин.

— Ну уж нет! — запротестовал Антон. — Мы пришли. Вон он, исток ручья!

Скала была уже рядом, метрах в пятидесяти. Ручеёк поднимался к самой скальной стенке и исчезал в узкой трещине в камне.

— Пещера, — то ли спросил, то ли констатировал Илья Витальевич. — Добрались.

— Пещера! Пещера! — закричал Артём и побежал к трещине.

— Куда?! — заорал ему вслед Илья Витальевич. — Ну-ка, вернись!

— Ну, па-ап!

— Действительно, Артём, — спокойно произнёс Виктор. — Мы не знаем, что там. А вдруг медведь? Они, знаешь, любят такие места.

Артём надулся, но вернулся, и теперь они пошли к скале все вместе, не торопясь, внимательно осматриваясь по сторонам. Первым, сняв с плеча карабин, двинулся Виктор, за ним Антон с выражением хищного торжества на лице, а уже потом Илья Витальевич с Артёмом. Теперь парень уже не стремился вырваться вперёд, и Илья Витальевич был ему за это благодарен. Шутки, насколько он понимал, кончились, началось серьёзное дело, и относиться к нему надо по-деловому.

Ширины щели оказалось довольно, чтобы в неё мог протиснуться взрослый человек. Наградив остальных внимательным взглядом, Виктор исчез в темноте. Отсутствовал он недолго. Не прошло и пяти минут, как Виктор вернулся и сел прямо на камни, положив карабин на колени.

— Ну? — нетерпеливо спросил Антон.

— Там ничего нет, — ответил Виктор. — Тупик.

— А ручей?

— Сочится из скалы. Сходи, посмотри сам.

Антон помотал головой и протиснулся в трещину. Вернулся ещё быстрее, хмурый и недовольный.

— Скала, камень один, — ответил на невысказанный вопрос Ильи Витальевича. — Я пытался простучать, но... — Он безнадежно махнул рукой.

— Отец? — требовательно посмотрел на Илью Витальевича Артём.

— Да, конечно.

Сын задержался в горе чуть дольше.

— Всё равно здорово, — сказал он по возвращении. — Спасибо, отец. Классная прогулка!

— Я рад, — просто ответил Илья Витальевич.

— А я нет, — угрюмо сказал Антон. — Столько времени псу под хвост. Вам-то все ничего, развлеклись, а у меня — облом-с!..

Илья Витальевич широко улыбнулся.

— Чего это ты куksiшься? — насмешливо спросил у приятеля. — Ничего не потеряно.

— То есть.

Илья Выдвинул нижнюю челюсть вперёд, максимально далеко, как смог, пока не стало больно, и проговорил голосом Абдуллы из «Белого солнца пустыни»:

— Здесь должен быть подземный ход, — а потом добавил: — Или хотя бы дорога.

Антон несколько секунд в недоумении смотрел на него, потом с досадой стукнул себя по лбу:

— Ну, конечно же! Ох, я же идиот! Конечно, тут должна быть дорога, и вообще много всего! Как-то же они везли, — он кинул быстрый взгляд на Артёма, — то, что везли.

Им повезло. Заброшенная дорога обнаружилась километрах в двух к востоку. Её почти съела тайга, но можно угадать остатки широкой, уходящей точно на север просеки. На обочине, в зарослях ирги, обнаружился древний, изъеденный ржавчиной карданный вал, а неподалёку нечто, в чём ещё можно было узнать кабину грузовика. Покрашенная когда-то зелёной краской, она только на этой краске и держалась. Стоило Артёму похлопать по крыше, и кабина развалилась у него под рукой. Там, где просека покидала лес, нашлись остатки шлагбаума.

Если начало дороги терялось в тайге, то кончалась она прямо в скале, в старом, заложенном бетонными блоками тоннеле. Тоннель был довольно широк, метров шесть, так что когда-то здесь пролегал двухполосная дорога.

Военные строили надёжно. Толщиной блоки, запечатавшие внутренности горы, были никак не менее метра. Но тут же, с краю тоннеля притулилась калитка «чёрного хода». Болталась на одной петле железная дверь, а за нею виднелся длинный, уходящий вглубь скалы коридор. Вдоль потолка пролегал толстый силовой кабель, и метров через пять к потолку крепились плафоны электрического освещения.

— Вот, — сказал Антон, — приглашают.

— Нет, — покачал головой Виктор. — Туда нельзя. Проход может быть заминирован.

— Проверить можешь? — спросил его Илья Витальевич.

Виктор кивнул и сказал:

— Отойдите подальше. Мало ли что. Пойду, гляну.

Спустя полчаса Илья Витальевич впервые в жизни зауважал военных. Не за, что провели в тайге дорогу, и не за то, что оставили в горе проход. За то, что обошлись без обычной паранойи — и без взрывчатки.

Тоннель тянулся вглубь горы прямой как стрела. Шестьдесят лет назад здесь проложили узкоколейку, а по сторонам оказались две вполне приличные асфальтированные полосы. Немного странно: зачем вкладывать столько труда во временную инфраструктуру? После подрыва тоннель неизбежно пришёл в негодность. Стены частично раскрошились, кое-где сверху из свода тоннеля выпали каменные глыбы, а дорогу пересекали глубокие трещины. Но пока дорога была вполне проходимой, хотя и требовалось внимательно смотреть по сторонам. Илья Витальевич крепко взял Артёма за плечо и не отпускал его от себя ни на шаг. Парень кривился, но не возражал. Подземелье всё-таки.

Первые несколько сотен метров преодолели без особого труда, потом выбитых из стен и потолка глыб стало больше. Скоро тоннель окончательно превратился в узкий лаз среди каменных обломков.

— Стоп! — приказал Илья Витальевич. — Кажется, мы уже близко от пузыря, если он, конечно, существует. Уровень радиации, Антон?

— Я только и делаю, что проверяю уровень радиации, — хмуро ответил Антон, однако достал и включил прибор. Отблески от экрана легли на его лицо, и в этих отблесках стало видно, как глаза буквально лезут на лоб. До этого момента Илья Витальевич считал, что это просто такая фигура речи, а вот поди же ты!

— Гх! Кгм!.. — шумно откашлялся Антон.

— Ну, что там? — потребовал Жогин.

— Ты не поверишь, — обескуражено произнёс Антон. — Радиация куда ниже, чем снаружи. Она даже ниже обычного в этих местах фона.

— То есть? — не понял Илья Витальевич.

— То есть мы приближаемся к эпицентру, а радиация уменьшается, — пояснил Антон. — Как это может быть, не знаю, но вот.

— Радиометр забарахлил?

— С чего бы? — удивился Антон. — Там барахлить нечему. Он не ноль показывает, он работает.

— Ладно, — решил Илья Витальевич. — Виктор, твой радиометр в порядке?

— Был в порядке, шеф, — ответил охранник. — Но, — он замялся, — тоже что-то не то кажется...

— Что не то? — начал сердиться Илья Витальевич. — Больше, меньше, «Терминатора» второго показывает? Сказать трудно?

— Минуту, шеф. — Виктор заглянул Антону через плечо. — Показания совпадают.

— Чёрт! — не выдержал Илья Витальевич. — Понапокупали китайского дерьма!

— Шеф... — примиряющее заговорил Виктор. — У меня наш аппарат, военная приёмка.

— У меня, — обиженно подхватил Антон, — тоже, между прочим.

Происходило нечто странное. Происходило то, что не должно было происходить! Если бы заряд взорвали над землёй, в воздухе, так было бы правильно: ветер и вода разнесли продукты распада по округе, снизив радиоактивный фон. Но даже и в этом случае он никак не мог стать ниже природных значений!

— Чудеса какие-то... — пробормотал Илья Витальевич. — Ладно, ниже не выше. Идём вперёд, пока возможно.

Авантюра, конечно, Илья Витальевич прекрасно это понимал. Профессиональные гляциологи ни в жизнь бы не сунулись в гору, в которой творится подобная чертовщина. Но ведь он не гляциолог? Он, может, больше в жизни не попадёт в пещеру. Тем более, Артёмка.

Тайна манила. Тайна зудела и щекотала сознание, вымывала осторожность, звала и нашёптывала: «Решайся!». И он махнул рукой.

— Ладно. Породы вокруг, вроде, надёжные. Если за шестьдесят лет стены не посыпались, то и сейчас не должны. Двинулись вперёд.

Дальше шли молча. Стены давили на психику, в тених чудились фигуры неведомых существ. Илья Витальевич сжал зубы. Он современный человек, мистика не имеет над ним власти! Вокруг — всего лишь камни. Тоннель, по которому они пробирались, построили люди. И обрушили его только люди, кроме человеческого здесь нет ничего! Он скосил взгляд на сына. Артём был совершенно спокоен и даже погружён в себя. Что он слушал через свои наушники? Илья Витальевич внезапно осознал, что совершенно не в курсе музыкальных увлечений сына. Мало того, он не вообще не знаком с тем, что слушает молодёжь. Музыка для него закончилась на роке девяностых и поп-музыке нулевых, потом он как-то не прислушивался. Что-то звучит из ящика или через стереосистему автомобиля, а что? Бог ведает. С другой стороны, если звуки помогали Артёму не бояться, отвлекали от ауры места, то они не могли быть плохими. Решив так, Илья Витальевич успокоился. Звуки они звуки и есть, всего лишь.

— Всё, — раздался глухой голос Виктора, шедшего первым. — Дальше не пройдем.

Впереди в свете фонарей, среди обломков и кусков кирпича и асфальта виднелась глухая стена. Слегка шершавая, почти плоская, еле заметно выгнутая изнутри. Граница пузыря. Нет, обман зрения, диаметр пузыря слишком велик, чтобы увидеть кривизну на глаз.

— Ну, вот. — Илья Витальевич встал рядом с Виктором и похлопал по холодному

камню ладонью. — Там, дальше, твой пузырь, Антон. Что делать будем?

Антон протиснулся вперёд, провёл по камню рукой, присвистнул:

— Смотри, вниз вертикально уходит. Как мы туда спустимся?

— А зачем?.. — начал Илья Витальевич и остановился. Если и есть тут золото, то внизу. Что-то, конечно, осталось на стенках, но основная масса собралась внизу, на дне рукотворной пропасти глубиной в сотню метров, а то и больше.

— Что называется, приплыли.

Антон без сил опустился на камни, откинулся на стену пузыря.

— Никто не виноват, — решил утешить его Илья Витальевич. — Мы просто не подумали.

— Фигня война, — сплюнул Антон. — В следующий раз придём с тросами и лебёдкой, всего лишь. Я тебя, сука, — внезапно закричал он, — одолею!

Он, вымещая на камне злость и досаду, саданул по стене основанием ладони... и рука провалилась внутрь! По камням поползли трещины, и кусок стены ссыпался внутрь, в пустоту.

— Осторожнее, — схватил Жогин Антона за плечо, — упадёшь, как потом тебя...

— Смотрите! — подал вдруг голос Артём. — Свет!

Во тьме пузыря сиял огонь. словно вдалеке, посредине огромной пустой каверны зажгли мощный прожектор.

Или звезду.

Группий-Норс, — город Умелых, тех, кто ушёл от группия, — мастер Калам увидел издалека. Высоко поднялись его башни, лазурные, закрученные частой спиралью, с золотыми, блистающими на солнце крышами. Затем из морских волн встали мощные стены, которые кольцом окружали город, защищая и с моря, и с суши. Когда-то, в первые годы после образования Союза мастеров, без стен было не обойтись. Жрецы Тритона охотились за беглецами десятки лет, до самой кончины великого Ил Су и его супруги, да и потом не давали покоя жителям Группий-Норс. Счастье для мира, они не преуспели!

За прошедшую с тех пор тысячу лет многое изменилось. Тираны Лардии оказались умнее храмовников, они уяснили пользу, которую приносил их стране Союз мастеров. С той поры, как на престол взошёл Лард Третий, храмовникам не стало доступа в Лардию. Тираны и династии сменялись, но защита города Умелых оставалась одной из их важнейших задач.

Мастера платили сторицей. Лардийские товары ценились на вес золота, а то и выше. Лардийское оружие было непобедимо и смертоносно настолько, что тиран Лард Девятый издал особый эдикт, запрещающий Лардии вести наступательные войны. Оборона, конечно, дело иное. Завоеватели, точившие зубы на лакомый кусок суши в дельте великой реки, умылись кровью и зареклись даже думать о захвате Лардии. Торговать лучше, чем воевать, особенно, если глупо рассчитывать на победу.

В мире и спокойствии Группий-Норс вырос, выплеснулся за крепостные стены, впитал в себя ближние поселения и часть островов дельты. Здесь обосновались купцы, ремесленники и крестьяне, снабжавшие Союз мастеров всем необходимым для жизни. Здесь же, в дельте, расположился и порт, куда держала путь стремительная «Морская птица».

Мастер Калам прикрыл глаза, вобрал в себя свежий ветер. Воздух пах свежестью и солью, но ещё он пах пряностями, рыбой ночного лова, кожами и шерстью, зерном, калёным железом и множеством других вещей, которыми пахнет базар — самый богатый базар Мира.

— Мы прибываем, господин, — раздался вкрадчивый голос Юртуна, матроса, которого капитан «Морской птицы» дал Каламу в услужение на время путешествия. — Позвольте посоветовать вам гостевой дом? Здесь лучшие гостевые дома в Мире.

— Не надо. — Калам открыл глаза. — Я бывал здесь и справлюсь сам.

— Тогда позвольте сопровождать вас по дороге к гостевому дому, — продолжил Юртун.

— Зачем? — с интересом глянул на него Калам.

— Неужели господин сам потащит свои вещи? — удивился Юртун. — Капитан накажет меня, если узнает.

— Не надо, — повторил Калам. — Скажи капитану, что я отпускаю тебя. И, — Калам щелчком пальцев отправил матросу золотой шергон, — вот, возьми. Ты славно служил мне в дороге.

— Господин щедр.

Осмотрев лик Ларда Шестнадцатого на монете, Юртун, по всей видимости, остался доволен, и шергон исчез в цветастых лохмотьях, которые заменяли ему одежду. После оскалился, поклонился и ссыпался по трапу в трюм.

Борт «Морской птицы» мягко ткнулся о причальную стенку. Закричали на разные голоса матросы, загремели сходни. Мастер Калам подхватил стоявший возле его ног сундучок и сошёл на берег.

Людской поток подхватил его. Матросы, разносчики воды и сладостей, купцы, погонщики урмалов, праздные зеваки, которых полно во всякой толпе, теснились со всех сторон, кричали, ругались, торговались, спорили, в общем, наполняли мир особым гвалтом, который у каждого порта свой, но в чём-то одинаков в любом месте в Мире. Калам огляделся, выискивая ориентиры. Пожалуй, ему туда...

За пять лет, что прошли с его последнего посещения Группий-Норса, город не стоял на месте. Появились новые торжища, склады, лавки, харчевни. За спиной, через протоку, копошились люди, ставили ещё один причал, да не простой, а каменный. Город богател, а чем город богаче, тем...

Ловкие пальцы тронули Калама за пояс, там, где простецы носят кошель с серебром.

... Тем больше в нём жуликов и проходимцев, воров всех видом!

Калам сделал незаметное движение рукой, обернулся. Юнец, схваченный за руку, смотрел на него исподлобья. Кого он видит? Молодого, богато одетого господина, бездельника и зеваку. Добычу для ловкача? Однако, у добычи оказались острые зубы.

— Добрый господин сломает мне руку... — заныл юнец. — Добрый господин ошибся, я не хотел ничего дурного, я просто...

— Папаша Гронт всё ещё набольший? — прервал его Калам.

Юнец заткнулся, зыркнул угрюмо. Он продолжил вырываться, но теперь старался делать это незаметно для окружающих. И молчал.

— Язык проглотил? — Калам сжал запястье воришки сильнее. — В самом деле руку сломаю, я могу.

— Папаша Гронт ушёл на покой, — скороговоркой ответил юнец. — Набольшим теперь мастер Гук.

— Гук, — Калам усмехнулся. — Передай ему, что приехал Калам. Ещё передай ему, что буду ломать пальцы. А теперь исчезни.

Кажется, он зря отпустил Юртуна. Ловкий — и решительный! — человек ему не помешал бы. Не всё можно сделать самому, а кое-что и недопустимо, как, например, разговаривать с ворами. Нет, это надо решиться — обворовать его! Впрочем, капитан ни за что не отдал бы Юртуна навсегда, значит, придётся обходиться без слуги.

Высмотрев подходящее заведение, мастер Калам решительно ввинтился в толпу. Вспомнился мастер Рогул. Тот, кто так же схватил его за руку много лет назад. Спасибо ему за то, что Калам стал тем, кем стал. Интересно, жив ли он?

Вывеской заведению служили три сбитые вместе доски, на них неизвестный художник изобразил кружку с шапкой пены и блюдо, на котором уместилась свиная нога с воткнутым в неё ножом. Впрочем, художник — это сильно сказано. Маляр, скорее, или мазила. Зато краски были сочные, кружка полная, а свиная нога — большая. Так что цели своей вывеска достигала, любой мог сразу понять: здесь кормят.

Внутри оказалось даже приличнее, чем снаружи. Пол был чисто выскоблен, столы чисты, а открытые окошки уносили прочь запахи кухни. Хозяин за стойкой занимался тем делом, которым заняты все хозяева харчевен во всех городах Мира — протирал кружки, цепко оглядывая полутёмный зал. Увидав Калама, он расплылся в дружелюбной улыбке:

— Добро пожаловать в «Свиную ногу», путешественник! Прошу, вот сюда!

Калам позволил проводить себя к пустующему столу.

— Только с дороги? — продолжал говорить хозяин. — Слышал, бросила якорь «Морская птица». Наверное, ты прибыл на ней, путешественник.

— Ты прав, — ответил Калам, усаживаясь на простой, но крепкий табурет.

— Надолго? — спросил хозяин, делая одновременно какие-то знаки в сторону кухни.

— Несколько дней, — не покривил душой Калам. — Как пойдут дела.

— У меня лучшие комнаты в порту, — обрадовался этой новости хозяин. — Чистые и без кровососов! Когда перекусишь, не побрезгуй подняться наверх и посмотреть.

— Хорошо, — не стал спорить Калам.

Тем временем из кухни выплыла дородная женщина с подносом. На нём, в точности как на вывеске, расположилось блюдо со свиной ногой и грудой каких-то исходящих паром кореньев, и кружка пива, только не глиняная, а из настоящего белого стекла. Капли воды проторили дорожки на её запотевших боках.

— У нас простая еда, господин, — заговорила женщина, освобождая поднос, — зато сытная.

— Мастерца Ага стряпает лучшую свиную ногу в Группий-Норсе, можешь спросить любого, — с гордостью сказал хозяин.

Ого, мастерица! В Группий-Норсе не назовут мастером абы кого.

— Благодарю тебя, Ага, — улыбнулся Калам. Он отрезал кусок мяса, прожевал, кивнул: — Ты и точно мастерица.

Женщина зарделась. Хорошая, видимо, женщина, и жизнь её сложилась удачно, раз она не потеряла способности смущаться, как юная девица.

— А как звать тебя, почтенный? — спросил Калам у хозяина харчевни.

— Папашей Рутом кличут.

— Рад знакомству, — вполне искренне сказал мастер Калам.

— Если что пожелаешь, — наклонился к нему папаша Рут, — только дай знать.

Сообщив это, он вернулся за стойку.

Довольно двусмысленно, если подумать. Путешественник из-за моря может пожелать всё что угодно, а не только печёную свиную ногу с пивом. Впрочем, это порт, и как в любом порту Мира, папаша Рут рад выполнить любую просьбу. Мастер Калам решил не думать пока на этот счёт, и полностью отдался чревоугодию.

Когда от ноги остались кости, и папаша Рут поставил перед Каламом третью по счёту кружку, в харчевню зашёл новый посетитель. Завидев Калама, он без раздумий направился к нему, сел, бросив перед собой широкополую шляпу. Тут же, словно по волшебству, перед ним возник высокий стеклянный же стакан с вином.

— Ну, здравствуй, Калам, — произнёс он.

— Здорово и тебе, Гук.

Пять прошедших лет не пощадили Гука. Волосы его поредели, левый глаз закрывала щегольская чёрная повязка, а на левой руке не хватало одного пальца.

— Ты вернулся, — сказал Гук, пригубив вино.

— Нет, — коротко ответил Калам. Гук удивлённо приподнял левую бровь.

— Я вижу перед собой призрака?

— Я здесь по делам и скоро уеду, — спокойно сказал Калам.

— То есть, — мастер Гук подался вперёд, — ты не собираешься здесь работать?

— Не собираюсь, — подтвердил Калам. — Я давно оставил старое. Но, — он понизил голос, — если твои люди станут шалить, я буду, как и обещал, ломать им пальцы.

— Смотри не обманись, — произнёс мастер Гук. — Некоторые могут в ответ ужалить. Сильно, до смерти.

— До чьей смерти? — не уступил Калам.

Мастер Гук сосредоточенно тянул вино и сверлил Калама единственным глазом. Если бы взгляды убивали, Калам пропёкся бы не хуже свиной ноги от мастерицы Аги. Калам невозмутимо глядел в ответ; взгляды давно перестали его пугать.

— Ладно, — сказал, наконец, Гук, — я тебе верю. Но если ты надумаешь работать...

— Тогда я непременно извещу тебя об этом, — сказал Калам.

Ничего не ответив, мастер Гук вышел из харчевни. Мастер Калам бросил на стол медяк в треть шергона.

— Папаша Рут! Этого хватит?

— Более чем, господин.

Подошедший хозяин смахнул монеты в карман передника и спросил:

— Комната?

— Показывай, — согласился Калам.

Так и сделали. Папаша Рут многословно извинялся, что комната расположена под самой крышей, и что в крыше окно — «замочит, коли дождь», и мастер Калам милостиво дал себя уговорить, «прельстившись» скидкой в половину шергона за ночь. Выпроводив папашу Рута, Калам тщательно закрыл за ним двери — и позволил себе радостно улыбнуться. Комната оказалась такова, что лучше и не пожелать. Хозяину этого знать не обязательно. Ему вообще ни к чему было знать, чем собирается заниматься его новый постоялец. Нет, это вполне законное дело, тем более, что храмовники не имели в Группий-Норсе ни силы, ни влияния, но... Даже стены имеют уши и глаза, особенно в городе Умелых, где собрались умнейшие и искуснейшие. Мастер Калам знал, каковы умники, сам был таков. Случались между ними и чудики не от мира сего, но большей частью народ это был ушлый и охочий до секретов. Доверишься не тому, кому следует — останешься ни с чем. Знания, добрые господа, это сила и богатство, а всякую ценность следует держать за тремя замками. Если не хочешь остаться без штанов, само собой.

Остаться без штанов мастер Калам не хотел. Неуютно это — ходить, тряся у всех на виду хозяйством.

Проверив запоры и потолочное окно, мастер Калам запер комнату, натянул на лицо выражение брюзгливого неудовольствия и спустился вниз.

— А что, папаша Рут, — растягивая слова, обратился к хозяину, — появились у вас мастера по шёлку? Раньше, — он зевнул, — не водилось.

— Господин приехал как раз вовремя! — с готовностью заговорил папаша Рут. — Как раз от нас и налево, мимо площади Основателя Ил Су, а там вниз, к морю. Через пролив остров суконщиков, там всегда лодочки стоят. За десятую шергона перевезут. Спросить мастера Лунжана Коротонша. С полгода как обосновался. Вот он по шёлку самый-самый!

— Благодарю, — всё так же цедя слова, сказал Калам. — Не премину.

Выйдя из гостевого двора, он неторопливо прошествовал до площади Основателя Ил Су, обошёл кругом знакомый до мельчайших деталей монумент, а после затерялся в толпе зевак и свернул... только не к морю, а наоборот, вверх, к изначальному Группий-Норсу. Если за ним и следили, то вряд ли особо рьяно, а внимания людей мастера Гука он и вовсе не опасался. Воровская братия консервативна, все их ужимки Калам знал от и до.

Добравшись до крепостных стен, он, отдыхая от крутого подъёма, прогулялся до ворот, а там постучался в неприметную калитку, которую не всякий и отыщет.

Не прошло и минуты, как калитка без скрипа отворилась, и оттуда выглянул привратник

В надвинутом на глаза капюшоне.

— Мастер Калам к мастеру Рогулу, — коротко поклонился Калам.

Привратник вопросительно приподнял бровь. Мастер Калам сделал шаг назад:

— Прости, брат, — сказал он и вывернул наружу воротник надетой под плащ шёлковой рубашки. Пальцы нащупали круглую булавку. Привратник кивнул и освободил проход.

— Прости ещё раз, — сказал Калам, протискиваясь внутрь. — Давно не был.

Привратник не ответил. Бесшумно закрыл проход и исчез в тени под стеной.

Внутренний город почти не изменился за прошедшие пять лет. Те же извилистые проходы между древних скал, те же дорожки, мощенные шестиугольной плиткой, те же вырезанные в скале двери и узкие окна, те же потайные, спрятанные в трещинах фонари. То же безлюдье. Мастера предпочитали внутренние переходы и галереи, которыми была источена гора. Полтора тысячелетия упорного труда не прошли даром. Калам вспомнил мастерскую Рогула, спрятанную в глубине горы. Свет солнца попадал туда по сложной системе зеркальных труб, так же, как и в зал общих собраний союза Мастеров. Сам Калам жил в каморке при мастерской вместе с Рогулом и знал ещё малую трапезную и склад — один из множества. Большого ему не показывали из соображений безопасности, да и сам он не стремился узнавать лишнего. Союз Мастеров был жёстким и могущественным сообществом, и сурово карал врагов и наказывал болтунов.

Нужную дверь Калам нашёл быстро, память его не подвела. Всё же, он не так часто, в свою бытность подмастерьем, выбирался в нижний город, если честно, не выбирался вовсе, зато под небо выходил чуть не каждый день. Мастер Рогул гонял его за всякой надобностью, но чаще всего — Калам усмехнулся — за сладкой настойкой, которой торговали неподалёку от центральных ворот. Хорошо, что мастер Рогул жив и здоров. Будь он болен, даже знак Союза не помог бы попасть к нему, минуя лекарей.

Итак, нужную дверь в скале Калам нашёл быстро. Короткая галерея вывела его в оживлённый коридор, который шёл вокруг скалы. Калам свернул направо, а потом, отсчитав три поворота и раскланиваясь то с одним, то с другим мастером, налево. Узкий ход закончился мостиком, перекинутым через бездонную пропасть. Вверху кричали птицы, сзади, впереди и вокруг вставали иззубренные скалы, а внизу таилась тьма. Снова, как и пять лет назад, Каламом овладел постыдный страх. Может быть, именно из-за этого повседневного страха он и уехал из Группий-Норса. Страх унижает, но не каждый может привыкнуть к бездне под ногами и к низким, чуть выше колен перильцам, ограждающим эту бездну.

Калам сплотнул ставшую вдруг тягучей слюну и заставил себя ступить на мостик. Двенадцать шагов — и холод в груди отступил, свист ветра стих, и Калам снова оказался под каменными сводами. Отсюда до обиталища мастера Рогула было уже рукой подать.

Мастер Рогул не признавал дверей. Над входом в нужную пещеру просто висел бронзовый колокольчик. Калам потянул за язычок и ударил два раза, а потом, через паузу, ещё один.

— Входите!.. — раздался из глубины старческий, надтреснутый голос. Калам не заставил себя ждать.

По видимости, он отвлек мастера Рогула от работы. Тот сидел за столом вполборота, положив локоть на кипу бумаг, и подслеповато щурился в сторону входа. Чтобы не напрягать без нужды глаза наставника, Калам сделал ещё шаг и остановился под лампой.

— Здравствуй, мастер Рогул, — с коротким поклоном произнёс он.

— Калам?.. Калам, мальчик мой! — обрадовался Рогул. — Иди ближе, дай обниму тебя.

Мастер Рогул постарел, вблизи это стало ещё заметнее. Волосы, пять лет назад тёмные и густые, выцвели и превратились в невесомый пух. Морщины на лице углубились, а щёки втянулись, обтянув челюсть. Старческие пятна сбежали по лбу и шее, спина согнулась, но это всё равно был мастер Рогул, ставший когда-то для малолетнего воришки Калама вторым отцом. В глазах защипало. Калам всхлипнул и крепко обнял старика.

— Ох, соразмеряй силы, — выдохнул Рогул. — Ты меня раздавишь.

— Прости, мастер, — прошептал Калам. — Ты не представляешь, как я рад тебя видеть! Я и не рассчитывал... — он запнулся, не решаясь продолжить.

— Пустое, — махнул рукой мастер Рогул. — Жизнь всегда кончается смертью, но это не повод забыть о радости. А я тоже очень, очень рад. Да не стой ты, садись скорее к столу, как раньше. Я сейчас распоряджусь...

Мастер Рогул позвонил в колокольчик, и скоро в дверях появился молодой подмастерье. Почтительно поклонившись мастеру Рогулу, он с едва скрываемым любопытством взглянул на Калама и замер в ожидании.

— Фузи, мальчик мой, — распорядился Рогул. — Озаботься обедом на двоих. Видишь, у меня гость?

— Да, мастер, — кивнул Фузи и повернулся, собравшись уходить.

— Я сыт, — остановил его Калам. — Принеси что-нибудь лёгкое, к вину.

— На двоих, — повторил мастер Рогул, улыбаясь. — Знаю я, как это: подниматься к нам, наверх, даже и после обеда. На двоих, Фузи.

Подмастерье исчез, чтобы вернуться совсем скоро. Теперь он тащил широкую доску, уставленную тарелками и судками. Также на ней красовался запечатанный глиняный кувшин и пара оловянных кубков, украшенных тонкой резьбой. Фузи быстро расставил снесь и приборы на столе и снова вышел.

Мастер Калам взял один из кубков, повернул его к свету лампы, присмотрелся, хмыкнул.

— Да-да, — улыбнулся в ответ мастер Рогул. — Известный миф о Великом Тритоне, похвалившем Мир. Работа, между прочим, мастера Зугула. Копия, конечно.

— Само собой, мастер! — рассмеялся Калам. — Будет Зугул работать с такими простецкими кубками.

— Ой, не скажи, — возразил старик. — Смотря сколько заплатить. Я пожалел серебра, а так имел бы уникальные кубки, которыми и тирану не зазорно владеть. Впрочем, хватит разговоров. Надо выпить за встречу.

Он взялся вскрывать кувшин.

— Подожди, мастер, — попросил его Калам. — Я совсем забыл... сейчас.

Калам поставил себе на колени саквояж и запустил туда руку.

— Я, мастер, был недавно на острове Венето, — начал он рассказ, — творил праздник света в честь совершеннолетия наследницы трона. Ну, ты понимаешь, цветные дымы, движущиеся картины, всё то, что так любят простецы. Поработать пришлось изрядно, зато и старый Другош, тамошний деспот, не поскупился: отсыпал серебра, не торгуясь. Так что я был при деньгах и вспомнил, что Венето издавна славится своими винами и настойками. Вот я и прошёлся по местному торжищу... И вот:

Он водрузил на стол бутылъ тёмного стекла. На сургучной пробке были выдавлены несколько цифр и трилистник — знак венетских казённых виноделен.

— О! — произнёс Рогул, проведя пальцем по пробке. — Пять тысяч четыреста двадцать лет от пришествия Великого Тритона! Почти тридцать лет выдержки... Ты истратил изрядные деньги, мальчик мой.

— Это тоже подарок деспота, — сказал Калам. — Наполовину. Я так долго ходил вокруг этой бутылки, что мой сопровождающий, приставленный Другошем для удобства, не выдержал, и добавил мне денег. Уж верно, на то было изволение его господина.

— Да... — задумчиво сказал Рогул. — Даже жалко открывать.

— Это подарок тебе, учитель. — Калам приложил руки к груди и поклонился. — Ты вправе делать с ним что пожелаешь. Выпить сейчас, оставить на потом или вовсе передарить кому-то из членов совета.

— Обойдутся! — вскинул на него глаза Рогул. — Нечего поить этих интриганов такими роскошными напитками. У них и так довольно денег, могут и сами купить. Кроме того, мастер Го Цум гонит довольно спирта, чтобы они хоть перепились! Пусть настаивают сами. Открывай.

Калам с пониманием кивнул, принимая бутылку. Похоже, совет Мастеров изрядно утомил мастера Рогула. Так бывает, особенно когда во власть пробиваются случайные люди. Но это не его забота — разбираться в местных заморочках. Вовсе не за этим он приехал.

Пробка недолго сопротивлялась его усилиям. Скоро тонкий аромат наполнил пещеру мастера Рогула, и вино пролилось в подставленные кубки.

— За встречу, учитель! — сказал Калам, поднимаясь.

— За встречу, мой мальчик, — ответил Рогул. — С твоего разрешения, я останусь сидеть. Должно, будет дождь, ноги ноют.

Выпили, помолчали. Мастер Рогул с сожалением отставил кубок.

— Пил бы и пил, — сообщил он. — Но оставлю на потом. Ты же не обидишься на старика, Калам?

— Я уже сказал, — ответил тот.

— Отлично! — обрадовался старый мастер. — Однако, мальчик мой, ведь не вино со мной пить ты приехал? Самое лучшее отношение не стоит тех денег, что ты потратил на дорогу. Зачем ты приехал?

Калам повертел кубок в руке, подбирая слова, потом осторожно поставил на стол.

— Небо манит меня, — ответил он.

— Ага! — засмеялся мастер Рогул. — Ты до сих пор не оставил своих затей!

— Да, учитель, — согласился Калам. — Я не верю в сказку о пришествии Великого Тритона. Я хочу знать, что на самом деле случилось пять с половиной тысяч лет назад. Я решил сделать особую зрительную трубу. Небесную трубу.

— То есть, — понятиливо продолжил мастер Рогул, — на самом деле ты приехал к мастеру Гидрини, или к мастеру Латте, или к любому другому мастеру-стекольщику, а ко мне зашёл из вежливости.

— Нет, учитель, — покачал головой Калам. — Я приехал именно к тебе. Именно ты поможешь мне в изготовлении небесной трубы. Разумеется, и для Латте, и для Гидрини я найду работу, но ты сделаешь самое главное. Если согласишься.

— Моё дело — свет и зеркала, — развёл руками старик. — Я не сумею сделать зрительную трубу, вернее, сумею, дело нехитрое, но Латте или Гидрини сделают их лучше. Я не понимаю тебя...

— Позволь? — дождавшись разрешения, Калам взял и перевернул драгоценную

венеторскую бутылку. Мастер Рогул дёрнулся, но ничего не сказал. К счастью, новая пробка, которой было заткнуто горлышко, держала хорошо, и не пролилось ни капли.

— Смотри, мастер, — сказал Калам, показывая на вогнутое дно бутылки. — Что ты видишь?

— Бутылка, — пожал плечами Рогул. — Очень дорогая. Что я должен видеть?

— Погляди внимательнее, — попросил его Калам.

Мастер Рогул поджал губы и некоторое время недовольно рассматривал бутылку. Затем лицо его прояснилось:

— Зеркало! Но странное, искажённое. Оно показывает меня ещё гаже, чем я есть на самом деле. Не просто лысый старикашка, нет! Лысый старикашка, которого разнесло от непомерных возлияний так, что видна каждая пора на лице, каждый гадкий прыщик или пятнышко. Это намёк, мальчик мой? Если так, то зря. Я и сам знаю, что не образец красоты, не Куморил, который увёл невесту у великого Тритона.

— Я бы не посмел, — ответил Калам. — Кроме того, вряд ли Тритону, даже если жрецы не врут, интересны человеческие женщины. И уж тем более Куморилу не нужны хвостатые жабы. Он бы на них и не посмотрел!

— Недостаток системы в твоём образовании не доведёт тебя до добра, — покачал головой Рогул. — Назвать Тритона жабой, хе-хе, это святотатство. Ещё недавно сжигали за меньшее. Моя недоработка, я слишком редко наказывал тебя.

Слова мастера Рогула были полны осуждения, лицо исполнено праведного гнева, но глаза смеялись.

— Да, учитель, — покаянно произнёс Калам. — Надеюсь, у здешних стен нет ушей? Пять лет назад не было, а сейчас? Мастера такие любознательные люди...

— Я бы знал, — серьёзно ответил Рогул. — Мой дом и моя мастерская... их не имеют права изменять без ведома хозяина.

— То есть, — спал с лица Калам, — это вообще возможно?

— Ничего невозможного, — Рогул пренебрежительно махнул рукой, — но не здесь и не сегодня. Итак, мальчик, зачем ты показал мне это отвратительное зрелище?

— Да... — Калам поёжился. — Не хотел бы я жить в мире, в котором... Ладно, учитель. Всё очень просто. Такое зеркало увеличивает. Значит, с его помощью можно рассмотреть небо.

— Но чем тебя не устраивают обычные линзы?

— Мне не хватает увеличения, учитель! Латте и Гидрини великие мастера, но, боюсь, им не под силу сварить и отшлифовать настолько большие стёкла. Ты сам учил меня: чем больше линза, тем больше увеличение. Значит, так можно сказать и про зеркало! Ты сделаешь для меня большое бронзовое зеркало. Полторы, а то и две ладони величиной. Конечно, не просто так, я щедро заплачу, у меня осталось довольно денег, ну, я рассказывал, а потом... Потом я выберу безоблачную ночь...

Калам разгорячился. Он вскочил, размахивал руками, лишь чудом не смахнул со стола кубок с драгоценным вином. Рогулу пришлось в голову, что он как будто помолодел, сбросил с плеч десять или даже двенадцать лет, вернулся в далёкую юность, когда был глупым мальчишкой. Но вот тот мальчишка не интересовался небом, более всего его интересовали кошельки прохожих. Кроме девушек, конечно.

Внезапно мастер Рогул почувствовал себя невероятно старым, старше самого города Группий-Норса, старше стен и пещер, старше, наверное, самой горы, на которой выстроены

город.

— Хорошо, — прервал Рогул речи молодого мастера. — Я сделаю такое зеркало.

— Спасибо, учитель!

Калам крепко сжал старика в объятьях: — Я, я...

— Выпусти меня, ведмед, — пропищал полузадушенный Рогул. — Раздавишь!..

— Да. Конечно.

Калам разжал кольцо рук и сконфуженно присел на стул.

— Мало того, — продолжил Рогул. — Я сделаю это совершенно бесплатно... не считая затрат на материалы, конечно, да... Видишь ли, мальчик мой, мне тоже очень интересно узнать, что случилось с нашим миром. Вот только... — он в сомнении потёр подбородок. — Как тебе вообще пришла в голову идея использовать зеркало?

— Случайность, — ответил мастер Калам. — Да, это была случайность. Удивительная, даже, гм, несусветная случайность.

— Вот как? — удивился Рогул. — Что же в ней несусветного?

— Это случилось на том самом празднике света, на острове Венето. Наутро, когда я искал вино в подарок тебе, учитель, — Калам ненадолго задумался, двигая нижней челюстью. — Да, я искал вино и даже нашёл его, а потом ко мне пристал какой-то сумасшедший торговец. Как же его звали? Бу Ци, кажется.

— Если судить по имени, из страны храмовников, — заметил Рогул.

— Да? Наверное, но это не имеет значения, — отозвался Калам. — Так вот. Этот тип, не иначе, обнаружил, что я при деньгах. Возможно, заметил, сколько я заплатил за вино, впрочем, это уже неважно. И уже на выходе с торжища он пристал ко мне с ручным зеркальцем. Маленькое такое зеркальце, примерно как серебряный шергон.

— Ну и что? — спросил Рогул.

— Оно было вогнутое, совсем как дно этой бутылки, — продолжил Калам. — Бу Ци требовал, чтобы я его обязательно купил у него. Для того, чтобы... как он это выразился?.. Заботиться о чистоте кожи! Все угри и все несбритые волоски, вообще всё непотребное на коже. И тут меня как ударило! Почему не употребить такое зеркало вместо линзы, подумал я? Зеркало соберёт и отразит небесный свет, потом другое зеркало, уже обычное, отразит его в глаз наблюдателя. Это второе зеркало можно сделать подвижным, для точной настройки прибора. И это второе зеркало направит собранный свет в обычный окуляр для обычной зрительной трубы. Как раз то, для чего мне понадобится мастер Латте или мастер Гидрини. А вот первое, вогнутое — это для тебя, учитель.

— Да, случайность, — согласился Рогул. — Иногда она меняет всё.

Калам промолчал. В жизни мастера Рогула наверняка было немало случайностей. Встреча с Каламом — одна из них, и не самая важная.

— Да ты ешь! — встрепенулся Рогул. — Небо может подождать, оно не сбежит, а желудок, он тут, рядом, и он важнее.

Калам не стал спорить. Небо высоко, а желудок и впрямь был всецело согласен с мастером Рогулом.

В «Свиную ногу» Калам вернулся уже затемно. День прошёл удачно: он договорился не только с Рогулом, но и с мастером Гидрини, и с мастером Гу Ло, который согласился изготовить сборный каркас небесной трубы. Мастер Рогул весьма помог ему в этом деле: мастера согласились сделать скидку, как для своего. Годы, прожитые внутри крепости, не прошли напрасно: Калам с полным основанием мог чувствовать себя своим.

Харчевня пустовала. Папаша Рут и Ага вечеряли при свете масляной лампы.

— Здравствуй, хозяин. Здравствуй, мастерица, — поклонился Калам, входя. — Не вижу посетителей. Так плохи дела?

— Ты давно не был здесь, господин, — печально улыбнулся папаша Рут. — Кое-что изменилось. Четыре года назад в город Умелых прорвались пираты. Тиран их выгнал, но это стоило жизней. Сегодня в Лардии день поминовения усопших, празднества и всяческий шум запрещены. Вот завтра вечером у нас будет не протолкнуться от гостей. Так что занимай место в зале заранее, иначе может и не достаться.

— Я понял тебя, хозяин, — сказал Калам. — Спасибо за предупреждение. Я поужинаю у себя в комнате. Это возможно?

— Конечно, — ответит папаша Рут. — Но тогда ты не услышишь знаменитых слепых музыкантов. Завтра как раз моя очередь принимать их у себя.

— Если что, я постою на лестнице.

— Если там будут места! — ухмыльнулся папаша Рут.

— Вот даже как? Я буду иметь в виду. — Калам направился к лестнице наверх и добавил: — Надеюсь, сегодня кружка пива и тарелка жаркого для меня найдётся?

— О, конечно, господин! — уверил его папаша Рут. — Очень скоро Ага принесёт ваш ужин.

Калам кивнул и зашагал по лестнице. Ступени уютно скрипели под его ногами. Возможно, следовало остаться у мастера Рогула? Ведь он приглашал, искренне приглашал расположиться у него. С другой стороны, если он не стеснял учителя, то учитель вполне мог стеснить его. Калам знал себе цену и привык к душевному комфорту, который для него состоял, в том числе, в уединении. Постоянно сталкиваться с человеком, самым лучшим, самым благожелательным к тебе человеком тогда, когда ты ищешь покоя? Видеть незнакомые вещи, встречать следы жизни иного там, где не ждёшь ничьих следов? Конечно, это не касается гостиных дворов или иных мест, нарочно предназначенных для приёма гостей. Там это нормально и правильно, там ты знаешь, что не дома, там ты готов. Так что...

Отперев дверь в отведённую ему комнату, Калам сразу понял, что ошибся. Кто-то побывал здесь в его отсутствие. Кто-то очень осторожный, но слегка небрежный. Для начала, здесь пахло чужаком. Не папашей Рутом и не мастерицей Агой, к их запаху Калам успел привыкнуть. Нет, здесь побывал кто-то иной, отдалённо знакомый, встреченный недавно. Кроме того, его дорожный плащ висел несколько не так. Калам никогда не жаловался на память, запоминать, в каком состоянии он оставил свои вещи, давно стало его привычкой.

Он сел на табурет и задумался. Кому он успел перейти дорогу за те часы, что провёл в городе Умелых? Мастеру Гуку? Вряд ли, набольший воров не стал бы так торопиться. Гук знает, что Калам держит слово, и если обещал не работать здесь, то и не станет. Значит, примитивный грабёж? Кто, кроме папаша Рута, знает о его деньгах? Только Юртун. Но Юртун прибыл вместе с ним на «Морской птице», он матрос и если хотел ограбить, то мог сделать это в пути. Казалось бы, что может быть проще: стукнуть по голове путешественника, вышедшего на нижнюю палубу проветриться, и сбросить тело в море? Обшарив предварительно карманы. Значит, это не Юртун и уж точно не капитан «Морской птицы». Перед тем, как взойти на палубу этой посуды, Калам навёл справки, «Морскую птицу» ему рекомендовали люди, которых он давно знал и доверял безусловно. Оставался ещё Другош, но эту мысль Калам отмёл как несуразную. Кто он Другошу? Ведь не серебрс

же возжелал возвратить старый деспот Венето!

Так или иначе, «Свиная нога» оказалась неудачным выбором. Завтра на рассвете он уйдёт.

— Господин?

Калам обернулся к дверям. В каморку заглядывала мастерица Ага с подносом в руках. Пахло умопомрачительно, и Калам на миг заколебался. Съезжать из гостевого двора, где так вкусно кормят? Не дурак ли он?

— Благодарю, мастерица, — кивнул Калам. — Скажи папаше Руту, что мои планы изменились. Я проведу у вас только одну ночь. Жаль, но дела требуют. А ужин оставь, — добавил он, завидев, что Ага вознамерилась унести поднос. — Я слишком голоден, чтобы отказаться от твоей стряпни.

— Вот это правильно, господин! — обрадовалась мастерица Ага. — Про мою стряпню всякий скажет, что ею и тирану подать не зазорно. А съехать... съехать в любой час можно!

Воркуя так, она быстро сгрузила содержимое подноса на стол перед Камалом.

— Кушайте, господин, — умильно улыбнулась она, отходя к дверям. — А утром всё и решите.

Взявши нож, Калам приступил к еде. Как и днём, мясо было выше всяких похвал, даже и холодное. Он и не заметил, как умял под пиво половину порции. Эх, хорошо!..

Какой-то звук сверху привлёк его внимание. Птица прошла по черепичной крыше? Или ветер шевельнул металлические карнизы? Подумав, Калам решил не обращать внимания. Мало ли какие звуки могут случиться в незнакомом месте...

Небо было высокое до головокружения. Но в него всё равно хотелось смотреться. Что ещё делать, если в кои-то веки раз выполз на девственную природу? Фёдор Параминов сплюнул травинку, которую грыз уже минуты две и сгрыз, измочалил до потери удовольствия. Трудно считать место, где когда-то подорвали ядерный фугас, девственным, но, если охота, об этой малозначительной детали можно забыть. Железо за прошедшие годы почти сгнило и уже не пахнет даже ржавчиной.

Если не принохиваться.

Фёдор поёрзал в раскладном кресле. Хорошо!.. Солнце проглядывает сквозь кисею облаков, поэтому греет, но не жарит. Ветер сносит комаров и запах багульника, от которого у него так противно болит голова. Так бы и сидел. Но... что они там копаются?

С минуту Параминов размышлял: встать или обойтись, так и не принял никакого решения, и тут со стороны скал захрустел под тяжёлыми шагами гравий.

— Н-ну? — не поворачиваясь, спросил Фёдор.

Афанасьев, не отвечая, поставил на попу подготовленный заранее чурбачок и сел напротив. Он был совершенно бледен и глядел опалело. Настолько, что Параминов с трудом сдержал усмешку.

— Что нашли, спрашиваю? — повторил он.

— Выпить нет, Фёдор Иванович? — спросил внезапно Афанасьев. — Покрепче чего...

— Даже так? — удивился Параминов. Афанасьев, хотя и походил с виду на гангстера-громилу из старого вестерна, человеком был деликатным и лишнего себя не позволял. До этой минуты не позволял. На корпоративах не пил, максимум бокал сухого вина или шампанского на новый год. Крепкое не пил никогда. И не то чтобы таился, а сам был не против кинуть в пасть стопку-другую, нет, подчинённые, друзья и знакомые, все, до кого дотянулись руки Кузьмы Кузьмича, подтверждали: не пьёт. Не зашит, а просто не видит смысла. Так что... Фёдор Иванович покачал головой и произнёс:

— В тех кустах рюкзак, в нём пошуруй. Стаканы там же.

Афанасьев благодарно кивнул, отошёл на минуту и скоро вернулся с полным стаканом коньяка. В другой руке он держал бутерброд. Испросив взглядом разрешения и получив его, Афанасьев, не изменившись в лице, выцедил спиртное и принялся сосредоточенно жевать. Параминов терпеливо ждал. Доев бутерброд, Афанасьев длинно выдохнул и сообщил:

— Давненько... я не брал... в руки пашек.

— Ты только не напейся, — посоветовал Параминов. — Ну, что?

— Ни в коем случае! — отрапортовал Афанасьев и продолжил: — Если коротко, Фёдор Иванович, там солнечная система.

— Что?! — Параминову показалось, что он ослышался. — Может, ты зря коньяк пил? Стакан, знаешь ли, это не шампанского бокал!

— Ерунда, Фёдор Иванович, — отмахнулся Афанасьев. — Я совершенно трезв. Вернее я пьян, но не от коньяка, а от того, что... что...

От избытка чувств он запнулся, не в силах подобрать слова, и ткнул пальцем в сторону горы. От выпитого глаза его заблестели, а на щёки вернулся... нет, не румянец, а просто обычный человеческий, телесный цвет. Короче, Афанасьев перестал напоминать ходячего мертвеца, настолько удивлённого этим фактом, что это делало его похожим на человека.

Теперь Афанасьев вернул себе людское обличье, но понятнее от этого не стало.

— Пожалуйста, — сдерживаясь, заговорил Параминов, — объясни подробнее.

— Там длинная дорога, военная, наверное.

— В скале? — переспросил Параминов.

— Так точно, в скале, — кивнул Афанасьев. — Продолжение той, что здесь. В конце завалы, но можно пройти. Потом дорога обрывается, там стена. В стене дыра, — он неожиданно хихикнул. — Эти конспираторы завесили её куском ткани. Кажется, это чьи-то штаны, да. А за дырой огромная пещера, и в ней светит звезда.

Он снова выдохнул и замолчал, уперев взгляд в носки ботинок.

— Именно звезда? — тупо переспросил Параминов.

— Звезда, Фёдор Иванович, — глухо ответил Афанасьев. — Натуральная звезда. А вокруг неё — планеты.

— Что за чушь ты несёшь?! — взорвался Параминов. — Какая звезда, какие планеты?! Там гора, максимум пещера в горе. Может, это прожектор? Или сквозная щель в скале, через неё солнце светит?

— Простите, начальник. — Афанасьев выпрямился и посмотрел на Параминова в упор. — Это не прожектор и не солнце через щель. Это звучит как чушь, но это не чушь. И потом, это так легко проверить!

— Я проверю, — пообещал Параминов, поднимаясь из кресла. — Ох, я проверю! Вы у меня побегаετε! Кузьма Кузьмич где?

— Внутри распоряжается, — сообщил Афанасьев. — Он тоже верить не хотел.

Жизнь у Никиты Трепникова не задалась. Всё чаще посещала его мысль, что в юности он сделал неверный выбор. Пошёл бы в ПТУ, на газосварщика, или в торговый техникум на... на кого там учат? В первом случае получал бы просто большую зарплату, особенно сейчас, когда рабочие специальности нарасхват, вот втором — превратился бы, глядишь, в уважаемого человека, если бы пережил девяностые. Так нет же, увлёкся астрономией и теоретической космологией, получил образование и специальность «астроном», а больше не получил ничего. Ни жены, ни детей, ни уважения. Ни грантов. Кому нужен в наши времена космолог-любитель? Была одна вещь, которой он мог не то, чтобы гордиться, а не считать провалом. Да только толку с неё — чуть. Вырос Никита Трепников слишком гордым, чтобы радоваться школьной дружбе с местным воротилой Жогиным. Тем более, просить у него помощи.

О конторе, куда его распределили, не хотелось даже вспоминать. Поначалу приняли его хорошо, но потом!.. А ведь горел, участвовал в конференциях, пытался статьи писать. Потом увидел, какое процветает на небогатой астрономической почве воровство, плюнул и вернулся домой.

Вот и преподавал Никита Николаевич алгебру и геометрию в школе. Раньше был приработок, но потом астрономию отменили. Чем думали? В глубине души он понимал причину такого решения. Людьями, которыми не считают мысль о том, что Земля плоская, дикостью, проще управлять. Отсюда все эти попы в телевизоре, церкви-новоделы, на которые без изумления не взглянешь, рассуждения о скрепах и прочее, от чего у Трепникова поднималась в груди волна чёрной ненависти, а руки бессильно потели. Хотелось убивать, но слишком хорошо воспитали его безвременно ушедшие родители... Спасибо советской власти, что дала им квартиру. По крайней мере, Никите Николаевичу есть где жить.

Он отложил тетрадку, которую проверял, потянулся за следующей. Чёрт побери! Балбесы совсем не хотят учиться! Если так пойдёт дальше, он на одних красных чернилах прогорит. Наверное, сам виноват, не сумел заинтересовать предметом. А как их заинтересовать, если кроме интернета и игрушек их ничего не интересует? И как ему самому стать им интересным, если у некоторых карманных денег больше, что его зарплата?

Нестерпимо захотелось выпить. Никита Николаевич не увлекался алкоголем, на какие шиши? Но раз в неделю, в воскресенье, он позволял себе бутылку пива или рюмку дешёвой водки. Початая бутылка в холодильнике, достаточно достать и налить. Никита Николаевич скрипнул зубами: он не алкоголик, надо держать себя в руках!

...Стопка непроверенных тетрадей уменьшалась, но медленно, слишком медленно. Никита Николаевич отбросил очередную тетрадь. Если он не выпьет прямо сейчас, то не сможет доделать работу, ему просто не хватит нервов!

Подойдя к холодильнику, Никита Николаевич открыл дверцу и потянулся к бутылке. Почему не нарушить собственные правила? Это его правила. Это немножко стыдно, зато сладко. Это как секс. Наверное.

Дзынь!

Никита замер.

Дзынь-дзынь-дзынь!

Вот это новости! Явно звонили в дверь. Кто бы это мог быть? Последним его гостем был отец одного из лоботрясов месяца четыре назад. Зачем приходил и чего хотел, Никита Николаевич так и не понял.

Жаль, но придётся погодить. Бутылка отправилась обратно в холодильник, а Никита Николаевич — в прихожую. Открыл дверь и остолбенел. На пороге стоял собственной персоной Жогин Илья Витальевич, одноклассник и олигарх. Одетый в демократичный джинсовый костюмчик по моде конца прошлого века, в простых кроссовках и с кожаным, безусловно дорогим и на первый, и на второй взгляд саквояжем в руках. Позади маячил ещё один человек, смутно знакомый своей рыжей бородой.

— А-а-а? — начал Никита Николаевич и заткнулся. В голову не приходило ничего путного, кроме: «Ты откуда, Одиссей? От жены, от детей?». Спроси кто, при чём тут Одиссей, Никита Николаевич не ответил бы. Перемякнуло что-то в мозгах.

— Пустишь? — улыбнувшись, спросил Жогин. — Или в дверях разговаривать будем?

— А? Да, конечно, — отмер Трепников. — Проходи, Илья. И вы, — он с сомнением посмотрел на бородача, — вы тоже проходите.

— Тогда пропусти, — с едва заметным недовольством сказал Жогин. — Не стой столбом на дороге.

— Да. Да, конечно... — промямлил Никита Николаевич, освобождая проход.

Визитёры прошли внутрь. «Проходите так», — хотел, было, сказать Никита Николаевич, но те вежливо разулись, не дожидаясь напоминаний или разрешений. В зале Жогин кинул критический взгляд на занятый тетрадями стол и едва заметно дёрнул подбородком. Сам он, скорее всего, и не заметил своего мимолётного недовольства, но на него отреагировали Никита Николаевич и бородач. Тетради отправились на старый, родительский ещё сервант, а возле стола появились два дополнительных стула. Жогин открыл саквояж и жестом фокусника достал из него бутылку и несколько пакетов. Рядом на столешницу лёг ноутбук.

— Э-э-э... — протянул Жогин. — Никитос, нам как, с салфеток закусывать?

Как во сне Никита Николаевич метнулся на кухню и загремел посудой. Он так давно не

принимал гостей, что даже забыл, где у него что запрятано. Мысли из головы словно вымело, остался один вопрос: что это всё значит?

Через минуту, расставив приборы, он вопросительно взглянул на Жогина.

— Момент, — правильно понял его гость. На тарелках разлеглись тонкие пласты мясной и рыбной нарезки, дрожала слеза на сыре, который хозяин квартиры видел только в кино, а по комнате поплыл запах коньяка.

— За встречу! — возгласил Жогин, поднимая бокал.

— За встречу, — вяло согласился Никита Николаевич, а бородач просто молча поднял свою посудину: коньячных бокалов не хватило, пришлось задействовать фужер для шампанского.

От дорогого, не иначе, французского, коньяка у Никиты Николаевича зашумело в голове. Он сглотнул, зажевал, не чувствуя вкуса, алкоголь копчёной рыбкой, и спросил, обводя стол рукой:

— И что это всё значит?

— Ты не рад нас видеть? — удивился Жогин.

— Мы виделись последний раз пятнадцать лет назад, — сказал Трепников. — А... тебя, — с усилием перейдя на «ты», он кивнул бородачу, — я вообще не помню. Чего вдруг такая щедрость?

— Антон меня зовут, — представился бородач. — Учился классом позже.

— Я рад, — буркнул Никита Николаевич. — Итак?

— Давай, лучше, ещё по одной? — предложил Жогин. — То, что мы тебе расскажем, как бы... — он замялся, подбирая слова, — требует, в общем, раскрепощённости. Особенно для тебя.

— Вот как? Ну, наливай, — пожал плечами Трепников. В конце концов, что он теряет? А выпить хорошего алкоголя и приятно закусить... Почему нет? Когда ещё придётся.

Выпили.

Жогин закусывать не стал. Он откинулся на спинку стула, закинул ногу за ногу и спросил:

— Всё учительствуешь?

— А то не видно... — Никита Николаевич со значением посмотрел на стопку тетрадей.

— Ага, — кивнул Илья Витальевич. — Видно. Платят-то хорошо?

— Издеваешься?

— Ни в коем случае! — загородился руками Жогин. — Вдруг, действительно, платят хорошо? Мой-то сын в частной школе учится, откуда мне знать, как у вас, в муниципальных?

— Херово у нас, — поджал губы Никита Николаевич. — Хотя на жизнь хватает. Даже в Турцию летал.

Коньяк — напиток коварный. Не такой прямолинейный, как водка, но по мозгам даёт будь здоров! Выпил Трепников всего ничего, но захотелось ему уже прихвастнуть и даже пустить пыль в глаза.

— В Хургаде был, — продолжил он, — фараонов смотрел. Всякие конференции, симпозиумы.

«Боже, что я несу!», — мелькнула в голове трезвая мысль. Трепников выпрямился и отодвинул бокал:

— Ты, вообще, зачем спрашиваешь? Твоего сына учат плохо? Кстати, почему он школьник? Ты же мой ровесник, ему пора собственную семью давно иметь.

— Поздний, — отмахнулся Илья Витальевич. — От второй жены. И учат хорошо, но я не об этом.

— Тогда о чём? — потребовал Никита Николаевич. — Не просто же так ты этого богатства натащил?

— Это копейки, — пренебрежительно ответил Илья Витальевич.

— Копейки?! — возмутился Трепников.

— Копейки, — подтвердил Жогин. — И для тебя будут копейки, если согласишься.

— Не понимаю, — сказал Трепников.

Жогин посмотрел на Антона. Тот криво ухмыльнулся, раскрыл ноутбук и развернул его экраном к хозяину квартиры.

— Пожалуйста.

— Что это? — начал Никита Николаевич и замолчал. Глаза его округлились, потом он замотал головой: — Чуть какая-то. К чему этот мультик?

— Это не мультик, Никита, — ответил Жогин. — В том-то, чёрт возьми, и дело, что это не мультик! Это самая реальная реальность. И чтобы с ней разобраться, мне нужен ты. Ты же астроном, я не ошибаюсь?

Жогин рассказывал несусветные вещи, а Никита Николаевич пожирал глазами фильм на экране ноутбука. Когда ролик кончился, запустил и посмотрел его ещё раз. Гости терпеливо ждали. Наконец Трепников остановил воспроизведение и закрыл ноут.

— Налей, — потребовал он. — Да больше, больше!

Антон набулькал ему половину бокала. Трепников выпил коньяк в два глотка, схватил с тарелки кусок рыбы и стал, смаргивая слезу, сосредоточенно жевать.

— Что я должен делать? — закусив, спросил он совершенно трезвым голосом.

— Для начала уволиться со своей работы, — ответил Жогин. — Сегодня среда, завтра пишешь заявление, с четверга приходишь ко мне, должность найдём.

— Завтра не получится, надо предупредить за две недели, — кисло проговорил Никита Николаевич.

— Наплюй, — отрезал Жогин. — Перетопчутся они без двух недель.

— Перетопчутся, — эхом откликнулся Трепников.

Илья Витальевич хлопнул себя ладонью по колену:

— Ладно, пойдём мы. Вот, — он кинул на стол картонку, — моя визитка. Как уволишься, звони. Ты в какой школе трудишься?

— В двенадцатой.

— Ага, — улыбнулся Жогин. — Туда и подъедем. Многого надо обговорить.

— А это? — Трепников кивнул на коньяк и закуски.

— Отдыхай, думай, — сказал Жогин. — Хорошее пойло помогает думать, и наутро голова не так болит.

— А?.. — начал Никита Николаевич.

— И ноут тоже, — ответил Антон. — Там и ещё есть, найдёшь.

Они ушли.

Никита Николаевич выпил ещё. По телу разлилось приятное тепло, но особого опьянения он не чувствовал.

Не алкоголь пьянил его, а перспективы.

Перспективы получить мир на ладони, первым из астрономом увидеть его, изучить, остаться в Истории. Объект, до которого подать рукой. Не в переносном смысле, в самом

прямом! Чужое солнце, чужая планетная система, которую не застилают облака межзвёздного газа и пыли, вид которых не искажает влияние чёрных дыр и галактик. Его можно потрогать руками, и если там живут разумные существа, то увидеть их и поговорить...

Он запустил следующий ролик. Рядом со звездой двигалась планета. Она была слишком далека, чтобы рассмотреть подробности, но она была и она двигалась. Чересчур быстро по астрономическим меркам. Чересчур, слишком... А звезда внутри стометровой пещеры — не слишком?

Это нобелевка! Руки у Трепникова задрожали и вспотели, и он лихорадочно вытер их о штаны. Молодец Жогин, что пришёл именно к нему, ах, какой молодец! Главное теперь — не ударить в грязь лицом, выжать из открытия всё, что только возможно. И для этого нужно... Он поискал глазами бумагу. Позорище! У него нет обычной чистой бумаги для записей...

Трепников вскочил, схватил с серванта первую попавшуюся тетрадку, выдрал чистые листы. Прощайте, балбесы! Если мы увидимся ещё когда, то только случайно.

Склонившись над бумагой, Никита Николаевич начал писать. Ах, как много надо учесть, как много важного вспомнить! Ничего, тетрадей ему хватит...

Никогда ещё Никита Трепников не работал так много и не спал так мало. Тяжелый труд не приносил утомления, а только лишь эйфорию. Возможно, оно аукнется, но потом, потом! Сейчас же Никита Николаевич творил. Жогин, когда они встретились на следующий день после памятного разговора, принял все его предложения. Несколько мелких замечаний не в счёт, Трепников и так не жаждал быть начальником. Но что касалось науки — всё стало его епархией. Монопольной, единоличной.

...Пролом в стене пещеры расширили и укрепили; никому не улыбалось свалиться на стометровую глубину. Сейчас в окрестности сияющей во тьме ядерного пузыря звезды нацелились несколько объединённых в сеть телескопов, а также мощный приёмопередатчик. Цивилизация, если она есть, не может не излучать. Это излучение нужно уловить, отделить от земных помех и фона родной звезды, если получится, расшифровать и взглянуть на мир чужими глазами.

Трепников дрожащими пальцами погладил кожух телескопа, пробежался по кнопкам и тумблерам управляющей панели. Одно нажатие, и в история астрономии начнётся новая страница. Как он озаглавит будущую статью? Неважно. Она будет опубликована в самых престижных журналах и принесёт ему мировую славу.

— Питание! — хрипло распорядился Никита Николаевич в микрофон.

— Есть питание, — отозвались динамики голосом одного из подчинённых Ильи, Вадима.

Снаружи, где свежий лесной воздух и свет Солнца, кто-то перекинул рубильник. Ток от дизеля потёк внутрь и достиг машины Трепникова.

Пулыт осветился. По экрану побежали строчки первоначальной загрузки. Трепников настаивал, чтобы дизель поставили тут, чтобы быстрее, быстрее приступить к работе, но его убедили: не стоит. Выхлоп отравит атмосферу в тоннеле, работать станет невозможно. На прокладку кабеля ушёл лишней день, зато теперь...

Никита Николаевич застонал от нетерпения... Ну же!..

Тихо зашелестели приводные двигатели телескопа. Трепников задавил волнение и

уверенными движениями сориентировал прибор на планету. Синий в белых разводах шар выполз в центр экрана. Трепников откинулся в кресле. Изображение планеты чуть подрагивало и ощутимо сдвигалось в сторону. Планета бежала по извечной орбите, и следовало подождать, чтобы сдвинулась сильнее. По двум точкам процессор телескопа рассчитывает орбиту и станет держать планету в центре экрана автоматически.

В груди Трепникова бушевал огонь. Он налил холодного чая, медленно выпил. Ждать оставалось недолго. Какой смысл нервничать, если всё идёт по плану?

Прибор мелодично тренькнул. Есть! Изображение планеты дёрнулось, встало точно по центру экрана, на мгновение размазалось и стало чётким. Мегабайты информации потекли в накопители. Рентгеновское, гамма, радиоизлучение во всех диапазонах, всё излучение видимого спектра, а также инфракрасное. Для приёма длинных волн стометровый отрезок тоннеля опутали сеткой антенн. Все эти данные он изучит потом, а сейчас Никита Николаевич просто смотрел на занявший всё свободное экранное место геоид. Смотрел жадно, не отрываясь. Все земные астрономы, великие и не очень, всемирно признанные и прозябавшие в неизвестности, завидовали бы ему теперь. Если бы знали. Но они не знают. Ах, какой он устроит им сюрприз!

Трепников даже зажмурился от удовольствия, представив, какие лица будут у его бывших коллег. Ну, сами виноваты. Не оценили, не поняли!

Марина спала, вольготно раскинувшись на простынях. Фёдор осторожно, чтобы не потревожить её, отодвинулся в сторону. Какая женщина! Ведь ей за сорок, а тело как у двадцатилетней модели. В который раз он изумился, какой Жогин идиот. В такую женщину надо вцепляться руками и ногами, не спускать с неё глаз, не дай бог уведут, а он... предоставил ей свободу! Не понял, что тем самым унизил жену, показал, как мало для него значит мать его собственного сына. Женщина должна видеть, что её любят и жаждут, что её ревнуют ко всем вокруг, да хотя бы и к Владимиру Владимировичу!

Про Коперника и говорить не стоит.

Ну, чем Илюха дурнее, тем лучше. Параминов осторожно прикоснулся пальцем к Маринкиной груди, спустился в ложбинку, поднялся на вторую, обвёл вокруг соска. Марина улыбнулась, ресницы её задрожали.

— Не спишь? — спросил Фёдор.

— С тобой поспишь.

Она сладко потянулась. Ох, чертовка! Куда до неё Верочке.

— Ты самая лучшая, — серьёзно сказал Параминов. — Кой чёрт дёрнул за Илью выскочить?

— Любовь у нас была, — ответил Марина. — Он знаешь, какой был? Такой галантный кавалер. Я и поплыла. Да все девки с потока за ним бегали!

— Это да, это я помню, — согласился Фёдор. — Уходи от него.

— Не могу, Федя, — ответила Марина. — Сын у нас. Он его любит, везде за собой таскает. Недавно вот, — она на секунду задумалась, — в лес потащил. Две недели там провели, Артёмка сияющий приехал.

— Рассказывал чего? — безразлично поинтересовался Фёдор.

— Нет, — сказала Марина. — Чувствую, подмывает рассказать, но крепится. Ты-то сам не знаешь, что у них случилось.

— Тебе, что, Илюха не рассказал? — изобразил удивление Параминов.

— Не спрашивала, — сказала Марина.

— Я тем более не спрашивал, — сказал Фёдор. — Не моё, знаешь, дело, расспрашивать его.

— Ой, врёшь, — Марина чмокнула его в нос, — ведь врёшь! Ты же следишь за ним, неужели нет?

— Не настолько же, чтобы в лес за ним ездить, — усмехнулся Параминов. — Но я надеюсь на тебя. Узнаешь что интересное, расскажешь?

— Куда я от тебя денусь, Федька!

Марина села, оглядела его с ног до головы.

— О, да ты тоже проснулся! Проснулся и молчишь? А бедная женщина лежит недоласканная, недоцелованная!

— Недотраханная, стало быть, — определил Фёдор.

Он решительно взял её за талию, перевернул на живот...

— Догадливый, — низким голосом произнесла Марина, оттопыривая зад.

В дверь постучали.

— Что там ещё?! — рявкнул Параминов.

— Письмо, Фёдор Иванович, — раздался из-за двери голос личного водителя, Сашки.

— Подождать нельзя? — раздражённо, но уже тише спросил Параминов.

— Невозможно, Фёдор Иванович. Только что передали, сказали — срочно.

Сашка был предельно серьёзен.

— Ладно. Подожди, милая.

Параминов щёлкнул Маринку по тугой ягодице, поднялся и подошёл к дверям.

— Давай, — сказал, отодвигая защёлку.

Принял просунутый в щель узкий конверт и снова захлопнул дверь.

Одного взгляда на конверт хватило, чтобы возбуждение пропало как не было. Ох, и не любил Фёдор Иванович такие письма, да только ничего не поделаешь, не бодаться телёнку с дубом.

Бросив конверт на стол, Параминов стал одеваться.

— Ты чего?! — возмутилась любовница. — Ты куда это?

— Прости, — коротко ответил Фёдор. — С этой конторой не шутят.

— С какой конторой?!

Марина схватила конверт, надорвала.

— Он пустой! — с негодованием сообщила она.

— Пустой, — согласился Фёдор. — Но он есть. Это значит, у меня не больше получаса.

— Да объясни же ты, в чём дело!

Марина села, закуталась в простыню, зло посмотрела на Параминова.

— Я скоро приду, — ответил тот. — Тогда, может быть, объясню.

— Почему может быть? — потребовала Марина.

— Потому что могут запретить, — просто ответил Фёдор Иванович. Шагнул к Марине с намерением поцеловать. Она отодвинулась. Параминов пожал плечами и вышел.

Ошибается тот, кто думает, что работа офицера спецслужбы заключается в засадах, драках и перестрелках. Меньше надо сериалов смотреть. Как и в любой государственной структуре, в основе — документы. Протоколы, справки, аналитические записки, доносы, в конце концов! Даже полевые агенты, и те загружены бумажной работой. Без правильно

составленного отчёта их труд не имеет никакого смысла.

Стол майора Коваленко был девственно чист. Только моноблок с клавиатурой и современный настольный светильник. Никаких зелёных абажуров, узкая светодиодная конструкция на толстой ножке, похожая на раскладной нож. Сейчас светильник был сложен и вовсе не походил на лампу. Параминов узнал его только потому, что у него на рабочем столе стоял такой же.

— Ну что, гражданин Параминов, — начал сидящий напротив Фёдора майор Коваленко, — что вы можете сказать в своё оправдание?

— Вы меня, майор, не гражданьте, — усмехнулся Параминов. — Нет у вас методов против Кости Сапрыкина.

— Юморите, Фёдор Иванович? — подался к нему майор. — А зря, между прочим. Но, поскольку вы не в курсе, я объясню. Это мне не трудно, знаете ли.

— Внимательно, — ответил Параминов и откинулся на спинку стула. Спасибо, спинка имелась в наличии. Всё-таки, органы действуют теперь куда тоньше, чем в тридцатых годах прошлого века. Девяносто лет назад вместо стула, на котором расположился Параминов, довольно удобного, кстати, стула, находился бы прикрученный к полу табурет. На таком не откинешься...

— Вы не отвлекайтесь, Фёдор Иванович, — прервал его размышления Коваленко. — Дело серьёзное. А дело в том, — он помолчал, — вы помните, что вы под надзором?

— Забудешь про такое, — буркнул Параминов.

— Так вот, — продолжил Коваленко. — Объясните мне, уважаемый господин, — он выделил последнее слово голосом, — Параминов, что вы делали в районе испытаний ядерного оружия? Секретных испытаний, к слову.

— Можно подумать, бывали несекретные, — проворчал Фёдор. — Что?! Ядерного?

— Именно, Фёдор Иванович, — подтвердил майор. — И как вы это объясните?

— Никак не буду объяснять, — ответил Параминов, подумав. — Откуда мне знать, что там какие-то испытания были, тем более секретные? Грибы я собирал, — добавил он. — И ягоды. Запрещено?

Майор пожевал губами. Ведь он немолод, понял внезапно Параминов. Ему, пожалуй, к сорока, а всё ещё майор. Звездочку перед пенсией хочется? Зачётное желание, объяснимое, только он-то, Фёдор Параминов, тут при чём?

— Не запрещено, — произнёс, наконец, Коваленко. — Только подозрительно. Тем более, в вашем случае, гражданин Параминов. Вы же не просто так под надзором.

Параминов посмотрел майору в глаза, тот, не мигая, уставился на него. Как змей, как удав. Загипнотизировать, что ли, хочет? Так и Фёдор не кролик, чтобы послушно в пасть лезть. Да, было дело в молодости. Ходили тогда по Сибири слухи об отделении. Даже не слухи, идея витала в воздухе: чего, мол, *эту Россию* кормить? Фёдору плевать было на политику, но Фёдор он был молод, и почудился ему запах денег. Где высокая политика с участием *держав*, там всегда деньги, деньжищи даже. Спасибо, быстро понял, что ветры поменялись, да и объяснили добрые люди в штатском, что к чему. За это им тоже отдельное спасибо. Однако, было, да прошло, и быльём поросло, развесистым и непроходимым.

— Подозрения, майор, к делу не пришьёшь, — сказал Параминов. — Только не виноватая я, да и не приходил ко мне никто.

— Воля ваша, — не стал спорить Коваленко, доставая из ящика стола пропуск. — Идите, господин Параминов, не смею задерживать, — и добавил, когда Фёдор Иванович уже

закрывал за собой дверь: — Но помните.

Запомнит, решил Параминов, куда он денется. Вот только кто в его окружении ссучился? Откуда органы узнали о поездке? К каждому поднадзорному по филеру не приставишь, никаких фондов не хватит. Значит, навёл кто-то, но кто?

Из Конторы, именно так он называл для себя учреждение, которое только что покинул, Фёдор Иванович отправился к себе на фирму. По приезду сразу вызвал Кузьму Кузьмича. В свете последних обстоятельств, он оставался единственным человеком, которому он мог довериться.

Безопасник выслушал его молча, не дрогнув лицом. Параминов в очередной раз восхитился его выдержке. Старая школа! Куда нынешним петровым и бошировым, которые перед камерой двух слов связать не могут.

— Выясню, Федя, — сказал потом. — Не уйдёт гнида.

— Только аккуратнее, Кузьма Кузьмич, — встревожился Параминов. — К чему нам эксцессы?

— Не беспокойся, — ответил тот. — Знаю, что не старый прижим. Пальцем не трону поганца, но жизнь испорчу, будь уверен.

«...Не пришёл он ни на второй, ни на третий день. Когда же в день четвёртый послали за ним подмастерье, тогда и узнали, что мастер Калам пропал бесследно. Как вечером принял в отведённой ему комнате у мастерицы Аги ужин, затворил за нею двери, так его больше и не видели. Только на столе игральная карта приколотая: четвёрка урмалов в красных. Знак, но чей? Мастер-расследователь, присланный тираном, прояснить того не смог. Так и сказал, что знак сей ему неизвестен, ни один из воровских цехов его не использует. У мастера Гука знак группий в зелёных, венецкий цех оставляет, когда хочет о себе заявить, болотную цаплю в синих. Призванный на допрос мастер Гук ничего вразумительного не показал, только глаза пучил, а пытаться его не решились. Воровской цех — община запретная, но сильная, с нею ни тиран, ни совет Мастеров ссориться не пожелал. Хорошо, оставил мастер Калам чертёж, по ней и построили первую небесную трубу...»

Ректор Гур Угон отложил книгу. «Записки достопочтенного мастера Рогула о небесной трубе или о том, Как правда о Великом Тритоне доказана была». Писатель мастер Рогул оказался тот ещё, читать его было трудно, любил он длинные отступления и замысловатые периоды. Правда, так мог сказаться перевод со среднелардийского. Язык за столетия сильно изменился, и нынешний лардиец вряд ли понял бы речения мастера Рогула. «Пойди туда» и «Возьми здесь», — это пожалуйста, но не рассуждения о жизни и природе, которыми «Записки...» были переполнены. Любил Рогул порассуждать о Вечном, ох, любил! Его можно понять: получив на склоне лет немалую известность, трудно не начать вещать. Зато под Рогула хорошо думалось. Ректор перечёл книгу не один десяток раз и просто позволял глазам скользить по строчкам. Это успокаивало и настраивало на нужный лад. Пока зрение поглощало знакомые фразы, мысль двигалась иными путями.

Дожил ли мастер Калам до построения прибора, который с лёгкой руки неизвестного переписчика именуется трубой Рогула-Калама? Прочёл ли записки учителя? Или закончил свою жизнь в день возвращения в город Умелых? Это никто не узнает, но, как ни цинично это звучит, лучше бы не доживал и не читывал. Обидно узнать, когда то, что всегда считал сказкой и мракобесием, оказалось истинной правдой!

Гур Угон безошибочно раскрыл книгу на нужном месте.

«Надобно сказать, ещё двести лет назад, при почтенном мастере Луртаме, на вершине Средней скалы, под каменным козырьком, оборудовано было место для наблюдения за морем, дабы не пропустить приближения пиратов или иной опасности. Испросив разрешения главы совета Мастеров досточтимого Ту Ло и дождавшись его благосклонности, мы вместе с мастером Гидрини решили именно там и разместить небесную трубу. Надобно сказать ещё, что труба получилась изрядно тяжёлой, и на выбранное место пришлось доставлять её паровым подъёмником по частям и собирать уже наверху. Несчастный Калам собирался увезти её в походном саквояже, однако мы с мастером Гидрини решили немного увеличить размеры. Надеюсь, Калам простит меня в своём посмертии, а когда Великий Тритон призовет меня к себе, я смогу объяснить Каламу причины, побудившие нас к подобному поступку.

Итак, перевезя и собрав прибор, мы приступили к его испытаниям. Долго не получалось добиться надлежащей резкости изображения. Перед глазами мелькали тени и мутные полосы, лишь изредка в этом мельтешении возможно было угадать угол дома или дерево.

Почему дом или дерево, — может спросить любознательный читатель сих Записок? Потому как, направив жерло трубы в небо, можно случайно нацелить его на благословенное светило наше, и тогда...»

Гур Угон пролистнул страницу. Здесь мастер Рогул многословно описывал многочисленные беды для зрения наблюдателя, которые могут приключиться, если посмотреть в трубу Рогула-Калама на солнце, не предприняв мер предосторожности. Он был прав, конечно, но ректор мог и сам привести необходимые примеры. Мало того, среди его учеников попадались желающие посмотреть на солнце без закопченного стекла. Кто из озорства, кто по невнимательности, а кто из недомыслия. Таких приходилось долго лечить, а одного — даже отчислить, сдав на руки ошарашенным родителям. Зрение тому парню, в конце концов, вернули, но не до конца. Подивившись в очередной раз человеческой глупости, ректор Гур Угон продолжил чтение.

«...утяжелив трубу пластинами свинца. Теперь изображение уже не прыгало от неосторожного движения или дрожащей руки. Надобно сказать, любознательные читатели, что прибор наш оказался очень чувствительным! Заглянув в зрительное окошко, я увидел не только лицо почтенного мастера Глантоша, хозяина харчевни «Хвост и копыто», коя славится изряднейшим студнем, что можно обнаружить уже из названия, но и каждый волосок, и каждый прыщик на сём благообразном лице. Трудно назвать сие зрелище приятным, и впредь мы зареклись направлять нашу трубу на людей, дабы не разочароваться в роде человеческом. Боюсь, даже вид юной купальщицы...»

Ректор хихикнул. Рассказы о юницах были его излюбленным чтением в юности. Помнится, он даже удивлялся, отчего почтенный, в немалых годах мастер Рогул столько времени посвящает этой теме. Только потом, достигнув годов древнего учёного, Гур Угон уяснил для себя: возраст влияет только на цвет и длину бороды. Юницы и дамы волнуют настоящего мужчину всегда. Он и сам...

Гур мечтательно улыбнулся. Куна Угон была очень хороша в юности. Они жили по соседству. С малых лет Гур увлекался небесными трубами, а Куна... Она безумно любила купаться в сумерках, когда всё вокруг окрашивается уходящим солнцем в загадочные и романтические цвета. Время было простое, бесхитростное. Купальных костюмов тогда не знали, и Куна плескалась нагишом, полагаясь на то, что выбрала для купаний дальний и уединённый пляж. Там они и познакомились, гм... ближе. Куна теперь носит имя его рода — Кадама, а он стал Угоном, у них трое взрослых детей, но она для него всё равно красивее всех на свете!

Хотя больше не купается на закате.

«Вы должны понять, любезные друзья мои, — продолжал мастер Рогул, — наше нетерпение и обращённые к светилу мольбы поскорее закатиться! Наконец, пелена тьмы упала на город Умелых. Налетел ветер и разогнал последние облака. Небо стало ясным, чуть подсвеченное снизу зашедшим светилом. Каждому, конечно, знаком этот слегка желтоватый цвет поздних сумерек. Жрецы культа Великого Тритона учат, что такой оттенок придают небу эманации желудка божества. Философы школы Кагригора считали, что это следствие ураганов, бушующих половину года на Засушливом континенте. Ветры де поднимают в воздух мельчайшую пыль и забрасывают на высоту столь большую, что всегда, вне зависимости от времени суток, бывают освещены лучами светила. Мастера, любезные друзья мои, не менее любопытны, чем обычные обыватели, а даже, наверное, и более, поскольку многие знания, передаваемые испокон веку в среде Мастеров, не позволяют ничего

принимать на веру. Вопрос о цвете высших атмосферических слоёв нашего Мира был главным, ради чего мы с почтенным мастером Гидрини решили строить столь большую небесную трубу. Почтенный мастер Гидрини издавна был адептом культа Великого Тритона и желал подтвердить веру точным знанием. Я же, к моему стыду, склонялся к учению кагригианцев, ибо этого требовали от меня убеждения...»

Гур Угон снова отложил книгу. Вопрос о цвете атмосферы, лично для него, по крайней мере, так и не был решён окончательно. Ну, не мог он поверить в сказу о Великом Тритоне! Весь опыт естествоиспытателя говорил, что существо такого размера просто не может существовать! Да и вообще, если подумать, культ изобиловал несуразностями. Если у Великого Тритона есть желудок, то он должен чем-то питаться. Жрецы утверждали, что Тритон сыт питательными эманациями светила, и в этом они пересекались с кагригианцами. Однако, в окрестностях Мира не наблюдалось остатков иных миров, которые Великий Тритон пожрал ранее. Изыскания показали, что Мир весьма древен, куда старше того дня, когда пропали звёзды. Чем же божество питалось до того, как наткнулось на Мир и его светило? Жрецы утверждали, что Тритон родился накануне Пожрания, но... Гур Угон не мог принять такой мысли. Ему претило, что их Мир пожрал новорожденный. Счастливы древние Мастера, они не задавались такими вопросами! Хотя, кто их знает? Вот только в книге Ругола нет и следа сомнений. Мастер верил со всею страстью неопита.

«...Не сразу удалось нам сфокусировать небесную трубу в нужной точке. Расстояние от Мира до желудка божества считалось величиной неопределённой, исчисление его каралось. Слава Тритону, мы живём в более просвещённые времена, и попытки расстояние это расчислить не прекращаются. Теперь же, обладая небесной трубой Рогула-Калама...» — здесь почтенного мастера подвела скромность и он впервые именовал прибор таким образом. Гур Угон согласен был его простить. Мастеру Каламу принадлежала только идея, реализация же полностью стала результатом труда мастеров Рогула и Гидрини. Мастер Гидрини создал для небесной трубы специальной конструкции окуляр, который теперь по праву носит его имя. — «...Первым к Оку Гидрини встал я. Некоторое время потребовалось, дабы добиться резкого изображения. То же, что я увидел после этого, заставило моё дыхание пресечься! Кагригор ошибся. Песчаная пыль не имела отношения к цвету неба. Нас окружала огромная полость желтовато-коричневого цвета. Поверхность её напоминала камень, но дрожала и как будто плыла перед глазами. Её делили перемычки и прожилки, внутренность которых светилась красным. То, любезные мои читатели, была кровь Великого Тритона, красная горячая кровь. Великий Тритон был реален, жрецы оказались правы! Великий Тритон жил и дышал, и внутреннее строение его желудка не отличалось от строения желудка любого живого существа. Мир, когда я это увидел, перевернул мою жизнь, я...»

Гур Угон закрыл «Записи...», теперь уже окончательно. Далее мастер Рогул пытался объяснить противоречия и смутные места учения культистов. Остроумно и умело, привлекая всю силу хорошо организованного ума. Правда, противоречия от этого не исчезли, и это понимали высшие иерархи культа Великого Тритона. Поэтому они благословили Гура Угона на изготовление более мощной Небесной трубы.

И дали денег.

На душе Гура Угона было смутно. Сегодня — первый пуск нового прибора. Он должен окончательно доказать истинность культа. И ректор боялся, что так и будет, но ничего не мог поделать с собственным любопытством.

В дверь постучали.

— Да! — не оборачиваясь, бросил Гур Угон.

— Всё готово, господин ректор, — сказал вошедший письмоводитель. — Ждём только вас.

— Не включали?

— Только тестовый прогон, — улыбнулся письмоводитель. — Мы понимаем, что это для вас значит, господин Гур Угон, первому взглянуть в око Гидрины этого гиганта.

— Хорошо, идёмте.

Не включали они, как же! Быть того не может, чтобы не попробовали! Противно это человеческой природе. Человек любопытен, поэтому стал человеком. Ему интересно всё новое. Даже если это новое опасно, кто-то обязательно полезет пощупать своими руками, а тут — Небесная труба, она даже током ударить не может. Включали, обязательно включали, но морда у письмоводителя бесстрастная, будто он ни при чём. Хорошо, поверим. Он всё равно станет первым. Первым, кто поймёт и сделает выводы. Техники они и есть техники, работники руками, не мыслители.

Письмоводитель предупредительно открыл перед ним двери подъёмника. Гур Угон кивнул, шагая внутрь. Письмоводитель скромно встал в уголке. Ишь, морда не бесстрастная всё же, а загадочная какая! Заглядывали, как есть заглядывали! Ладно, и Тритон с вами.

Подъёмник вынес их на смотровую площадку, под чистое ночное небо. Желтоватое, как в «Записках...» почтенного Рогула. Впрочем, каким ему ещё быть? Небу нет дела, кто и когда на него смотрит, ректор университета с Небесной трубой, или это дикарь-собирающий обратил вверх равнодушный взгляд.

Его встретил помощник, Гаспия.

— Всё готово, господин Гур Угон.

А глаза-то, глаза-то блестят! Хороший человек Гаспия, умница, не зря он его приблизил, а ведь не удержался, заглянул! Ох, Тритон... Ладно, ныне не об этом. Можно было обойтись без «Записок...», самому прогнать все тесты, нечего теперь. Нервы он успокаивал!

Кивнув Гаспия, ректор прошёл к Небесной трубе. Прибор ждал его, включенный, разогретый, еле уловимо пахнущий смазкой. Око Гидрины скромно прикрыто колпачком.

— Хоть ты признайся, — сказал ректор, садясь в кресло наблюдателя, — смотрели ведь?

— Признаюсь, — не стал отпираться помощник.

— В небо смотрели?

— Конечно. Не девиц же в море разглядывать?

— И что там?

— Стена с прожилками, — повёл плечами Гаспия.

— Стена... — проворчал Гур Угон и снял колпачок. — Это я и так знаю.

Он тронул пульт, пробежался по нему тонкими, нервными пальцами. С пультом он мог работать не глядя, сам его разрабатывал, часами стоял за спинами мастеров, следил за точностью исполнения. Нервы им наверняка вымотал. Клянут его мастера, да и Тритон с ними!

Выбрав перспективный участок небесной сферы, Гур Угон привёл прибор в движение. Тихо запели моторы, зашелестел электро-механический Расчислитель. Вершиной мысли, воплощённой в приборе, были не зеркала и не линзы, не моторы и не приводы. Истинным достижением конструкторов был Расчислитель. Мир вращался вокруг собственной оси, Мир

вращался вокруг светила. Само светило колебалось вокруг центра масс их системы, и все эти движения следовало учесть. Так, чтобы Небесная труба всегда была направлена в нужную точку неба. Каждый миг, каждую минуту, всё время работы.

Ректора восхищали приборы, принцип работы которых он понимал не до конца. Расчислитель был из таких. Его придумали умники из академии храмовников, и за это Гур Угон был готов простить существование Культа Великого Тритона. Морочат головы, да! Но собрали и приспособили в работе умнейших и изощрённейших!

Культ богат. Где деньги, там и умные головы. Так устроен мир.

Ректор прильнул к Оку. Не соврал Гаспия. Вот она, стена с прожилками, окружившая мир со всех сторон. То, что храмовники называют стенкой желудка Великого Тритона, что таковым готово считать большинство. Большинству нет дела, как на самом деле устроен их мир, большинство заботят их мелкие дела и неустройства. Здоровье жён и детей, хозяйство, даже политика, потому что от политики зависит их жизнь. А небо... Что небо? Оно вечно, и пусть его живёт в своей вечности, а наша жизнь коротка.

Гур Угон тронул управляющий диск, и угол зрения сменился. Стена перед глазами сдвинулась влево, размазалась на миг и снова стала чёткой. Такая же стена, те же прожилки, лишь их рисунок изменился. Тихо щёлкнул аппарат светописи.

— Светопись идёт? — не отрываясь от Ока, поинтересовался он у Гаспия. Просто так поинтересовался. Пусть знают, что ректор бдит.

— Конечно, ректор.

— Хорошо, — ответил Гур Угон, снова приводя прибор в движение.

Стена. Просто стена, всё, как сказал Гаспия. А что он хотел увидеть? Глаза Великого Тритона, обращённые внутрь желудка. Взгляд, любопытствующий, как поживает пожраный им мир? Странно, кому есть дело, как дела у пищи?

Потекли минуты. Диск, поворот, стена, щелчок. Диск, поворот, стена, щелчок. Диск поворот, стена, щелчок...

— Тритон!

Ректор отпрянул от Ока. Перед глазами плавали цветные пятна.

— Защитную пластину, Гаспия! — потребовал он. — Да не мне, олух!

Гаспия, напуганный его криком, пришёл в себя. Быстро, надо сказать. Он вынул из ящика с инструментами закопчённый стеклянный диск, установил его на приёмный раструб Небесной трубы.

— Посмотри, — приказ ректор, отодвигаясь от Ока. — Что там?

— Свет, господин Гур Угон, — дрожащим голосом ответил помощник. — Что это, господин ректор?

— Хотел бы я знать, — пробормотал Гур Угон. — Хотел бы я знать...

— Рассказывайте, ректор, — попросил Нижний.

— Нечего рассказывать, — ответил Гур Угон. — Смотрите сами.

Он подвинул жрецу стопку светописных листов. Жрец взял первый сверху, впился в него взглядом. Интересно, что он хочет там увидеть? Впрочем, вряд ли Нижний проводит ночи в наблюдении за небом. Ему попросту внове видеть стену так близко.

Нижний шелестел листами. Скоро стопись оказалась разделена на две стопки. Одну жрец отодвинул на край стола, вторую изучал пристально.

— Это не может быть ошибка светописи? — спросил он.

— Нет, — ответил ректор. — Мне до сих пор больно смотреть на сильный свет.

Жрец молча кивнул.

Нижний... Что за странное уничтожение! Чем ближе к Алтарю, тем ничтожнее имена Низкий, Нижний, Нижайший, Ничтожный! Нарочитая скромность в одежде. Нижний был одет в простую тёмную хламиду. Простую — на взгляд простеца. Угоны от века торговали тканями, и от жены Гур Угон знал, что скрывается за этой обманчивой бедностью. Он, ректор, далеко не бедный человек, не мог позволить себе одежду из такой ткани. Не хватило бы и на носовой платок! Кого и, главное, зачем они хотят обмануть? Лишь дурачки могут решить, что Храм беден. Дурачки и фанатики, но фанатикам нет нужды доказывать, им довольно просто объявить.

— Это... этот свет можно увидеть без Небесной трубы? — спросил Нижний, откладывая последний лист.

— Нет, — ответил ректор.

— Свернуть исследования? — задумчиво проговорил Нижний. — Засекретить?

— Бессмысленно, — сказал Гур Угон. — Только если запретить Небесные трубы. У Храма хватит на это сил?

— У Храма хватит сил на всё, — жёстко сказал Нижний. — Мы можем запретить, но, — он передёрнул плечами, — мы не проследить за исполнением запрета. Труба слишком проста и дешёва, её можно сделать даже дома.

— Сильную трубу нельзя, — сказал ректор.

— Вы обещаете, что свет не усилится? — поднял на него взгляд Нижний.

— Нет, — удивился Гур Угон. — Как такое можно обещать?

— Вот именно, — сказал жрец. — Надо не запрещать, надо думать, как это трактовать. Когда знание о Свете станет доступно широким массам, у нас должны быть ответы.

— Конечно, — не стал спорить ректор.

— У вас есть дальнослух? — спросил жрец.

— Конечно.

— Я буду говорить с Ничтожнейшим.

Ничтожнейший, вот как его зовут! Гур Угон сделал зарубку в памяти. Храмовники доверяют ему, на людях они используют иные имена. Надо же, Ничтожнейший...

Гур Угон достал ключ, отомкнул потайное отделение стола, выдвинул оттуда дальнослух. Жрец принял наушник, качнул рычаг:

— Узел, три-семнадцать-хвост, — распорядился он. Выслушал ответ, скривился: — Да. У меня есть полномочия!

Замер в ожидании. Ректор представил, как на станции дальнослуха зажужжали моторы, защёлкали реле. Или там тоже уже стоит Расчислитель? Это было бы неожиданно. Неважно, потому что жрец дождался ответа — и заговорил на гортанном тайном языке Храма.

Ректор не дрогнул лицом. Не в его интересах развеивать заблуждения жрецов. Склонны считать свой язык тайным — пусть их. Стальная лента в стене движется, записывает звуки. Потом, если потребуется, Гур Угон потребует расшифровку этого разговора.

Нижний придавил рычаг и положил наушник.

— Ничтожнейший даёт разрешение, — сказал он. — Наблюдайте, изучайте. Любую новость я должен узнать первым. Мой номер — шесть-двадцать четыре — урмал. В любое время дня и ночи, ректор. В любое время.

Он коротко кивнул и вышел.

Не успели стихнуть его шаги в галерее, как в кабинет ректора вбежал Гаспия:

— Он пропал, ректор! — вместо приветствия выпалил он. — Совсем пропал!

— Кто? — не понял Гур Угон.

— Свет!

— Какой... — начал ректор, и тут смысл сказанных слов дошёл до его сознания. — И что там теперь?

— Темнота, — развёл руками Гаспия.

— Стена с прожилками? — переспросил Гур Угон.

— Нет, господин ректор, там тёмное пятно...

— Так что же ты молчишь?! — закричал ректор. — Свет пропал да свет пропал! Но ведь что-то появилось? Оказывается, темнота! Светопись идёт?

— Постоянно, — доложил Гаспия.

— Как только листы просохнут, сразу ко мне. Все, что готовы, — сдерживая себя, чтобы не закричать снова, распорядился Гур Угон. — Понятно, Гаспия?

Помощник просветлел лицом.

— Будет исполнено, господин ректор, — отрапортовал он и выскочил за дверь.

Гур Угон с минуту смотрел ему вслед. Не ошибся ли он, сделав этого человека своим помощником? Работоспособен, усидчив, исполнительен, но совершенно безынициативен! К чему были все эти крики? Он, Гур Угон, что, в силах вернуть пропавший свет? Гаспия должен был прийти сюда с готовыми светописными листами. Час — полтора ничего не значат. Ну пропал, ну и что? Господин ректор, видимо, с ходу предложит три — четыре нетривиальных гипотезы? Так, надо думать, полагает болван Гаспия? Не зная ничего, кроме самого факта, что света нет. И как ему теперь обедать? Ведь кусок в горло не полезет! О Тритон, с кем приходится работать...

Пожелав Гаспия всяческих несчастий и отведя, тем самым, душу, Гур Угон спустился в академическую ресторацию, где и перекусил. К его радостному удивлению, аппетит не пропал, а даже усилился, и после обеда ректор вернулся в свой кабинет в хорошем настроении, изрядно, впрочем, поправленном старым вином, которое оставил ему Нижний. Жрец знал толк в выпивке.

Свежие, ещё горячие листы ждали ректора на рабочем столе. Тут же, с видом сосредоточенным и занятым, уткнув в светописную бумагу взгляд, сидел Гаспия. Завидя ректора, он вскочил, освобождая место, и доложил:

— Здесь несколько минут до и после исчезновения света. Светопись идёт непрерывно, два листа в минуту. Я распорядился доставлять их к вам по мере готовности.

— Ладно. — Ректор остановил его движением руки. — Сам смотрел?

— Конечно, господин ректор, — произнёс Гаспия.

— И что?

Гаспия ощутимо смутился, почесал подбородок, зачем-то схватил себя пальцами за кончик носа и дёрнул его. Потом покрутил головой, набрал в грудь воздуха и выпалил:

— Там люди!

— Что? — опешил Гур Угон. — Не опился ли ты на ночь настойки жгучего корня? От неё хорошо спать, я знаю, но, если переусердствовать, случаются видения!

— Ни в коем случае, господин ректор! — выпрямился Гаспия. — Я вообще ничего не пью на ночь, даже воды. Я знаю, это звучит странно, даже глупо, но посмотрите сами. Вот с

этого места. Здесь, как видите, свет ещё есть.

Он разложил листы веером, отделив чуть в сторону один.

— А вот свет пропал, и тут тьма, а во тьме, — он замешкался ненадолго, подбирая слова, — а во тьме тени...

— Тени, — пробормотал ректор. — Тьма есть, тени тоже есть, — он посмотрел на Гаспия, — а люди... откуда тут могут быть люди, что ты вообще несёшь, откуда ты...

Он не договорил. Он увидел.

С минуту Гур Угон сидел неподвижно. Гаспия замер рядом и, кажется, даже не дышал.

— Какие удивительные тени, — незнакомым голосом произнёс ректор Гур Угон. — Какие странные... несусветные тени. Что я должен сообщить Нижнему, как ты думаешь? А если окажется, что над нами кто-то подшутил? Расположил перед приёмной линзой, — он в растерянности пошевелил пальцами, — э-э-э... какой-нибудь экран? Два воздухолёта, между ними полотно...

Гур Угон нанизывал беспомощные слова, вязал длинную, бесполезную фразу. «Тритон, — крутилось в голове, — что за чушь я несу? Что подумает про меня это ничтожество? Он подумает, что я теряю лицо!». Замолчал, посмотрел в сомнениях на Гаспия, словно ожидая от него... чего?

— Вы же понимаете, господин ректор, — сказал помощник, — что этого не может быть?

— Да, — кивнул Гур Угон и выдвинул ящик с дальнослухом. — Узел? Шесть — двадцать четыре — урмал.

Никита Николаевич откинулся от монитора, потёр слезящиеся глаза. Сколько он просидел так, плясь в черноту пещеры? Два часа, три? Если судить по бурчанию в животе, то и все пять. Зато он мог уже как-то обобщить свои наблюдения.

Планета вращалась, причём очень быстро. Один оборот за каждый четырнадцать с половиной примерно минут. При этом и по орбите она двигалась, скажем так, заметно глазу. Что это значило, Никита Николаевич сказать пока не мог, но это было очень, очень интересно!

Он хлебнул из чашки давно остывшего чая. Вот ведь дрянь! Никита Николаевич в который раз подивился на рекламщиков: какой смысл проталкивать в массы такую гадость? Чай должен быть горячий, максимально горячий! В идеале, только с огня, даже кипящий. Такой, чтобы обжигаться, чтобы кожа слезала с нёба!

Никита Николаевич провёл по нёбу языком. Нет. Это, пожалуй, перебор. Этак можно и рачок заработать. Именно так, рачок, уменьшительно и пренебрежительно, чтобы меньше бояться.

— Эти реки никуда не текут, — ворвался в тишину пещеры монотонный речитатив Державина, — они забыли про море!

Никита Николаевич вздрогнул.

— Мне очень жаль, мама, но эти реки никуда не текут...

Труба орала, гудела, дребезжала и медленно ползла к краю стола. Самсунгом этим его снабдил Жогин, сам Трепников ни в жизнь не истратил бы столько денег на простой телефон. Половина месячной зарплаты! Надо же умудриться...

Трепников схватил трубу, неуверенно, со второго раза только разрешил соединение.

— Да? — спросил хрипло.

— Пауза, Никитос, — раздался в трубе голос Жогина. Сочно, громко, будто Илья стоял в двух шагах.

— Не понял, — пробормотал Никита Николаевич. — Какая пауза, что случилось?

— Обычная. Выключай свою машинерию и выходи. Вадим встретит.

— Да почему же, чёрт побери? — не выдержал Трепников. — Я только начал!

— Потому, — лапидарно ответил Жогин. Потом смилостивился и объяснил: — Гости у нас. Серьёзные гости. Они шутить не любят. Так что выключай и двигай. Жду.

И отключился.

Гости. Какие у них могут быть гости тут, в глухом лесу? Здесь полсотни лет никто не ходил. Хорошо, если охотник какой забредёт. Ненадолго, — и прочь от греха подальше. Наверное. Никто же не знал, что конкретно здесь произошло, но была у места неприятная аура. Погружённый в наблюдения, Трепников забыл о ней, а сейчас вспомнил, почувствовал на собственной шкуре. Словно кто-то бесконечно чуждый и равнодушный неотрывно смотрит в спину. Зачем ему это, такому чуждому? Но вот смотрит же...

Никита Николаевич вздохнул и поднял рубильник. Компьютер пискнул, уходя в шутдаун. Жогин не поспешил, поставил сюда мощный бесперебойник, на полчаса хватит запитывать все устройства, так что данные не пропадут, но и наблюдать бессмысленно.

Трепников встал, выглянул в дыру в стене, поглядел, прищурившись, на звезду. Чёрт, вот ведь угораздило! Станный какой эффект от ядерного взрыва... Ладно, он мог представить,

что взрыв зажжёт звезду, но откуда планетная система? Чудеса, да и только!

Никита Николаевич покрутил в изумлении головой, развернулся и, подсвечивая себе путь карманным фонариком, зашагал к выходу, обходя особо большие, выпавшие из потолка тоннеля глыбы. Здесь убрали, теперь здесь почти не было риска переломать ноги, но всё равно, бережёного, как говорится, бог бережёт.

Метров за триста до выхода на свет его встретил Вадим.

— Что там? Что за спешка? Случилось что-то? — засыпал его вопросами Никита Николаевич. — Что молчишь? Зачем меня вызвали? А ну как что произойдёт там, в пещере, а я оборудование обесточил? Может, зря? Может, не стоило? Пусть бы писало себе и писало?

— Вы только не переживайте и ничему не удивляйтесь, Никита Николаевич, — прервал этот словесный поток Вадим. — Так надо, поверьте.

— Кому?.. начал Трепников, но не договорил и послушно зашагал вслед за Вадимом, уж больно у того было непреклонное выражение лица. Досадно, конечно, что оторвали от наблюдений. Остаётся надеяться, что причина в самом деле важная. А звезда... Шестьдесят лет она здесь, и за несколько часов ничего с ней не станется.

Людей с военной выправкой и скучными лицами Трепников увидел, едва вышел из тоннеля, на солнечный свет, к свежему воздуху. От разочарования захотелось кричать... Почему он думал, что власти ничего не знают? Почему он надеялся, что всё обойдётся?

На полянке, за разбитым шлагбаумом, раскинул лопасти вертолёт. Лётчик присел у шасси, что-то высматривая, а рядом, в компании мрачных Жогина и Виктора, стоял невысокий человек в штатском. Жогин что-то втолковывал ему, а человек чуть заметно кривился.

Виктор разглядывал траву под ногами.

Вадим положил Трепникову руку на плечо, подтолкнул вперёд.

— Ага, — произнёс штатский. — Основные фигуранты в сборе. Милости прошу!

Он показал рукой на вертолёт.

Что-то щёлкнуло в голове у Трепникова. Мир стал ярким и прозрачным. Какого чёрта?! Он просто смотрел в телескоп, кто может ему это запретить?

— Что это значит, господин хороший? — осведомился он у штатского. Что вы себе позволяете? Вы, вообще, кто?

Жогин встрепенулся и с изумлением посмотрел на Никиту Николаевича, Виктор перестал изучать носки ботинок и поднял голову.

— Майор Егоров, — спокойно ответил штатский. — А вы, стало быть, господин Трепников? Почему здесь, почему не в школе? Вы учитель, вроде?

— Во-первых, вас это не касается! — млея от собственной решительности, выпятил вперёд подбородок Никита Николаевич. — Во-вторых, каникулы начались, и в третьих... Какой вы майор, если не в форме?

— Майор Федеральной экспертной службы, — так же спокойно ответил Егоров. — Имею право ходить в штатской форме одежды.

Он запустил руку во внутренний карман пиджака. Трепников напрягся, но Егоров достал всего лишь красные корочки, удостоверение.

— Вот, смотрите. — Он махнул корочками перед лицом Трепникова. — Довольны?

— Нет, — сказал Никита Николаевич, — не доволен! Никакой ФЭС не существует, это телевизионщики придумали, для сериала. Кто вы такой?

— Майор Егоров, — штатский хмыкнул и улыбнулся неожиданно широкой, открытой, совсем гагаринской улыбкой. — Название моей службы вам ничего не скажет, оно секретное и сама служба секретная. Но она есть, и не стоит это проверять. Мне сложности ни к чему, а вам ни к чему неприятности. Вы же не хотите неприятностей, господин Жогин?

Он обернулся к Илье Витальевичу.

— Нет, — коротко ответил Жогин.

— Вот и отлично, — сказал майор. — Если вы не знаете... И вы... И вы, — он поочередно глянул на Виктора и Трепникова. — Здесь до сих пор запретная зона. Есть приказ, он не отменён.

— Шестьдесят лет прошло! — сделал последнюю попытку возмутиться Трепников.

— Ну и что? — пожал плечами службист. — Любой приказ в силе до тех пор, пока он не отменён, правило такое. И там не важно, революции вокруг или эволюции. «Честное слово» Гайдара в школе читали?

Каким боком здесь был Гайдар и его «Честное слово», Никита Николаевич не понял, но вся решительность его испарилась. В конце концов, затея Жогина, он тут главный начальник, вот пусть и решает.

— Хорошо, — сказал Жогин. Кажется, он тоже вспомнил, кто тут главный. — Полетели.

— Вот и славно, — кивнул майор. — Надеюсь, всё разрешится к общей пользе.

Он снова приглашающе махнул рукой.

Когда Трепников ступил на лесенку, Жогин сжал его локоть и прошептал:

— Спасибо, Никитос.

— За что же? — не понял Трепников.

— Напомнил кое о чём, — сказал Жогин и замолчал до самого города. Впрочем, в летящей вертушке особенно не поговоришь.

"В суету городов

И в потоки машин

Возвращаемся мы -

Просто некуда деться. "

Голос Высоцкого наполнял кабинет, и Жогин на миг забыл, зачем и почему он здесь, так звучали эти простые, в общем-то, слова.

«И спускаемся вниз

С покоренных вершин,

Оставляя в горах,

Оставляя в горах свое сердце.»

— Люблю Высоцкого, — сказал хозяин кабинета и выключил музыкальный центр. — Настраивает на нужный лад.

Жогин очнулся. Удивительное дело: бандиты обычно сентиментальны и любят слезливый шансон, а силовики часто слушают тех, кого их предтечи гнобили и кому всячески не давали жить. Такой психологический выверт. Или наоборот — неосознанная защита, самооправдание. Мы — защитники, мы на страже, мы в детстве читали верные книги. Иначе никак, иначе не выдержать. Никакой душитель свобод не считает себя ни сатрапом, ни держимордой. Он исполняет долг — и точка. Знать бы, кем считал себя хозяин кабинета... Уж явно не держимордой.

Вид у человека напротив был примечательный. Лет пятидесяти, лысоватый, румяный, на лице доброжелательная улыбка, уголки глаз лучатся морщинками. Чисто дед Мороз на утреннике, только бороды и красной шапки нет. Так и ждёшь, что под столом мешок с подарками.

— Тогда бы «Чёрное золото» завели, — не поднимая глаз, сказал Трепников.

— Нет-нет, уважаемый Никита Николаевич, — хозяин кабинета вскинул руки в шутовском протесте. — Те лабиринты рыли не вы, да и нет там никаких лабиринтов, так что не подходит, никак не подходит. Да, я же не представился! Я про вас многое знаю, а вы про меня — вовсе ничего. Так неправильно, не находите?

Трепников пожал плечами, всем видом показывая, что личность визави его не интересует.

— Меня зовут Иван Иванович, — не обратив внимания на этот афронт, продолжил службист. — Фамилия Хомяк, ударение на первом слоге, а не на втором, как некоторые думают. Звание — полковник. Можете называть или по имени-отчеству, или по званию, я не обижусь. Но лучше по имени-отчеству, к чему нам лишней официоз, тру?

— Мы как-то и не собирались знакомиться, — сказал Жогин. — Что мне с вашей личности? Век бы не знаясь.

— Ай-ай-ай, как непредусмотрительно! — всплеснул руками Хомяк. — Вы же предприниматель, Илья Витальевич, много лет бизнесом занимаетесь, должны знать, что государство всегда рядом. Налоговая, например, или пенсионный фонд. Налоги-то платите, Илья Витальевич?

— Плачу.

— Ну вот, — улыбнулся Хомяк. — Платите, значит, с государством знаете. В тендерах участвуете, продукт поставляете. Как тут не знаясь?

— Это другое, — не согласился Жогин.

— Почему же другое? — подался вперёд Иван Иванович. — Горы, где вы возились, государственная собственность, секретный район.

— Откуда нам знать, что секретный? — спросил Жогин.

— Оттуда, откуда вы подрыв фугаса знаете! — улыбка мигом слетела с лица полковника, как с лица Мюллера в знаменитом сериале, и стал он внезапно не дедушка Мороз, а Мороз-воевода. — Что же вы, Антон Сергеевич, архивы невнимательно смотрели? Район закрыт, а тут ваши... экскурсии. Разумеется, мы заинтересовались.

— И что дальше? — спросил Жогин. — Вы заинтересовались, навели справки. Выяснили, что мы не шпионы. Дальше-то что?

— Дальше вы прекращаете свои опыты, мы закрывает штольню на замок, и все довольны, — сказал Хомяк. — Я думаю, так.

— Так нельзя! — вскочил с кресла Трепников. — Там феномен, надо исследовать!

— Исследуем, обязательно исследуем, — согласился Хомяк. — Привлечём специалистов, оборудование. Нормальное современное оборудование, отечественное. Такое, что ни капли информации не сольёт за рубеж. Вы-то телескопчик американский поставили, кто его знает, что он семафорит? Спецпроверку прибор не проходил. Да и сервер тоже оттуда. Неаккуратно, господа.

— Ну, знаете! — не выдержал Жогин. — Ноутбук-то на столе у вас чей? Монитор? Телефон в кармане?

— Ошибаетесь, господин Жогин, — рассмеялся полковник. — Всё наше. Платы под

Москвой паяли, процессор стоит «Эльбрус», микросхемы тоже отечественные, да и операционка.

Он похлопал по крышке ноута.

— Да, техпроцесс устаревший, в стрелялки и бродилки не поиграешь, а мне и не нужно. Я, господа, — Хомяк обвёл их взглядом, — вырос уже из того возраста, чтобы в стрелялки играть. И так пострелять пришлось, только мишени были живые. И в технике своей я уверен.

Он пристально посмотрел на Илью Витальевича.

— А вы, — произнёс с нажимом, — уверены, что не станет ваше железо... просто мёртвым железом, случись что? Спутники, знаете, над головой летают, сигналият.

— Паранойя, — с отвращением произнёс Жогин. — Кому я нужен?

— Никому не были нужны, — сказал полковник, — пока в гору не полезли. А теперь, кто его знает? Так что... Подписываете неразглашение и забываете про гору навсегда.

Он вынул из ящика стола тонкую стопку листов:

— Будьте добры, господа. С вашими охранниками, с вашим сыном, любезный Илья Витальевич, тоже беседу проведут.

— Подождите, — произнёс Трепников. — Если мы все даём подписки, то зачем нам забывать? Почему мы не можем продолжать исследования? Зачем вам вводить в курс дела лишних людей, если вот они мы?

Хомяк опустил в кресло. Положил подбородок на сцепленные пальцы рук, приподнял домиком брови, потом сказал:

— Там, знаете, уровень секретности другой, а с другой стороны, — он задумчиво покусал нижнюю губу, — подписка и есть подписка... Хорошо! — он выпрямился, хлопнул ладонями по столу. — Будем считать, что ничего пока не решено. Обещаю, мы вернёмся к этому разговору, так что подумайте на досуге. Но бумаги надо подписать уже сейчас... Вот и славно!

Он собрал подписанные листы.

— Вас доставят домой, каждого, так что не волнуйтесь. Свободны! А вас, Илья Витальевич, — он прищурился совсем папашей Мюллером, — я задержу ненадолго. Ваши соратники и соскучиться не успеют.

Жогин пожал плечами. Секретничает господин полковник. Или после разговора вторую подписку возьмёт?

— Вы, наверное, меня таким сатрапом считаете? — в упор глядя на Жогина, поинтересовался Хомяк.

— Есть такое, — честно ответил Илья Витальевич.

— И зря, — сказал полковник. — Каждый должен приносить пользу Отечеству, будучи на своём месте. И я, и Егоров, который вас сюда привёз, и вы, и даже ваш бородатый провокатор.

— Почему он провокатор? — удивился Жогин.

— Потому что провокатор, — сказал Хомяк. — Подвигнул вас на поход, спровоцировал, то есть. Заметьте, я это слово никак отрицательно не коннотирую.

— Что?!

— Не окрашиваю, — пояснил полковник. — Заметьте, как смешно получается: спровоцировать и спровоцировать — слова очень похожие, одного корня, но первое куда агрессивнее смотрится, неприятнее.

— Не буду спорить, — сказал Жогин. — Только я не понимаю, полковник, зачем вы это

говорите? Ради чего?

— Разговорить вас хочу, — ответил Хомяк. — Вы, господин Жогин, всем видом демонстрируете оппозицию и меня попросту терпите. Из вежливости, — он хмыкнул.

— Как же я должен к вам относиться? — прямо спросил Жогин. — Ничего хорошего от общения с секретными службами я не жду, водку мы вместе не пили, статус наш непонятен: то ли продолжать, то ли забыть, то ли в Магадан сослать.

— Не надо так шутить, Илья Витальевич, — покачал головой Хомяк. — У меня, к вашему сведению, дед в тех местах сгинул.

— И вы после этого... — начал Жогин.

— И я после этого, да, — остановил его полковник. — Спецслужбы были, есть и будут. Даже при коммунизме. О котором мечтали те же Стругацкие. Казус Сикорски помните?

— Да, — коротко ответил Жогин.

— Во-от! — протянул, воздев палец, Хомяк. — Родину надо защищать. Кто со скорчером в руках, а кто тайно и умственно. У нас с Рудольфом оружие одно, — он постучал себя по лбу, — голова! Хотите возразить?

— Даже не подумаю, — ответил Илья Витальевич. — Но я всё равно не понимаю...

— Экий вы непонятливый, — пробормотал полковник, пробарабанив пальцами по столу. — Хорошо, буду говорить откровенно.

— Вот сразу бы, — сказал Жогин.

— Не мешайте! — повысил голос полковник. — Что вы за человек такой? — сказал другим, примирительным тоном. — Посидите немного молча, без ремарок. Можете?

— Излагайте, — махнул рукой Жогин.

— Так вот, — начал Хомяк. — Область у нас хотя и большая, но малонаселённая. Поэтому штаты ограничены, с ними не навоюешь. Да не волнуйтесь вы так, — замахал он руками на напрягшегося Жогина. — Это я фигурально, никакой войны, к счастью, не предвидится. Так вот, — он нахмурился, снова пробежался пальцами по столешнице, — чую я, что ваше открытие может наделать много шума. Что там чую, практически уверен. Много дел можно наворотить, имея за спиной этакий феномен. Согласны?

Жогин кивнул. Полковник, конечно, не ошибался. Следствия их находки тянулись в будущее, и было будущее зыбким и неопределённым, но сулило... много чего сулило, и не только прибыль. А ещё оно требовало работы и денег, потому что такие исследования на коленке не делаются, и эта мысль тревожила его уже не первый день.

— Вижу, думали об этом, — сказал полковник, внимательно изучавший смену настроений на лице Жогина.

— Конечно, — согласился Илья Витальевич.

— И я думал, — сказал Иван Иванович. — И продолжаю думать, и понимаю... — он в сомнении оскалился, потом решил: — Нельзя это дело в Москву передавать. В его теперешнем виде, я имею в виду. Волна поднимется, высокая, крутая, и лучше бы её оседлать. Столичные начальники ребята ушлые, сразу под себя всё подомнут. Им, Илья Витальевич, только палец покажи, тотчас же руку открямзают по самое по плечо. Тру?

Жогин снова кивнул. Мысли, что излагал Хомяк, были настолько тривиальны, что не стоили напряжения его голосовых связок.

— Вижу, что понимаете, — сказал полковник. — Я, собственно, и не собирался вас от дела отодвигать. Обидитесь, трезвонить начнёте, до верха, — он ткнул пальцем в потолок, — дойдёт. Мена на пенсию выпрут, георгины выращивать, а вас... Я-то, извините,

не сталинский сокол, команды ликвидаторов не держу. Да и не по мне это. В чём вы-то виноваты?

Жогин дёрнул подбородком. Воротник куртки, которого он до этой минуты не замечал, больно впился в шею, словно желая лишить его воздуха. Полковник, по всему выходило, лукавил. Была у него такая опция, а уж у высокого начальства — наверняка. Не убьют, так зашлют на край земли. К примеру, смотрителем маяка, и качай там права перед чайками. В перерывах между водкой и отскрёбыванием их дерьма от стёкол и зеркал.

— Ага, — довольно произнёс Хомяк, — прониклись? Осознали, куда залезли? Вы, главное, не переживайте так. Не реализовался этот вариант покуда. От нас с вами зависит наше будущее.

— Да, — Жогин сглотнул.

— Водички? — участливо осведомился Хомяк и набулькал в стакан из графина. — Или покрепче чего?

— Покрепче, — попросил Илья Витальевич. С благодарностью принял стакан с виски, выхлебал, закусил рыбкой. У полковника, видимо, совершенно случайно, в сейфе и выпивка оказалась, и закуска. Уже на тарелочке и тонко нарезанная. Хомяк не стал чиниться, тоже принял, выдохнул, откинулся на спинку кресла.

— Водки, гм, мы вместе выпили, — сказал он, — теперь можно поговорить. Как соратники поговорить. Вы не против?

— Нет, — ответил Илья Витальевич. — Совсем нет.

— Ну и отлично! — обрадовался Хомяк. — Скажите мне, любезный Илья Витальевич, что вы думали делать со всем этим? — он сделал над головой неопределённое движение рукой. — Есть у вас какие-то намётки? В кооперации со мной, — он улыбнулся. — пардон, моей службой, их реализовать будет легче? Как думаете?

— Непременно, — сказал Жогин. На самом деле, поиск союзников в верхах был частью его плана, и предложение полковника оказалось весьма кстати. — Мысли у меня есть. Во-первых...

Домой Жогин вернулся уже на закате. От вьедливости Хомяка сводило скулы. Они извели чуть не пачку бумаги, спорили и ругались, насколько вообще могут ругаться между собой малознакомые люди. Но и голова у полковника оказалась светлая, а иначе он и не достиг бы своих чинов. Враки, что полковниками становятся только сыновья генералов, некоторые и сами добираются. Во всяком случае, к вечеру был готов план действий на первое время. Направления изысканий, список привлекаемых специалистов, материальное обеспечение... Жогин с Хомяком распределили обязанности, источники финансирования, логистику и ещё кучу вещей, о которых редко задумывается обычный человек, живущий обычными заботами. Прощаясь, полковник был бодр и энергичен, а у Жогина ужасно разболелась голова.

— Давление, — определил Иван Иванович, усаживая Илью Витальевича в машину. — Попейте от него чего-нибудь. А лучше, — он задумался на миг, — давайте запишу вас в нашу санчасть? У нас доктора не штатским чета!

— Знаю я докторов, — морщась, ответил Жогин, — выпотрошат и высушат, и фамилию не спросят. От одних названий голова разболится.

Он снова сморщился, потёр затылок.

— Зато потом как новенький будете, — сказал Хомяк. — Впрочем, дело ваше, но —

советую.

— Да, конечно, — ответил Жогин. Спорить не было сил.

Контора Хомяка пряталась за городом, среди строений промзоны, и за время дороги Илья Витальевич пришёл в себя. Слегка ломило виски, но обруч, стягивающий голову, пропал.

— Где ты был? — встретила его Марина, и вид её Жогину не понравился.

— Дела, — сказал он. — Что случилось?

— Дела-а, — повторила Марина. — Пока ты где-то дела делаешь, твой сын... сын...

Она всхлипнула. Сердце Жогина рухнуло куда-то в кишки. Он похолодел.

— Что с Артёмкой?!

— Иди, посмотри, — сказала жена. Щеки её тряслись.

Иди и посмотри. Жогин облегчённо выдохнул. Случись что серьёзное с сыном, Марина так бы себя не вела. В доме толклись бы врачи, медсёстры, бегала бы прислуга. Значит, что-то натворил.

Быстро, не без суеты, Илья Витальевич поднялся на второй этаж и вошёл к сыну. Пахло рвотой, Артём в трусах и одном носке лежал на животе поперёк кровати, свесив голову вниз.

— Фу-х, — выдохнул Жогин, — ну и вонища!

— И это всё?! — прошипела жена. — Вонища?!

— Он пьян, — пожал плечами Илья Витальевич.

— Он ребёнок! Ему всего четырнадцать!

— Да, рановато так напиваться, — сказал Жогин. — Ты что предлагаешь-то?

— Что-то делать, — зло заявила Марина. — Это вы, мужики, пьёте. Ты должен знать, что делать.

— Проспать для начала, — сказал Жогин. — Сейчас с ним говорить бесполезно.

— Какой ты бесчувственный чурбан! У тебя ребёнок страдает! Кто его напоил? Найди, сделай что-нибудь!

— Ну, не сегодня же, — примирительно сказал Жогин. — Ночь на дворе. Завтра Артём придёт в себя, спросим.

Артём завозился, замычал, его снова вырвало. Фисташки и сухарики, определил Жогин. Всё понятно, пиво — и много. Марина кинулась к Артёму, схватила за плечи, затрясла:

— Артёмка, сынок, кто так тебя? Скажи, мама накажет!

Сын открыл глаза, пьяно улыбнулся:

— Ы-ы-ы... Ма-ик! — ма... - и захрапел.

— Убрать бы надо, — сказал Илья Витальевич. — И тазик поставить. Если ночью плохо будет.

— Уж убери. Вечно я за вами убираю, — выпрямилась жена. — Здесь буду спать. Сыночек...

Она погладила Артёма по макушке.

— Завтра поговорим с ним, выясним. Наверняка у кого-то из приятелей день рождения был.

— Нарожали козлов, — сказала Марина. — Таких надо в роддоме топить, как котят!

Илья Витальевич промолчал. Разве женщине, когда она в таком состоянии, что-то объяснишь? Кого она топить собралась? Мальчишек, таких же, как её сын? Что, насильно в него пиво вливали?

— Завтра, завтра, — сказал он. — Пусть спит. А завтра я с ним поговорю.

— Ты уж поговори, — угрюмо глядя на него, ответила жена.

— Да уж поговорю, — пообещал Жогин.

Но так и не поговорил. С утра за ним приехали от Хомяка. За ночь у полковника возникли разные мысли, и тому срочно понадобилось их высказать. Вечером Артём страдал и глядел виновато, и говорить с ним не имело смысла. Потом молчаливая Планета в пещере взорвалась вдруг обилием радиопередач. Это значило... это много что значило, не считая уже того, что на ней оказалась разумная жизнь. Илья Витальевич закрутился и забыл о своём обещании...

Рассвело, и налетел ветер, покрыл рябью гладь Песчанки. Сторожок дёрнулся раз, другой — и снова замер. Сорби не сдвинулся с места. Похоже, рыба устроила себе выходной, за весь вечер и всю ночь только одна поклёвка и один полосатый красавец в сетке, что спрятана в траве, да и того, наверное, придётся отпустить. Уж слишком он маленький. Ничего, вернуться пустым даже лучше, чем прийти с одной маленькой рыбкой. Можно сделать хитрое лицо и сказать: «Не за рыбой ходили!», — а там думайте, что хотите. Жаль, что это будет только пыль в глаза, сам-то Сорби знает, что он ходил именно за рыбой. Ходил и ничего не поймал, чего уж говорить об остальном?

Солнце светило прямо в глаза. Сорби запахнул куртку и откинулся на траву. Всё у него будет! Ему всего семнадцать, вся жизнь впереди. Обучение второй ступени завершено, он среди лучших, зачем же думать о плохом? Ну, не то чтобы плохом, о... стыдном? Старый Чубург учит, что им рано думать о запретном. Сорби всегда верил жрецу на слово, да и как не верить, если Мир в самом деле пребывает в желудке Великого Тритона? Это впервые обнаружил мастер Ругол, а после строго доказал великий Гур Угон. Во всяком случае, так написано в школьных книгах.

Только в последний год Сорби стал подозревать, что Чубург не то что обманывает, а лукавит. Сорби, с тех самых пор, как научился буквам, стал книгочеем. Раньше он всегда пропускал страницы «про любовь». Глупости это всё и безделье, слюни и нюни! Настоящий мужчина должен быть героем: биться с врагами, открывать новые страны, покорять дикарей. Девчонки — для маменькиных сыночков, самих почти как девчонки. Почему же теперь, стоит ему посмотреть на них посмотреть, в груди холодеет, а в голову лезут безумные мысли? Вот только подойти страшно, и остаётся только думать и мечтать.

Не то приятели, особенно лучший друг Мурон! Тот никогда не боялся заговорить, шепнуть что-то на ушко, отчего подружки хихикали и краснели. Сорби так никогда не сумеет, не стоит и пытаться...

За спиной зашелестела трава, с тихим звяканьем легла на песок сумка.

— Спишь? — раздался знакомый голос.

Мурон. Стоило о нём подумать, и вот он тут, как услышал!

Сорби открыл глаза и сел. Друг явился не один, а с полужнакомой девушкой. Она была одета в очень короткое синее с отливом платье, и от утренней свежести куталась в прозрачный плащик. Сорби видел её несколько раз на общих собраниях или праздниках. Кажется, в их школе учился её брат, года на два младше. Конечно, Сорби не знал, как его зовут, кто их запоминает, этих малявок?

— Рыбу ловлю, — сказал Сорби.

— Рыба это хорошо, — закатил глаза Мурон. — Я тоже рыбку поймал, смотри, какая красивая! Лойна зовут.

Он чмокнул девушку в висок. Девушка смущённо улыбнулась.

— Я Сорби, — сказал Сорби, поднимаясь и отряхивая штаны от приставшей травы.

— Я знаю, Мурон рассказывал о тебе, — сказала Лойна. — Говорит, ты лучший ученик в потоке. Он так о тебе рассказывал, что я подумала, что ты тощий задохлик с очками на носу.

— Я не такой, — тихо ответил Сорби.

— Я вижу, — ещё тише сказала Лойна и покраснела.

— Мы на Птичий пляж идём, — объявил Мурон. — Ты с нами?

Птичьим пляжем называли место неподалёку. Там крутой песчаный склон был изрыт сотнями нор острохвосток. Весенней порой, когда острохвостки выводили птенцов, над Птичьим пляжем стоял невыносимый шум. Когда-то, будучи совсем мелкими, Сорби и Мурон бегали туда за птичьими яйцами, чтобы зажарить их на камнях и съесть. Так было года два подряд, а потом Мурон отравился и долго болел, и с тех пор на яйца не мог смотреть. Так что последние годы они ходили туда только купаться. Река там обмелела, но разлилась широко, и поэтому хорошо прогревалась на солнце. Сорби любил просто лежать на воде, раскинув руки и глядя на облака. Синяя трава щекотала голую спину, нагоняла дрему...

— Так что? — спросил Мурон.

— Так это, мне не в чем, — нерешительно сказал Сорби.

— Ерунда! — махнул рукой Мурон. — Нам тоже не в чем. Правда, Лойна?

Девушка не ответила, но стала совсем пунцовой.

— Нет, — старательно не глядя на неё, замотал головой Сорби, — не пойду. Не хочу, и вообще, я рыбу ловлю.

— Как знаешь, — ответил Мурон. — А мы пойдём.

Он подхватил Лойну под руку и потащил вверх по склону. Сорби смотрел им вслед, смотрел снизу вверх, и ругал себя последними словами. Как же так? Почему он такой дурак? Она не против искупаться без всего, она пришла сюда вместе с Муроном, значит, она знала и была готова, а он отказался! Почему он такой нерешительный? Почему он всегда отступает? Вот ведь, только руку протяни, только скажи «Да!», и всё сразу сложится!

«Я с вами!», — хотел закричать Сорби, но опять не решился. Длинные, гладкие ноги Лойны мелькнули на самом верху обрыва и пропали. Стало так обидно, что в горле запершило, и Сорби чуть не расплакался. Потом вспомнил, что углядел в последний миг, глядя на Лойну снизу вверх. Под платьем у девушки был купальник, яркий красный купальник. То-то он был бы дурак, если бы отправился с ними! Ну и ладно.

Сорби повернулся к реке и тут же, оскальзываясь, рванул к удочке, потому что сторожок бешено раскачивался, а леска резала воду. Сорби схватил удилице и... то ли от неожиданности, то ли от нервов, но ошибся, слишком резко потянул на себя!.. На миг показалось, что крючок зацепился за камень, потом в ладони ударило... и леска обвисла.

Ушла... Ругаясь сквозь зубы, Сорби выбрал леску. Крючок оказался на месте, а вот наживка пропала. Рыбина сорвала слизня и ушла. Рыбина ушла. Но может и вернуться!

Сорби мигом забыл и про Лойну, и про Мурона. Он бережно очистил очередного слизенька от раковины и насадил на крючок. Стоило наживке опуститься на дно, как почти сразу последовал удар! Теперь Сорби не торопился, всё сделал как положено, и скоро на траве перед ним билась крупная, почти в две ладони длиной желтобрюшка. Сорби выдохнул: ну, всё, домой не пустой придёт, а с добычей. Мать всплеснёт руками, а отец улыбнётся в поседевшие усы. Потом мама затеет готовку и состряпает рыбный пирог. Интересно, хватит такой желтобрюшки на пирог?

Мысли шустрými белками скакали в голове, а руки делали дело. Скоро вторая желтобрюшка отправилась в сетку, за нею третья, помельче, а с четвёртой пришлось повозиться. Никогда ещё Сорби не доводилось вываживать такую рыбу, он не мог себе даже представить, что желтобрюшки такой величины водятся в их речке!

Всё когда-то кончается. То ли время клёва прошло, то ли борьба с последней добычей распугала остальную рыбу, но клёв прекратился, как отрезало. Сорби сделал ещё один заброс, посидел, упершись взглядом в неподвижный сторожок, и принялся собираться. Всё хорошо в меру, и ни к чему гневить Великого Тритона жадностью. Поймал он довольно, куда больше?

Сорби достал сетку с рыбой из воды. Ого, неплохо!

— Везунчик ты.

Сорби обернулся. На берегу, катая во рту травину, сидел Мурон.

— Да, повезло, — сказал Сорби, качая улов в руке.

— Я не об этом. — Мурон сплюнул травину, поднялся.

— Не понимаю, — неопределенно повел подбородком Сорби. — Мне кажется, это ты везучий. Вон какую рыбку себе отхватил.

— Ты не только везунчик, но и дурак, — мрачно сказал Мурон.

— Чего это? — удивился Сорби.

— Она тебя искала, — сказал Мурон. — Познакомь, говорит, с Сорби, да познакомь. А ты... Эх!

— Так вы... не пошли купаться? — проговорил Сорби.

— Как есть дурак, — ответил Мурон. — Зачем я ей нужен? Она такая, такая... — он махнул рукой, повернулся и полез вверх по склону. Сорби остался стоять, открыв рот, потом спохватился:

— Ты мог хотя бы намекнуть!

— Точно, дурак, — не оборачиваясь, бросил Мурон.

Тритон и все тритонята, что он имел в виду? Всю дорогу домой Сорби ломал голову и не мог понять, почему он дурак? Ну, скажите, почему? Он с этой Лойной не разговаривал никогда, никаких намёков она не давала, всегда выглядела неприступной, гордячкой даже! Откуда он мог знать, что она?.. Хотел быть благородным, другу не переходить дорогу, а оказался дурак? Вот и пойми после этого женщин! Но всё равно, домой шёл радостный. Хороший улов, никогда такого не приносил, то-то мать обрадуется! Она любит тушёную жёлтобрюшку, да в подливе из земляных бобов...

Едва открыл дверь в родительский дом, понял: что-то не так. Отец глядел угрюмо и при этом как-то растерянно, а у матери были красные глаза, словно она недавно плакала.

— Мама, папа! — кинулся к родителям Сорби. — Что случилось?

— Хорошая рыбка, — сказала мама, забирая у него сеть, — пироги будут.

Сказала печально, не радуясь его добыче.

— Мама, — не понимая, в чём дело, и оттого обижаясь, заговорил Сорби, — я для тебя старался, что случилось? Я же вижу, случилось что-то. С отцом поссорились? Из-за меня?!

— На, читай. — Отец, насупившись, подал ему хрустящий голубой конверт с золотой окантовкой. — Когда заявку посылал? Почему нас не спросил? Почему не посоветовался? Так не делается.

Он закашлялся и отвернулся.

Золото на голубом — цвета лардийского расчислительного училища! Сорби уже и позабыл, что отсылал им заявление. Как раз после зимних испытаний это было. Времени прошло — ого, почти полгода! Решил: раз не ответили, то и не приняли, и выкинул из головы. Жалко было расставаться с надеждой, он любил расчисления, и на занятиях хвалили, но что поделаешь. А тут — вот...

Дрожащими от волнения руками Сорби вскрыл конверт. Не надорвал, не нарушил красоту — отметил мимоходом. Внутри оказался лист плотной голубоватой бумаги с золотым вензелем — перекрещенные перо и счёты — в правом верхнем углу.

— «Уважаемый Сорби Гуан», — начал он.

Мать бросила взгляд на отца, а тот коротко покачал головой.

— «Извещаем, что Вы приняты на инструментальное отделение Лардийского Высшего Расчислительного училища имени мастера Ругола». — Он с восторгом посмотрел на родителей. — Меня приняли, слышите? Приняли! «Вам надлежит прибыть... с собой иметь... Подписи: Ректор Фрок Гаспиа, секретарь Туа Туама». Мама, папа! Почему вы не рады?! Меня ведь... приняли...

Они были печальны.

— Я не понимаю, — закончил почти шёпотом.

— Ладно, не думай об этом, — сказал отец. Он подошёл и обнял сына, и Сорби впервые за долгие месяцы даже не попробовал отстраниться. Внезапно он почувствовал себя маленьким ребёнком. Когда-то давно, в детстве, когда маленький Сорби был обижен или у него что-то не получалось, отец подходил и так же, как и сейчас, прижимал к себе, и мальчик успокаивался, зная: папа надёжен как скала, всё будет хорошо.

— Иди, перекуси и отдыхай, — сказала мать. — Всю ночь не спал ведь.

— Ага...

Сорби зевнул. Он наскоро умылся, выпил чашку отвара с пирожком и поплёлся к себе. Глаза слипались. Наверное, он заснёт, не добравшись до постели. Вот будет смеху, если он уснёт сидя, забыв снять штаны!..

Но сон не приходил. Сорби вертелся так и эдак, мысли сменяли одна другую: как это будет? Где взять денег на поездку, ведь в письме ничего не написано про то, что стоит доехать до Группий-Норса? Он вскочил, перечитал письмо ещё раз, уже внимательнее, и обнаружил в самом конце приписку: «Это письмо служит проездным документом. Не потеряйте его!». Вот как... Его не только пригласили учиться, даже дорогу взяли на себя! Интересно, будут ли его в дороге кормить? Лардия не близко, полтора дня пути. Ничего, это не долго, он согласен поголодать. Потом Сорби подумал, что мама ни за что не отпустит его без припасов. Конечно, как он мог забыть об этом! И всё же, почему они так расстроены? Он уже уезжал из дома, однажды отсутствовал целых двадцать дней. Они были в походе, лазали по горам, а это гораздо опаснее, чем обычная поездка по стальному пути. Что не так?

Всё же бессонная ночь взяла своё. Сорби согрелся и заснул, и разбудил его сногшибательный дух печёной жёлтобрюшки. Пирог! Открытый, с подливой, всё так, как он любит!

Обед удался на славу. Родители были веселы, хвалили Сорбиа за успехи, радовались, и он забыл свои страхи. Мало ли что произошло в его отсутствие? Будь что серьёзное, он бы знал.

Целыми днями Сорби сидел на реке, наслаждаясь ничегонеделанием, а вечерами бегал по друзьям и знакомым, так что время, оставшееся до отправления, пролетело незаметно. Раз — и закончилось, и завтра уезжать! С рассветом Сорби с родителями отправились на станцию стального пути. За спиной Сорби тащил пухлый, набитый совершенно необходимыми, по словам матери, вещами, дорожный мешок, в руке — сумку с документами и припасами в дорогу. Прибыли сильно заранее, однако поезд уже ждал. Суетились

пассажиры. Обнимались на прощание, оживлённо говорили или просто молчали. Дети постарше бесились, маленькие спали в колясках или на руках у мам.

— Иди, сын, — сказал отец. — Мы подождём здесь, потом помашешь нам из окна.

— Да, папа. Да, мама, — Сорби пожал руку отцу, расцеловался с матерью и зашагал к старшему по поезду.

— Подскажите, почтенный, — протянул ему письмо из училища, — куда мне идти? Место не указано...

Старший, румяный толстячок в форменной тужурке, распекал грузчиков, и взглянул на Сорби с неудовольствием. Однако, заметив конверт-приглашение, расплылся в широкой улыбке:

— Одну минуту, молодой господин! Эти бездельники, — он махнул рукой в сторону угрюмых грузчиков, — совершенно не хотят работать!

— Да-да, конечно, — пробормотал Сорби. На его взгляд, грузчики трудились как следует. По перрону сновали тележки с багажом, два человека деловито затаскивали тяжёлые мешки в грузовое отделение. Впрочем, он не специалист, чтобы рассуждать...

— Пойдёмте, молодой господин... Гуан, — прервал его размышления толстячок. — Ваши покои в самом начале. Кстати, если вас кто-то провожает, можете пригласить их с собой. Они смогут проехать с вами одну станцию, а на следующем поезде вернуться обратно. Это совершенно бесплатно! — Замахал руками старший, увидев, что Сорби собирается что-то сказать. — Всё за счёт Группий-Норса.

— Спасибо, — неуверенно ответил Сорби и помахал рукой родителям: — Идёмте, прокатитесь!

Ещё слово «покои» показалось Сорби странным и подозрительным. Действительность же превзошла все его ожидания. В поезде Стального пути ему отвели не кресло и не койку, как это происходило обычно, а целых две комнаты с отдельным входом прямо с перрона. Мягкие диваны, огромное окно во всю стену, красивый, инкрустированный цветными вставками стол, объёмистые ниши для багажа... Мать и отец с удивлением осматривали покои, опасаясь присесть на диван, чтобы не испачкать ненароком богатую обивку. Сорби, тоже изумлённый до крайности, спросил у старшего:

— Извините, почтенный, вы уверены, что это в самом деле моё место? Возможно, какая-то ошибка... Будет обидно, если...

— О, не волнуйтесь, господин Гуан! — воскликнул старший. — Об ошибке не может быть и речи! Вот, извольте сами видеть: — Он продемонстрировал запись в путевой книге: — «Сорби Гуан с сопровождающими, следует до города Умелых, Группий-Норса. Покои номер два, питание и напитки по требованию».

— И напитки... — потерянно повторил Сорби.

— Совершенно верно, господин Гуан! — радостно подтвердил толстяк. — Вино, пиво, прохладительные напитки. По отдельному запросу можем принести что-то покрепче, тоже совершенно бесплатно, конечно. Так что располагайтесь, мы отправляемся через десять минут. Здесь, — он показал на двери, — умывальная комната. А здесь, — толстяк открыл ещё одни двери, рядом, — выход в общий коридор. Там располагаются покои за номерами один и три. Тройка пока пуста, путешественника ждём только в Торбане, а единичка уже занята. Тоже, кстати, до самого города Умелых. А сейчас позвольте откланяться, дела.

Одарив всех по очереди улыбками, старший вышел.

— Это не просто так, сын, — сказал отец. — Учись хорошо, они на тебя надеются.

Видишь, какие хоромы...

— Да, сыночек, — кивнула мать. — Отправляйся и будь счастлив, а мы уж пойдём.

— Почему, мама? — удивился Сорби. — Назад вас бесплатно довезут.

— Мы уже всё друг другу сказали, — объяснила мать. — Попрощались уже. Зачем лишний раз нервы трепать? Так что, — она прижала Сорби к себе, и он внезапно заметил, насколько она маленькая и худенькая, — счастливо тебе. Пиши!

Щёлкнул замок. Родители остановились на перроне возле его окна. Отец помахал рукой, а мама вытерла слезу. И поезд тронулся. Сорби долго смотрел назад, пока родные не пропали из виду. Потом сел и задумался. В чём дело, что он не понимает? Почему они вели себя так, будто прощались навсегда? Почему желали счастья? Конечно, это правильно, но весь он уезжает ненадолго! Он обязательно будет приезжать в отпуск, а как иначе?

Шуршали моторы, вагон мягко покачивался на струне. Предместья родного города пропали вдаль, их сменили рощи и перелески. Всё, он едет. Он едет в город Умелых учиться на расчислителя...

Поезд потихоньку набирал ход. Вышки, на которых висела струна, деревья, дома ближних селений, — всё смазалось, расплылось. Глаз не успевал уловить ничего по отдельности, так быстро оно исчезало позади состава. Даль заслонял лес, лишь изредка в нём случались разрывы, и тогда Сорби мог заметить то кусочек поля, то блеск речки вдаль, то утонувшую в зелёной пене садов деревеньку.

Скоро ему наскучило глазеть в окно. Спать не хотелось, натура требовала новых впечатлений, и он принялся исследовать своё временное пристанище. Если бы не покачивание и не смена видов за окном, его следовало бы назвать номером в шикарной гостинице. Сорби жил в такой однажды, год назад, когда участвовал в междугородних соревнованиях среди школ. Их команду поселили как раз в такой гостинице: с огромными окнами, мягкой мебелью, красивыми коврами и картинами на стенах; номера соединялись сетью дальнотрубов, и можно было поболтать с кем угодно хоть ночью, не слезая с кровати. Чем закончились состязания, Сорби не запомнил. Их команда осталась где-то в серединке, но и не провалилась. Зато они весело провели время: общались, ходили на экскурсии, посетили местный театр, где посмотрели спектакль, который Сорби совершенно не запомнил. Зато он понял, что жизнь не всегда похожа на ту, что он вёл в родном городе. Что есть красивые вещи, красивые и свободные люди, поступающие так, как хотят, а не так, как требует необходимость. Именно тогда он задумался о работе расчислителя; впервые всерьёз задумался о будущем и о перспективах.

Тогда он и решил подать заявку в только что открытое Лардийское училище. И ведь не зря! Он здесь, он едет, едет!

От полноты чувств Сорби зашмыгал носом. Торопливо — вдруг зайдёт старший и увидит? — вытерев слёзы, Сорби открыл дверь умывальни, чтобы освежиться, и завис на пороге...

Дома Сорби мылся в лохани, в гостинице познакомился с ванной комнатой, а здесь — впервые в жизни увидел настоящий бассейн. Наверное, в нём могла бы одновременно искупаться вся их команда, — мальчики налево, девочки направо, — не мешая и не стесняя друг друга! Сорби присел на край огромного, занимавшего почти всю умывальню сооружения, бездумно покрутил вентили: горячая, холодная и даже тёплая вода. Осмотрел полочки и ниши с шампунями, притираниями, полотенцами и множеством других вещей, о которых он не имел представления, увидел в зеркале свою испуганную физиономию,

наскоро побрызгал воду на лицо и, забыв вытереться, сбежал из умывальни. Встал у окна, упершись лбом в стекло, и так замер. От мыслей кружилась голова. Происходило нечто несусветное. Не может мальчик из обычной семьи, пусть способный или даже талантливый, ехать так! Роскошное путешествие стоит денег, которых нет ни у него, ни у семьи. Сорби не мог представить, что сможет хоть когда-нибудь заработать столько. Да, расчислитель — новая, перспективная профессия. Но всему должен быть предел! Даже у директора их школы, даже у городского головы, — их класс водили к нему домой на экскурсию, — даже у них не было такого, такого...

На миг Сорби захотелось, чтобы поезд остановился. Прямо здесь, в пустом поле. Они едут не так долго, Сорби может вернуться пешком, хватит и дня. Но как остановить поезд? Старший, надо связаться со старшим!

Сорби вскочил, чтобы бежать искать старшего, но тут заметил небольшую нишу в стене, а в ней — дальнослух. Вот и решение, он позвонит старшему, поезд остановят... Поднимая трубку, Сорби даже не подумал, что скажет старшему, как объяснит ему своё желание.

В наушнике щёлкнуло и усталый голос старшего произнёс:

— Слушаю вас, господин Гуан.

— Я... — начал Сорби и замолчал, потому что слова вдруг вылетели у него из головы.

— Вы проголодались? — подождав немного, осведомился старший. — Скоро Клосгер, а после будем разносить обед. Вы можете подождать, господин Гуан? Кстати, в ваших покоях есть походный ледник, а в нём — холодные закуски как раз для такого случая. Конечно, если вы желаете горячего, то...

— Нет, нет, я подожду! — испуганно произнёс Сорби и положил трубку. Скоро Клосгер! Вот всё и решилось, можно сойти в Клосгере. Это немного дальше, чем он рассчитывал, но за два — три дня он справится.

Поезд замедлялся. По сторонам мелькали маленькие домики, огородики, потом началась высокая, закрывшая всё вокруг кирпичная стена. Исписанная приличными и не очень словами, изрисованная такими же картинками она длилась и длилась, а потом кончилась, и поезд въехал на станцию. Загремели сцепки, поезд остановился.

Сорби схватил мешок, открыл дверь наружу, оглядываясь вокруг, как бы улизнуть незаметно. Лязгнула дверь соседних покоев, и оттуда показалась... Лойна! Одета походному, в практичном немарком костюмчике, волосы завязаны узлом на голове. Сердце Сорбиа на миг остановилось, потом застучало быстро-быстро. Лойна, что она делает тут? Она одета в дорожное, значит, едет в покоях, значит, её тоже вызвали?

Лойна начала разворачиваться, и Сорби юркнул обратно в покои. Не хватало, чтобы она заметила, как он бежит. Что она тогда подумает?

Сквозь окно было видно, как из покоев Лойны вышла женщина, должно быть, мать, а с нею мальчишка, тот самый Лойнин брат, имени которого Сорби не помнил. Женщина что-то объясняла, качала головой, пыталась вручить девушке какие-то свёртки. Потом Лойна покраснела и отвернулась. Женщина изменилась в лице, порывисто обняла дочь и что-то зашептала ей на ухо. Сорби отпрянул от окна. Он не слышал слов, но каким-то образом понял, что не стоит смотреть и тем более не стоит прислушиваться, ведь дверь наружу приоткрыта, и он может узнать то, что не предназначено для посторонних.

Вагон задрожал. Лойна расцеловала мать и брата, и запрыгнула в вагон, который тут же тронулся с места.

Лойна.

Вот кто занял покои за номером один. Почему он не видел? А почему он должен был увидеть? Он ведь не знал, что Лойна тоже... Откуда ему было знать?

В дверь, ведущую в общий коридор, постучали. Потом ещё раз, уже нетерпеливо.

— Входите! — догадался Сорби.

В покои, держа перед собой поднос, прошла молодая девушка в форме Стального пути.

— Благодарю вас, господин Гуан, — с улыбкой произнесла она. — Здесь обед. Если что, звоните. Посуду оставьте здесь. — Она открыла в стене ещё одну нишу.

— Спасибо, — стараясь выглядеть бодро, ответил Сорби.

Девушка ещё раз улыбнулась и закрыла за собой двери.

Что именно принесли на обед, Сорби не заметил, мысли его занимала Лойна. Очнувшись, обнаружив, что все тарелки и судки пусты, и есть больше нечего. Сгрузил грязную посуду в нужную нишу, закрыл дверцу. За стеной загудело. Сорби не удержался, и едва звук затих, снова заглянул в нишу; там ничего не осталось. Он почему-то думал, что девушка зайдёт снова, уж больно загадочно она улыбалась. Ноги сами вынесли его в общий коридор. С другой его стороны располагались такие же, как в покоях, окнах, а в них — привычное уже мельтешение. Вдоль окон стояли скамеечки, сейчас пустые. Сорби обернулся: дверь в покои с номером один была приоткрыта. Сорби замер рядом с ними, не решаясь ни постучать, ни войти так. Что она ему скажет? Почему он поверил Мурону? Приятель был тот ещё затейник, любил розыгрыши и шутки. После его, бывало, поколачивали, но Мурон не мог удержаться и продолжал шутить, иногда довольно зло.

Будь что будет!

Сорби взялся за дверную скобу, но тут же отдернул руку: в покоях за номером один ему почудился звук. Что делать?! Уйти? Но сколько можно убегать, да и зачем? Ничего он Лойне не обещал, и она тоже, они вообще почти не говорили между собой. Они и не знакомы вовсе. Встреча в поезде — чем не повод познакомиться? Сделать шаг и войти, и сказать: «Здравствуй, Лойна, я еду в соседних покоях, давай...». Давай что?! Вдруг она подумает...

Сорби не успел навоображать, что именно она подумает. Дверь открылась. В проходе, опершись о косяк, стояла Лойна. Волосы свободно рассыпались по плечам. Она переделалась, теперь на ней было то самое платье, что и тогда, на реке. Ноги затянуты в ярко-красные колготы, моднучие и недешёвые, явно не на каждый день. Такие длинные и гладкие, что у Сорби мгновенно пересохло в горле. Нестерпимо захотелось присесть к ним, прижаться, обнять, пробежаться пальцами от щиколоток вверх, к коленям, а там и выше, выше, выше!..

Такое не надевают просто так, в таком не гуляют по улицам, не заходят в магазины. В таком не забегают к подружке поболтать. В голове Сорби набатом бил пульс, а уши, наверное, светились от прилившей крови...

Лойна молчала, смотрела на него и ждала.

— Привет, — выдавил из себя Сорби. — Меня вызвали... в город Умелых, и вот...

Он исчерпал все слова, которые остались в голове, и умолк.

— Меня... тоже вызвали, — хрипло сказала Лойна и схватила его за руку: — Так и будешь здесь стоять? Заходи же!

Сам не свой, Сорби шагнул вперёд и оказался лицом к лицу с Лойной. Её била дрожь. Рука, которой она держала его руку, тряслась, как от холода, только была горячее, как огонь. Вагон качнуло, и их бросило друг навстречу другу. Обнаружив, что коснулся своей грудью её груди, Сорби отпрянул, пробормотал:

— Как странно они едут... Нельзя же так?

— Нельзя, — кивнула Лойна и опять покраснела.

Как трогательно она краснеет...

— А ты... — начал Сорби, но Лойна прижала палец к его губам.

— Не говори ничего, ты всё... испортишь.

Лойну снова качнуло, и Сорби пришлось подхватить её. Чем так пахнет? Сорби принюхался... Лойна была пьяна!

— Отпусти... — проговорила она. — Давай лучше выпьем?

Вагон снова качнуло, и они упали на диван.

— Ты не пошёл с нами тогда, — прошептала Лойна. — А я...

Разливая вино по столу, она наполнила два стакана.

— Я видела... тебя в окно, — продолжила Лойна. — Думала, ты сам придёшь, разве... ты не знал, что меня... тоже вызвали?

— Нет.

— Так смешно... — Лойна захихикала и отпила из стакана. — Вкусное, правда?

— Ага.

Сорби тоже сделал глоток, не чувствуя вкуса. Ему было попеременно то жарко, то холодно. Что делать? Она ждёт от него... понятно чего. Но он же не умеет! Он же никогда этого не делал, никогда не был с женщиной. Вдруг у него не получится? Да, он смотрел картинки и читал неприличные рассказы, переписанные от руки, но одно дело читать и смотреть, и совсем другое — делать это самому!

— На состязаниях, это было на состязаниях, — рассказывала Лойна. — Я как... увидела тебя, так ты мне сразу понравился. Ты слушаешь?

— Да, конечно.

Лойно подвинулась ближе. Теперь они касались бёдрами. От неё было жарко как от печки.

— А ты, — она ткнула его пальцем в грудь, — ты меня совсем не замечал! Проходил мимо. Правда, — Лойна откинулась на спинку дивана, раскинула руки по сторонам, чуть не попав Сорби по носу, — я красивая?

— Ты красивая, — честно ответил Сорби. — Очень красивая.

— Во-от! — протянула Лойна. — А ты меня не замечал. А я... ой! Мне плохо, ой...

Тритон! Такое Сорби видел не раз. Вино такая коварная вещь, а она, наверняка, впервые в жизни пила вино. Не на семейном празднике, под присмотром родителей, а одна!

Лойна давилась, её лицо исказилось от ужаса.

— Быстро!

Сорби вскочил с дивана, подхватил Лойну под руку, потащил в умывальню.

— Ой, что со мной... — простонала Лойна, и её вырвало. Сорби дотащил её до ванны, нагнул над ослепительно чистым фаянсом. Лойна содрогалась от рвоты. Сорби открыл воду, набрал стакан. Когда Лойна чуточку успокоилась, сунул стакан ей в лицо:

— Пей!

— Зачем?

— Пей, я сказал! — приказал Сорби. — А теперь — два пальца в рот.

— Я не хочу... — простонала Лойна.

— Быстро!

После трёх стаканов девушка немного пришла в себя. Умывшись, сидела на краю ванны и качалась из стороны в сторону. Сорби даже стало её жалко.

— Я такая испорченная, да? — произнесла, наконец, она.

— Нет, — сказал Сорби. — Ты просто выпила лишнего.

— Это пройдёт, я не умру?

— От этого не умирают, — ответил Сорби. — Наверное. Теперь, — он ненадолго задумался, — раздевайся и ступай спать.

— А... ты? — спросила Лойна, послушно стаскивая платье через голову.

Сорби сглотнул. У Лойны оказалась очень маленькая грудь, куда меньше, чем на тех картинках, но при этом гораздо красивее.

— На! — Он сунул ей в руки халат.

— А ты? — повторила Лойна, покачиваясь.

— Я приберу тут пока, — ответил Сорби.

Он быстро вымыл пол, прополоскал и повесил сушиться очень маленькое синее с отливом, — и как она в него только влезла? — платье и вышел в покой.

Лойна спала, раскинувшись на диване. Ей хватило сил стянуть колготы, и они валялись тут же, на полу. На девушке остались только узенькие трусики; халат лежал на спинке кресла. Сорби постоял, глядя на неё и слушая своё хриплое дыхание, потом ему стало стыдно. Он укрыл Лойну халатом, выключил свет и тихо вышел, прихватив со стола полупустую бутылку.

В леднике второго номера обнаружилось копчёное мясо и острые маринованные овощи. Сорби налил вина, выпил, зажевал мясом, не чувствуя вкуса. Перед глазами встало девичье тело. Накатило возбуждение: она здесь, за стенкой, она не скажет ничего против, она сама хотела! Она и не вспомнит! Сорби даже привстал с дивана... и плюхнулся обратно. Ему привиделось, как он пристроится к мягкому, безвольному телу, и как... не сможет попасть. Он даже помотал головой, отгоняя наваждение. Так нельзя, неправильно, он не дрянь из подворотни, и Лойна тоже! Нет, он не такой, но хотя бы посмотреть он может? Чувствуя себя последним подонком, Сорби крадучись выбрался в коридор и приоткрыл дверь в номер первый.

Лойна, маленькая и беззащитная, лежала теперь на животе, закутавшись в халат; рука свесилась с дивана и раскачивалась вместе с вагоном. Халат скрывал её почти всю, из-под полы выглядывала ступня левой ноги и нога правая до половины бедра. Луч солнца из окна облизывал подколенную впадину. Сорби захотелось быть этим лучом, но тут Лойна завозилась и перевернулась на спину, халат сполз на пол — и Сорби с горящими ушами выскочил за дверь.

Что на него нашло? Чего он испугался, ведь Лойна спит и, наверняка, спать будет ещё долго? Он для этого и пошёл в номер первый: полюбоваться, но сбежал, как... как...

Сорби допил бутылку, но так и не придумал, с кем должен себя сравнить. В голове шумело, вагон качало, и незаметно для себя он погрузился в сон. Проснулся от стука; явилась давешняя поездная девица с ужином. Пока она расставляла на столе приборы, он пялился в окно, кожей чувствуя её насмешливые взгляды. Конечно, в номере первом она побывала раньше! Пришла злость: кто она такая, что она себе позволяет? Сорби хотел повернуться, сказать что-то резкое, но тут щёлкнула входная дверь, и он с облегчением перевёл дух. Ничего бы он ей особенного не сказал, только выставил бы себя дураком.

От вина болела голова, но не сильно. Сорби с аппетитом поужинал и окончательно завалился спать.

Наутро они встретились в коридоре. Лойна была бледна, только уши алели сквозь

чёрные волосы. Она прятала глаза, смотрела неотрывно в окно, потом развернулась к Сорби и тихо сказала:

— Спасибо.

Подалась вперёд и легко коснулась губами его щеки.

— За что? — зачем-то спросил Сорби.

— За то, что...

Лойна не договорила, потупилась и ретировалась в номер первый.

Ближе к обеду пейзаж за окном изменился. Стало ясно: дельта Великой реки уже близко. Сорби прилип к окну; он сам вырос на реке, но одно — твоя речка, полсотни шагов шириной, которую можно переплыть на одном дыхании, другое — рукава и протоки Великой. Мосты следовали один за другим, от блеска воды рябило в глазах. Изредка русла затенялись камышовыми зарослями высотой в несколько человеческих ростов. По берегам заводов и проток теснились причалы каменные и деревянные и просто мостки. Сновали лодки и катера. Потом поезд вырвался на простор. За окном раскинулся обширный залив; ветер морщил волну, качал понтоны и плоты; словно иголки торчали из воды многочисленные сваи.

В дверь постучали. Сорби не успел ответить, как ворвалась Лойна. Сегодня она снова надела походное, но выглядела ничуть не хуже, чем вчера. Девушка покраснелась, на лице цвела улыбка. Глаза горели.

— Смотри! — потребовала она.

— Куда? — в недоумении уставился на неё Сорби.

— Да туда же! — Лойна ткнула пальцем в сторону окна. — На залив смотри!

Сорби честно обернулся к окну. Сейчас поезд двигался по подвесной дороге, проложенной через залив. Берега скрылись в дымке и лишь чуть угадывались на горизонте.

— Смотрю, — пожал плечами Сорби. — Что я должен увидеть?

— Цепочки плотов видишь? — Лойна наклонилась ближе, коснулась его плечом. — Там выращивают моллюсков, и я... меня... — Она смугилась и отодвинулась. — Меня приняли на отделение аквакультуры. Я тоже стану их разводить!

— Нырять и собирать?

— Нет, что ты, этим занимаются простые рабочие, — улыбнулась Лойна. — Управление, выведение новых сортов, там много всего... Я всегда мечтала об этом, и вот!

— А меня приняли учиться на расчислителя, — сообщил Сорби.

— Это все знают, — заявила Лойна. — Только и разговоров про то, какой ты великий расчислитель! Брат мне все уши про жужжал, а ваш директор школы, когда об этом говорит, надувается от важности, прямо как рыба-пузырь!

— Ты-то откуда об этом знаешь? — спросил Сорби.

— Я мечтала об этом! Я всё про рыб прочитала, что есть в нашей библиотеке! — возмутилась Лойна. Конечно, я знаю, как раздувается рыба-пузырь! Она, если хочешь знать, спасается так от хищников. Становится большой и страшной, у неё для этого на брюхе рисунок такой специальной, в виде больших глаз. Хищная рыба видит большие глаза и пугается, и уплывает!

Теперь смущаться пришла пора Сорби. Трудно устоять перед таким напором.

— Нет, что то, я не сомневаюсь... Я про директора... — сказал он.

— А, это... — Лойна пренебрежительно махнула рукой. — Ваш директор — родственник моего отца, двоюродный брат, что ли. Они часто бывают у нас в гостях, вот и говорят о всяком. Вот и о тебе говорили...

Она испуганно посмотрела на Сорби. На её лице большими буквами было написано: «Ой, не сболтнула ли я чего лишнего?».

— Ладно, — сказал Сорби. — Говорили и говорили. Главное, мы теперь здесь... скоро

будем. Но, получается, — он запнулся, — мы будем на разных отделениях?

— Ну, да, — подтвердила Лойна. — Зато... в одном городе... Сможем встречаться... — и закончила совсем уже тихо: — Наверное. Если ты...

Лойна замолчала, потом договорила решительно: — Если ты, великий расчислитель, захочешь со мной встречаться!

Вышла, с лязгом задвинув за собой дверь. Сорби, позабыв про красоты, проплывающие за окном, сидел и двигал челюстью, будто подбирая слова. Только что толку, если она уже ушла? И что ему теперь делать? Не было же ничего. Понять бы, хочет ли он с нею встречаться? Нет, он, конечно, не против, но... Экая решительная девчонка! С такой нельзя встречаться просто так, чтобы провести время. Может быть, она хочет серьёзных отношений? Девушки, по рассказам приятелей, особенно Мурона, всегда хотят именно этого, а он? Каких отношений хочет он сам, да и хочет ли, или его просто привлекает красивая фигурка? Сорби не умел решить, боялся решить, да и кто на его месте не боялся бы? Ему всего семнадцать лет, впереди учёба, кто знает, как оно будет? Так ничего и не надумав, Сорби выкинул эти мысли из головы. Приедем на место и посмотрим. Вдруг им будет не до встреч? Необходимость что-то решать отпадёт тогда сама по себе.

Поезд, тем временем, успел миновать залив, и снова шёл через протоки, пересекая островки. Здесь берега были повсеместно забраны в камень, места у причальных стенок занимали большие и, на взгляд Сорби, даже огромные трёх- и четырёхпалубные суда. Такие в их речке не поместятся, нечего и думать! Кроме пассажирских кораблей хватало грузовозов и обычных барж. С них на берег непрерывным потоком поступали тюки, ящики, бочки или просто песок или гравий. Впереди уже угадывался силуэт скалы, на склонах и террасах которой и возник изначально Группий-Норс, город Умелых. Обиталище тех, кто сбежал от группия, как написано в хрониках, что бы это не означало.

Внезапно заходящее солнце, светившее почти в глаза, умерило свою яркость. Поезд въехал под ажурные своды из стекла и металла, стал постепенно тормозить и скоро остановился.

Приехали...

Зашуршало, зашипело, потом ожил громкоговоритель над входной дверью.

— Господа путешественники! — раздался голос старшего по поезду. — Наш поезд прибыл в город Умелых, тирания Лардия. Надеюсь, вам понравилась наша работа. Благодарим, что выбрали нас и доброго пути! — он прокашлялся. — Госпожа Лойна Дормати! — вас ожидают на перроне у входа в главный корпус вокзала, чтобы отвезти в гостевой дом. Рады услужить вновь! Господин Сорби Гуан! Прошу вас оставаться в своих покоях вплоть до особого сообщения.

Громкоговоритель со щелчком выключился.

— Что, почему оставаться? — в удивлении проговорил Сорби, будто старший мог его слышать. — Что случилось-то?

Он выглянул в окно. Оказывается, в Группий-Норс ехало довольно много людей. Путешественники выходили из вагонов, увешанные сумками и баулами. К ним подбегали носильщики с тележками, предлагая свои услуги. Некоторые соглашались, но большая часть шла пешком. Вагон качнулся; на перрон выбралась Лойна. Настороженно посмотрела по сторонам, задержала взгляд на окнах покоев номер два, потом нерешительно присоединилась к остальным путешественникам.

Надо выйти, попрощаться! Сорби выскочил наружу, но Лойна уже затерялась в толпе.

Сорби вернулся в вагон. Наверное, старший знал, что делал. Осталось дожидаться этого «особого сообщения».

К счастью, долго скучать не пришлось. Загремели сцепки, и поезд — нет, один его вагон! — тронулся. Поплыли назад опоры, поддерживающие прозрачную крышу, здание вокзала отдалилось. Поезд остановился и снова двинулся назад, теперь уже мимо вокзала. Поверху тянулись, не пересекаясь, ряды струн Стального пути, на них покачивались вагоны, обычные, но встречались и такие, как его передвижной дворец. Поезд маневрировал, дёргался, подавал то вперёд, то назад, и Сорби скоро запутался, куда он едут.

Очередная остановка оказалась последней. Постучав, в покои заглянул старший.

— Я не понимаю! — вскочил Сорби. — Объясните, что происходит, почтенный!

— О, не беспокойтесь, господин Гуан, — устало улыбнулся старший. — Вы же приняты на отделение расчислителей?

— Да, верно, — ответил Сорби.

— Значит, я не ошибся, — сказал старший поезда. — Для господ расчислителей действуют особые условия. Эту ночь вы проведёте в своих покоях, а завтра уже за вами приедут и отвезут в училище.

— Но почему? — не понял Сорби.

— Увольте, не спрашивайте, — произнёс старший. — Э-э-э... Вы не против, если я присяду?

— Конечно, почтенный!

Сорби схватил мешок, освободил место на диване.

— Благодарю вас, господин Гуан, — кивнул старший, устраиваясь на скрипучей коже. Видно было, что он устал.

— Может быть, — нерешительно начал Сорби, — вы хотите перекусить?

— Спасибо, но это запрещено, — отрицательно покачал головой старший. — Вы не думайте, я минутку посижу, а то ноги ноют. Весь день, знаете, заботы и хлопоты.

— Выпейте хотя бы воды?

— Это можно, — сказал старший, — благодарю.

— Так что, всё-таки?..

— Распоряжение господина Фрока Гаспия, — ответил, возводя глаза к потолку, старший. — Все, прибывшие на отделение расчислителей, ночуют в вагонах. Зачем ему это, увольте, не знаю.

— И много нас тут? — спросил Сорби.

— Сейчас семеро, — ответил старший. — Ваши вагоны висят рядышком. Возможно, ночью придут ещё двое. Номер третий, как вы заметили, — он махнул рукой в сторону двери в коридор, — так никто и не занял. Тоже для ваших место держали.

— Неужели, кто-то отказался?! — не поверил Сорби.

— Заболел? — предположил старший. — Не знаю, господин Гуан. Можете потом у ректора спросить, а я, с вашего позволения, пойду. Спасибо за воду.

Он поднялся и вышел за дверь. Нельзя сказать, что его слова что-то объяснили, но Сорби немного успокоился. Это не ошибка, это распоряжения самого ректора. Как там старший сказал? «Можете у ректора спросить?» Спросить у ректора, у самого Фрока Гаспия... У человека, чьими книгами Сорби зачитывался, кого мечтал увидеть хотя бы издали. И теперь он познакомится с ним вблизи, возможно, ректор даже скажет ему несколько слов! От предвкушения закружилась голова. Сорби погнался прочь неуместные

мысли. Кто он, и кто ректор Гаспия? Великий расчислитель, наверняка, занят, и учить новичков будут его помощники. Ладно, завтра всё станет ясно.

Накинув куртку, Сорби выбрался из вагона. Солнце садилось, заливая крыши вагонов красным и оранжевым. Пахло нагретым металлом, маслом и пылью, а также цветущими белоголовками и близкой водой. Посредине маленькой площадки высился опорный пилон Стального пути. На нём сходились с десятков струн, на них замерли вагоны, подобные тому, что доставил сюда Сорби. У подножия пилона трое парней жарили что-то на открытом огне. Заметив Сорби, один из них, наголо бритый по обычаю Туанских земель, помахал рукой и прокричал:

— Двигай сюда, новенький!

Сорби не заставил себя уговаривать.

— Сорби, — подойдя, представился он.

— Я Морлис, — улыбнулся бритоголовый. — Это Су Лонг, — он показал рукой в сторону невысокого ярко-рыжего крепыша. — А это Груно.

— Груно, — поправил его третий, самый высокий, с длинными чёрными волосами и горбатым носом. — Мы знакомы уже три часа, а ты всё никак не можешь запомнить моё имя, Морлиш.

— Ну, если тебе так нравится, называй меня Морлиш, — рассмеялся бритоголовый, — хотя я Морлис. Уж извини, твоё имя трудно для меня. У нас, туанцев, гласные никогда не идут подряд.

— Но сейчас ты говоришь на общем, — возразил Груно.

— Да, да, прости, — развёл руками Морлис, — я стараюсь. А ты, — склонив голову набок, он пристально посмотрел на Сорби, — наверняка родом из Клосгера. Я угадал?

— Нет, из Морси.

— Ну, это рядом, — отмахнулся Морлис. — Так что я почти прав. А ещё, — он хитро прищурился, — ты расчислитель.

— Почему ты так решил? — спросил Сорби.

— Мы все тут расчислители, — объяснил Су Лонг. При разговоре он слегка шепелявил, как и все уроженцы страны Ксонг. — Только расчислителей оставляют ночевать в вагонах.

— Не знаешь, почему? — спросил Сорби. — Я пытался узнать у старшего по поезду, только он ничего не сказал.

— Откуда ему знать? — рассмеялся Морлис. — Он просто старший по поезду, ректор Фрок Гаспия не объясняет ему своих решений. Ерунда, завтра всё узнаем.

— Узнаем, — согласился Сорби. Он втянул ноздрями воздух и кивнул на жаровню. — Вкусно пахнет. Рыба?

— Она самая, — сказал Груно.

— А зачем? — спросил Сорби. — Съели всё, что лежало в ледниках?

— Ты что, дружище! — Морлис хлопнул его по плечу. — В ледниках полно еды, но... Скучно, понимаешь? Я приехал три часа назад, а Су Лонг и Гру... уно ещё утром. Можно спать, можно пить вино, но сколько можно? Я ехал четыре дня, диван до дыр, наверное, пролежал, а на вино смотреть не могу!

— Мне тоже надоело, — сказал Груно. Су Лонг кивнул.

— Вот мы и решили развлечься, — продолжил Морлис. — Когда ещё удастся? А рыбалка тут, ух! — Он с восхищением покрутил головой и облизал губы. — Кстати, рыба готова, налетайте!

Вот казалось бы: ледники в покоях ломаются от яств. Никого из обслуги, понятно, не осталось, что им делать в здешнем тупике, но, по словам Морлиса, рядом с ледником были устроены печи. Так что и горячего можно наготовить, и закусками обойтись, но всё равно, добыча, пойманная самолично и своими же руками приготовленная на живом огне, всегда кажется вкуснее. Или не вкуснее, не подходит это слово... Более настоящей, что ли? Поедать её приятнее, чувствуешь себя самодостаточным человеком, независимым, взрослым.

Ни о чём подобном Сорби не думал, не в том он был возрасте, чтобы умствовать, но рыбу съел с удовольствием. А почему и нет, если приглашают? Тем более, наловили её с избытком.

Пирушка была в самом разгаре, когда гудок возвестил о прибытии ещё одного вагона. Нарядного, разрисованного птицами и тритонами вагона, с двойной жёлтой полосой вдоль крыши.

— Из Кранга приехали, — со знанием дела произнёс Су Лонг. — Кранг и Клонг, откуда я родом, рядом совсем. Ну, как рядом, через море...

Действительно, близко. Насколько Сорби помнил карту, княжества Кранг и Клонг разделял широкий пролив. Оказывается, местные называли его морем, но не Сорби, выросшему на берегу узкой Морсинки, над ними смеяться.

Двери вагона открылись, и изнутри одна за другой выпорхнули две девицы. При виде их Сорби чуть не подавился куском, в такие яркие, кричащие наряды они были одеты.

— Близняшки... — пробормотал за спиной Морлис.

— Првет, мальчики! — радостно заявила левая.

— Првет! — эхом отозвалась правая.

— Драсити... — пробормотал Сорби.

Обе девушки неувовимо напоминали Лойну: такие же невысокие, но стройные, с длинными, рассыпающимися по плечам волосами. Только у Лойны волосы были иссиня-чёрными, а девицы... Голову левой украшало изумрудно-зелёное облако, правая щеголяла небесно-голубым.

Девушки подошли ближе, и в груди у Сорби похолодело: они и лицами походили на Лойну. Что-то будет, что-то точно будет, и не поймёшь, к добру это или к худу.

— Меня звут Ро Понг! — Левая изобразила поклон и шаркнула правой ножкой.

— Ко Понг! — откликнулась правая и шаркнула ножкой левой.

— Ты на глаза их посмотри, — шепнул Сорби Морлис. — Ох, пропадём мы с ними...

У зеленоволосой Ро оказались ярко-синие глаза, как волосы сестры. Ко, наоборот, смотрела на мир глазами изумрудного цвета. И теперь эти две пары глаз, пробежавшись мельком по остальным парням, скрестились на Сорби.

— Э-э-э... Меня Сорби зовут, — сказал он.

Ро потрянула волосами. Ветер и лучи заходящего солнца заставили их сиять.

— Крсивое имя, — сказала она и взглянула на сестру: — Чур, мой.

— Это мы посмотрим ещё, — выпятила та подбородок.

Это что же получалось? Сёстры, не успев приехать и познакомиться, уже положили на него глаз? Сорби вновь, уже в который за последние дни раз, захотелось сбежать.

— Хотите вина? — чтобы не молчать, спросил он.

Су Лонг и Грууно, которые не произнесли до сих пор ни слова, как будто очнулись. Притащили откуда-то складной стол, выложили на тарелки остатки рыбы, разлили вино. Надо отдать разноцветным сестричкам должное. Они не чинились, весело щebetали со

всеми, хотя и кидали на Сорби многозначительные взгляды, от которых у него пылали уши.

Разошлись за полночь. Вагоны Сорби и Морлиса оказались рядом, и Морлис зашёл к Сорби в гости. Посидеть, поболтать. Разговор, понятно, крутился вокруг близняшек.

— Имей в виду, — заговорщицки понижал голос Морлис, — я тебе обеих не отдам. Выбирай, какую себе возьмёшь, синенькую или зелёную?

— Откуда мне знать? — сопротивлялся Сорби. — Одинаковые же! Может, ещё ничего и не будет.

— Будет-будет! — радовался Морлис. — Знаю я такую породу. Эти как чего-то захотят, так не слезут, пока по их не будет.

— Откуда знаешь?

— О! — многозначительно закатывал глаза Морлис. — Уж поверь, знаю. Так которую?

— Да у меня есть уже... — говорил Сорби.

— Здесь? — не верил Морлис.

— Ага.

— О-о-о... — тянул Морлис. — Смотрю, ты парень не промах. Приехать не успел, уже трёх себе завёл. Только я это так не оставлю, бороться буду.

Он размахивал руками, вскакивал и садился, настаивал. Потом утомился, рухнул на диван и зевнул во всё горло:

— Ладно, это мы потом. Интересно, что завтра будет?

— Всего ничего ждать осталось, — сказал Сорби. — Хотя, путаники они.

— И интриганы, — подтвердил Морлис, снова зевая так, что Сорби испугался за его челюсть: не вывихнул бы!

У него самого от выпитого и от мыслей тоже плыла голова. Трое... Что же ему делать с тремя сразу?

Когда первые лучи восходящего солнца заглянули в окно вагона, Морлис не выдержал. Путано распрощался и убрался к себе. Сорби тоже лёг. Вскоро с коротким гудком прибыл ещё один вагончик, но он уже спал и ничего не слышал.

Его окружали высоченные кусты — в два, а то и три человеческих роста. За ними, Сорби знал точно, его ждала Лойна. Или Ро? Или, всё-таки, Ко? Вот это Сорби не мог сказать определённо, но кто-то из этой тройцы его точно ждал за колючими, шипастыми кустами. Сорби лез сквозь злую зелень, шипел от боли, но лез и, наконец, выбрался наружу — весь ободранный, исколотый, — и не увидел впереди никого. «Лойна! — закричал он. — Ко! Ро! Куда все попрятались?». Никто не ответил. Он стоял на пустом Птичьем пляже, пустом, но полном человеческих следов. Вот здесь наследила Лойна. Или Ко, или Ро, а вот эти, большие и какие-то гадкие следы наверняка оставил Морлис. Экий мерзавец, он добрался-таки до его девушки. Или девушек? Неважно, так даже обиднее. Потерю одной девушки Сорби ещё перетерпел бы, но сразу трёх?!

От досады и боли в ободранных руках он и проснулся.

Солнце доползло почти до самой небесной верхотуры. Через опущенное окно веяло прохладой, а в покоех... раздавался тонкий и неумолчный звон летучих кровососов. Один из них, особенно наглый и крупный, сидел у Сорби на груди, погрузив хобот по самое рыло, и на глазах наливался кровью.

— Ах, ты же, погань!

Сорби шлёпнул себя по груди, охнул, не рассчитав силы, вскочил и принялся хлестать

себя по рукам, ногам, щекам, — везде, куда мог дотянуться. От каждого шлепка по телу расплывалось кровавое пятно, однако кровососы насосались настолько, что не пытались улететь. Так все и пали в борьбе с разгневанным молодым организмом.

Избив всего себя так, что кожа горела огнём, Сорби огляделся. Кровососы, сложив крылышки, сидели повсюду: на стенах, на потолке, в складках занавески, на оконном стекле, на спинке дивана...

— О-о-о, придурка кусок, — простонал, поднимая окно, Сорби. — Не целый придурок, куда тебе до целого?

Вчера, распалённые вином и духотой, они оставили окно открытым, а тут полно воды, река рядом, вот кровососы и налетели на сладенькое. Ладно, Морлис, он вырос в степях, ему простительно, но сам Сорби? Предутренняя прохлада — самое время для мерзких тварей! Великий Тритон, как ты допустил, как разрешил существовать этой мелкой, но такой противной, такой надоедливой нечисти? Происходи дело на берегу Морсинки, Сорби только почесался бы и забыл. Возле мелкой речки и кровососы жили мелкие и нерешительные. Иной десять кругов вокруг тебя нарежет, всё место выбирает, куда бы присесть, да и уберётся восвояси.

Хлоп! Сорби стряхнул с ладони очередного незадачливого агрессора.

Не то здешние. Они и крупнее раза в два, и нерешительностью не страдают. Едва почуют добычу, сразу в атаку! Однако, не может быть, чтобы держатели Стального пути не предусмотрели ничего против этих кровососов!

Средство лежало на самом видно месте, и как Сорби не нашёл его раньше? Не до этого было, о девицах думал. Запалив ароматическую свечку, он уселся рядом и принялся с интересом наблюдать...

Тонкая струйка дыма устремилась к потолку. Запахло незнакомо, но приятно. Пение летучих пакостников изменило тональность, стало басовитым и каким-то нетерпеливым. Твари снимались с насиженных мест и одна за другой летели к дыму... складывали крылышки и сыпались вниз! Прошло не больше пяти минут, как воздух очистился и наступила тишина, которую нарушали только невнятные голоса, проникавшие сквозь толстое оконное стекло.

— Так вам и надо, гады, — мстительно сообщил насекомым трупикам Сорби и отправился умываться. Увидят его такого сестрички Понг — взъерошенного, перемазанного кровью, позора не оберёшься.

Через пятнадцать минут он вышел из вагона. Укусы не зудели — найденная в умывальне мазь подействовала почти сразу, и Сорби мог уже спокойно обозревать действительность. А посмотреть стоило.

Рядом с местом их вчерашней пирушки стояла машина: трёхосная, с толстыми, словно раздутыми колёсами и длинным кузовом, в котором расположились с десятков кресел. Между кресел горбом выпирал круглый металлический блин примерно по колено высотой. От блина распространялось ровное и низкое гудение. Такое низкое, что у Сорби заныли зубы.

Возле машины стоял усатый человек в кожаной куртке и круглыми жестяными очками на лице. Вокруг него сгрудились парни и что-то с жаром выпрашивали, а человек с достоинством отвечал. Близняшки Понг стояли тут же. Они молчали, не задавали вопросов, но с интересом прислушивались к разговору. Завидев Сорби, они принялись таинственно шептаться и хихикать. Человек в куртке, наверняка хозяин машины, тоже заметил Сорби. Он что-то сказал, забрался на водительское место — и очарование дня разорвал неприятный,

резкий гудок, от которого птицы, обсевшие окрестные деревья, всполошились и закричали такими же резкими голосами.

— Сейчас вас шестеро, — сообщил человек, — ждём ещё троих. Они приехали под утро, — пояснил он в ответ на недоумённые взгляды, хотя... какой смысл удивляться, если в тупике вокруг пилона появился ещё один вагон, на этот раз в цветах республики Паламут?

— Повторим для надёжности, — ухмыльнулся кожанный. Птицы, которые начали успокаиваться, разом сорвались со своих мест и полетели прочь, туда, где меньше таких громких и опасных двуногих.

Прошло минуты три, и из Паламутского вагона выбрались трое парней, заспанных и помятых.

— Все в сборе, — удовлетворённо сказал кожанный. — Рассаживайтесь, молодые господа, господин ректор ждёт вас. Нет-нет, вещи брать не нужно! Пусть полежат тут, их никто не тронет.

Холодно...

Фрок Гаспия, шаркая, подошёл к окну, проверил, плотно ли прикрыты створки. Нет, никто в его отсутствие не открывал окон, не запускал в кабинет холодный утренний воздух. Почему же тогда так холодно? Почему мёрзнут ноги в мягких сапогах из валяной шерсти?

Ломило затылок, словно вышел в зимний день без шапки, зябли пальцы.

Гаспия позвонил в колокольчик. Двери в кабинет тотчас открылись. Пятясь, в кабинет проник помощник, вкатил за собой столик на колёсах. На нём дымился кувшин с горячим отваром, на блюде — сало водяной свиньи. Мелко порезанное... Хороший мальчик Тубор, помнит, что ректору не разжевать большого куска.

— Спасибо, дорогой.

Кивком отпустив помощника, Гаспия налил отвара в чашку, отпил глоток. Хорошо!.. Тёплая волна прокатилась по пищеводу, вызвав мгновенную испарину. Будь его воля, Фрок Гаспия пил бы кипяток. Никогда не понимал, как можно употреблять тёплые отвары, а вот поди же ты... Лекари взбунтовались и крепко-накрепко запретили пить слишком горячее. «Будут язвы, — сказали они. — Будет хуже». Хуже... Что может быть хуже постоянного холода? Только старость.

Ректор Фрок Гаспия понимал, что всё не просто так. Сердце работало нехотя, вяло проталкивая кровь по сосудам. Спасибо, что работало, не остановилось пока. На год или два его ещё хватит. Успеть бы.

С сожалением отставив чашку, Гаспия взял из разложенных веером листов бумаги один, вчитался в неровные рукописные строчки. Ро Понг. Хорошая девочка, умненькая. И сестра ни в чём ей не уступает. Он вернул листок на стол. На сердце немного потеплело: не зря он внедрял расчисления в школах первой и второй ступеней, не зря унижался в канцелярии Ничтожнейшего, не зря вёл долгие разговоры со стариками из совета Мастеров, не зря подмазывал чиновников тирана. Вот он, первый набор на отделение расчислителей! Вот те, кто продолжит его дело, кому он сможет доверить...

После короткого стука в двери заглянул Тубор.

— Они приехали, ректор.

— Сколько их?

— Девять. Луто Калабрино отказался.

— Чем объяснил?

— Семейное предприятие, — пожал плечами помощник. — Его отец собирается передать управление Луто, а расчисления считает блажью.

— Жаль, — поджал губы ректор. — Умный мальчик, он подавал надежды.

— Вы правы, ректор.

— Хорошо, — опираясь на край стола, Гаспия поднялся. — Скажи, я скоро буду. Впрочем, не говори ничего, пусть ждут в зале общих собраний. Я скоро буду.

Тубор вышел. Ректор снял шерстяной плащ, кинул на спинку кресла. Туда же отправился тёплый вязаный колпак. Из недр шкафа появился форменный камзол: с позуменами, орденом Тритона в петличке, с позолоченными пуговицами, на каждой герб училища — перо и счёты. Сапоги сменились тяжёлыми ботфортами. Ректор выпрямился, плотно сжал губы, выпятил подбородок. Он — Фрок Гаспия, тот, кого за глаза называют

Великим. Ученики не должны видеть его немощи, довольного того, что о ней знает Тубор. Редкая побрякушка — форменная трость с набалдашником в виде головы тритона. Одна из двух побрякушек, на самом деле. Вторая — основательное кресло в зале общих собраний. Он всё же не молод, и имеет право вести занятия сидя.

Не доходя до зала общих собраний, он свернул в сторону, прошёл коротким узким коридорчиком. Здесь ещё во времена Гур Угона устроили маленькую комнатку, из которой можно было тайно наблюдать за залом общих собраний. Ректор присел на шаткий табурет, прижался лицом к стене.

Через крошечную дырочку в деревянной панели он увидел их, тех, кто продолжит его дело. Если им хватит сил.

Вот сёстры Понг, Ро и По. Улыбка осветила лицо ректора. Умненькие, да, очень умненькие девочки, хотя и выглядят странно. Но не в их уме соль, а в том, что они первые девушки-расчислители. Обязательно станут настоящими расчислителями!

Вот Морлис. Тубор не верит, что из юноши выйдет толк. «Он многого не понимает и не хочет, учитель», — говорит он. Зато Морлис невероятно энергичен и предприимчив, и каждое дело доводит до конца. Возможно, из него получится хороший, нет, лучший управляющий! Тот, кто не просто командует, а ещё и понимает, чем заняты его подчинённые. Такие тоже нужны, без таких не достичь того, что задумано.

Грууно, Су Лонг, троица друзей из Паламута, все они талантливы по-своему. А вот, — Фрок Гаспия с завистью выдохнул, — тот, кому покорятся вершины, тот, за кем он осторожно присматривал последние три года.

Сорби Гуан! Парень сам не знает ещё своих способностей, а Гаспия не видит их пределов. Он сделает всё, чтобы раскрыть их до конца.

Если ему хватит времени.

Будущие расчислители тихо переговаривались и ждали. Не стоит особенно томить их.

— Здравствуйте. Друзья мои! — остановившись в дверях, сказал ректор. Шепотки и разговоры стихли. Девять пар глаз обратились в его сторону. — Рад приветствовать вас в этих стенах, — и добавил, помолчав: — Тех, кто пожелает остаться.

Молодые люди переглянулись.

— Простите, ректор, — покраснев от смущения, сказал, вставая, Морлис. — Что значит, кто пожелает?

— Это самый главный вопрос, — ответил Фрок Гаспия. — Прежде чем отвечу, — он с улыбкой посмотрел на молодёжь, — позвольте, я сяду? Спасибо.

Устроившись в кресле и вытянув ноги, Гаспия без улыбки оглядел сидящих претендентов в расчислители и произнёс:

— То, чему я собираюсь вас учить, — не обычная наука. Она полная тайн, и главная из них — её происхождение. Это секрет не для посторонних, он не должен выйти за пределы Группий-Норса. Говоря попросту: вы не скоро сможете вернуться домой, увидеть родных людей и места.

— Сколько?

Это спросил один из паламутской троицы, самый старший. Он был бледен и решителен. Впрочем, неудивительно, все уроженцы Паламута такие.

— Десять лет, — коротко ответил ректор. — По меньшей мере.

— А письма?

— Сколько угодно, — пожал плечами ректор. — Готовое к отправлению письмо сдаёте

моему секретарю, Тубору. — Стоявший в дверях Тубор коротко поклонился. — Он читает, потом отправляет. Если у него возникнут сомнения, то письмо читаю я. Секреты, которые вы узнаете, не должны покинуть Лардию. Десять лет не должны.

— А потом? — не унимался паламутец.

— Потом многое изменится, — сказал Фрок Гаспия. — Или не изменится, значит, секреты останутся здесь.

— Спасибо, ректор, — кивнул паламутец и сел.

— Итак, сейчас вы подпишете обязательство хранить тайну, — сказал Гаспия. — С этого момента вы станете полноправными слушателями лардийского расчислительного училища. И людьми, которые ежеминутно находятся под присмотром лардийской службы охраны. Это, — он обвёл слушателей взглядом, — очень серьёзная организация. Очень. Итак, приступай, Тубор!

В руках у секретаря появилась толстая книга в кожаном переплёте. Раскрыв её примерно на середине, Тубор вышел вперёд и положил книгу на стол рядом с креслом ректора.

— Морлис из семьи Морлис дома Морлис, Объединение Туан! — громко объявил он. — Вы первый, подходите.

Морлис поднялся, на негнущихся ногах подошёл к столу. Взял в руки перо, долго читал, потом поёжился и поставил свою подпись.

— Поздравляю, отныне вы слушатель лардийского училища расчислений, — торжественно сказал Тубор. — Можете вернуться на место. Грууно из рода...

...Сорби сидел ни жив, ни мёртв. Откуда родители знали? Ведь они знали, не зря они были так печальны! Они предчувствовали, что Сорби уезжает надолго. Десять лет, может быть, больше! Мама, папа, какой же он был глупый и невнимательный сын, как он мог не понять? Но откуда они могли знать? И что ему делать теперь? Ведь он мечтал, он строил планы, и его вызвали... Зато можно будет писать письма! И получать их.

— Чего сидишь? Тебя вызывают.

Сорби дёрнулся от тычка в бок, посмотрел на Морлиса шалыми глазами, пробормотал:

— Да, простите, господин Тубор...

Когда Сорби вставал и шагал к столу, его колотило от волнения. Взяв в руки перо, неожиданно успокоился. Ректор Фрок Гаспия сказал совсем немного, но эти слова стоили целой страницы запретов, изложенный в книге. Запретов, которые следовало исполнять. Сорби принял их как должное и поставил свою подпись в нужной графе.

Скоро пришла очередь паламутцев, они поднялись все трое, одновременно, и старший сказал:

— Республика Паламут против запретов. Мы отказываемся от обучения.

— Все трое? — приподнял брови Гаспия.

— Да, ректор.

— Жаль, — ректор пожевал губами. — Однако, ничего не могу сделать. Отказаться — ваше право. Тубор проводит вас к машине.

Сорби сидел, обескураженно пялясь в двери, которые только что закрылись за паламутцами. Смотрел и не видел их, а в голове билась одна мысль: ушли, а он даже не узнал их имён!». Но как такое возможно — отказаться от обучения? Ехать через весь материк, а Паламут куда как дальше Морси, и уйти вот так, запросто?!

— Вы здесь, господин Гуан?

Кровь бросилась Сорби в лицо. Все молча смотрели на него, но, самое ужасное, недовольно и пристально глядел на него ректор Фрок Гаспия. Сорби стало так стыдно, что он согласился бы умереть, только бы не испытывать на себе этого взгляда. Сорби облизал губы и выдавил непослушными губами:

— Извините, господин ректор, я слушаю вас.

— Хорошо, господин Гуан, я уж думал, вы тоже нас покинули.

Ректор неожиданно улыбнулся, тепло и широко, совсем как отец, и Сорби отпустило. Он сглотнул и несмело улыбнулся в ответ.

— Итак, о чём я хотел сказать, — заговорил Гаспия, умахиваясь в кресле поудобнее. — Вас осталось шестеро. Это неожиданно, но в любой неприятности есть и хорошая сторона. Вас меньше, чем планировалось изначально, значит, каждому достанется больше моего внимания и внимания моих помощников. Господина Тубора вы уже знаете, потом познакомьтесь и с остальными. А теперь о причинах, которые заставили нас составить этот документ.

Ректор указал на книгу в руках Тубора.

— Дело в том, — продолжил он, — что Великий Тритон в некотором смысле на самом деле существует, и Мир находится внутри него.

Молодёжь с удивлением переглянулась между собой, а Морлис даже пожал плечами. Существование Великого Тритона давно доказано наукой, какие тут могут быть секреты?

Гаспия помолчал, с усмешкой глядя на них, потом сказал:

— И там, вонне, за границами Мира, тоже живут люди!

— Ого, — не удержался Морлис, и близняшки Понг разом ахнули.

— И мы, мастера города Умелых, научились с ними общаться, — торжествующе закончил мысль Фрок Гаспия.

— В поезде шикарнее было, но и тут ничего, — заявил Морлис, с ногами забираясь на диван.

Сорби кивнул.

Их с Морлисом поселили в один... Сорби затруднился бы правильно назвать их новое жилище. Судя по стенам, сложенным из необработанного дикого камня, и по низкому потолку, то это келья или даже каземат. Но от большого камина шло живое тепло, а в воздухе витал тот особенный запах, что присущ сгорающему углю. Крепкие, основательные кровати были застланы добротным бельём, а поверх белья — мягкими покрывалами с золотой нитью. Стену слева от входной двери занимал платяной шкаф, а справа громоздился комод со множеством ящичков и отделений. Посредине комнаты, — да именно комнаты, как в неплохой гостинице! — стоял длинный полированный стол, а на нём — две пачки бумаги, стакан с карандашами и ещё какие-то канцелярские мелочи. Рядом с камином имелась дверь, за которой пряталась умывальня. Скромнее, чем в поезде, однако в каменной ванне вполне поместились бы два человека.

«Вы должны учиться и работать с радостью, — объяснял им ректор Фрок Гаспия. — Я лишил вас дома и родных людей, должен я сделать что-то взамен? Ваши жилища — самое малое, что я могу предпринять».

— Что будем делать завтра? — спросил Морлис. — Господин ректор дал нам два дня на устройство, не сидеть же в этих стенах?

— Не знаю пока, — пробормотал Сорди. Он до сих пор не мог прийти в себя, рассказ

ректора породил лавину в его голове, и она перемешала в сознании всё, и когда теперь содержимое черепной коробки уляжется, знал только Великий Тритон.

Электрические расчислители реальны! Они во много раз быстрее механических, к котором привык Сорби. Впрочем, это мелочи, жизнь так устроена, что всегда появляется что-то новое. Он привыкнет и научится, иначе зачем он приехал в Лардию? Но внешние люди? Ведь это они подарили мастерам знание устройства и принципов работы электрических расчислителей! Понятно, что мастера держат эту тайну в секрете, и уж наверное, у внешних не одна такая тайна, и сколько их ещё предстоит узнать!

— Что? — Сорби помотал головой и непонимающе посмотрел на Морлиса. — Чтоты сказал?

— Однако, ты рассеянный, дружище! — засмеялся Морлис. — Будешь таким, я запросто отобью у тебя Ро.

— Ро? — удивился Сорби.

— Или Ко, — легко изменил мнение Морлис. — Или обеих сразу.

— Но почему?..

— Странный ты, — сказал Морлис. — Невнимательный какой-то, не замечаешь самых простых вещей. Близняшки положили на тебя глаз. Будешь тормозить, останешься ни с чем.

— Да я, на самом деле... — начал оправдываться Сорби.

— Да, — не обратил на его слова внимания Морлис, — они скоро придут. Мы же договорились посидеть сегодня вечером. Ты что, забыл?

— Нет, но...

— Ты всё-таки забыл! — пуще прошлого рассмеялся Морлис. — Берегись, я твой друг, я, может, и не стану отбивать у тебя сестричек, но есть ещё Грууно и Су Лонг. Думаешь, им понравится, что тебе всё, а остальным ничего?

— Да что мне всё-то?! — не выдержал Сорби. — Я ничего такого не собираюсь. У меня, если хочешь знать, есть девушка!

— Здесь? — спросил Морлис.

— Нет, но...

— Ага, — усмехнулся Морлис. — Мне ты это зачем говоришь? Сестричкам объясняй. Вот, кстати, и они!

Сорби испуганно обернулся; рот его сам собой открылся от удивления: близняшки стояли на пороге. Они переменились. Ко словно облили серебром, Ро светилась золотом. Две изящные статуэтки — в их полный девичий рост! Только глаза остались прежними, зелёными у Ко и ярко-синими у Ро.

— Вы нас ждали, мльчики? — пропела Ко.

— И мы пршли, — не дожидаясь ответа, пропела Ро.

— И принесли угощения! — допели они хором.

Угощением оказался большой мясной пирог.

— Здесь неподалёку отличная кухня, мльчики, — объяснила Ро. — Там есть всё-всё, и плита, и сквородки с кастрюлями, и всякая всячина! Вот мы и воспользовались.

Кормили в училище сытно и вкусно, только Сорби думал, что еду доставляют из города. Прогуляться по галереям и коридорам училища он не догадался, да и времени не было. А вот сестрички время наши.

— У нас тоже есть кое-что! — объявил Морлис.

Ещё в первый день, когда усаый человек в кожаной куртке, который так и не

представился, привозил их вещи, Морлис и Сорби напросились вместе с ним. Вагоны так и стояли в тупике, окружив столб-опору, лишь вагон из Паламута по понятным причинам исчез. Пройдя по pokojам, приятели набрали разных вкусностей. Совесть их не мучила: всё оплачено городом Умелых, оплачено училищем расчислителей, так чего добру пропадать? Не дарить же это всё стальному пути? Вернувшись в училище, они забили ледник, который обнаружился среди ящиков комода, до упора, а остатки раздали остальным парням. Так было справедливо. Близняшки отказались. «Кпчёное и солёное плохо влияет на фигуру», — объяснила Ко.

Среди добычи оказалось и несколько бутылок вина. Одна из них заняла теперь важное место за столом.

— Пируем! — радостно сказал Морлис, взрезая пирог. По комнате поплыл одуряюще-прекрасный дух печёного в специях мяса. — Ах, какие вы, девочки, молодцы и умницы!

— Мы старались, — притушив зелень глаз, произнесла Ро.

Налили.

Выпили.

Сорби попробовал пирог — и на время пропал для Мира! Ещё несколько минут назад вкуснейшей вещью на свете он считал копчёную на открытом огне желтобрюшку. Пирог, который состряпали близняшки, отодвинул её далеко в сторону. Такое блюдо, существуй на свете боги кроме Тритона, только им на стол подавать! Сорби не заметил, как очистил тарелку наполовину, а ведь Морлис не пожадничал, положил ему здоровенный кус. Как и себе, конечно. Девушки, а они взяли по совсем маленькому кусочку, довольно наблюдали за уничтожением их пирога. Ещё бы не радоваться! Любой хозяйке приятно, когда мужчина ест да нахваливает.

Налили снова.

— А что вы не едите? — спросил у близняшек Сорби.

— Фигура, — шутливо-печально сказала Ко и потянулась. Глядя на неё, Ро скорбно опустила уголки губ и тоже привстала, демонстрируя фигуру. Шуршала серебристая и золотистая ткань, скользя по телам, и было похоже, что под нею нет более ничего. Только сами близняшки.

Потом они снова сели, но уже на диван, вплотную к Сорби, Ро слева, а Ко справа, так близко, что от их горячих тел Сорби бросило в жар. Близняшки переглянулись и одновременно требовательно посмотрели на Морлиса.

— Я, пожалуй, пойду прогуляюсь, — сказал Морлис. — Вино такое пьяное, голова закружилась.

Он скривил в улыбке губы, а потом внезапно подмигнул Сорби: не теряйся, мол. И вышел.

— Сорби, золотой наш, — заговорила Ро, — дверь у вас внутрь открывается?

— Д-да, — подтвердил парень.

— Подопри её чем-нибудь? — загадочно улыбаясь, продолжила за сестрой Ко. — Вдруг кто войдёт не вовремя?

— Зачем подпирать, — пожал плечами Сорби, который уже всё понял, — если засов есть?

Тому, кто обитал здесь до них с Морлисом, было нечего скрывать. Пока Сорби дрожащими руками шуровал между боковиной шкафа и стеной, пока укладывал тяжёлую доску в пазы, за спиной раздавались тихие смешки и шелест. Потом всё стихло, и

послышался шум воды.

Сорби обернулся.

Диван был пуст, только лежали рядышком два комбинезона — золотой и серебристый, и два таких же парика...

Сорби сглотнул. Захотелось сбежать, сейчас же сбежать, как тогда, в поезде! И стало стыдно: неужели он опять сбежит?

Лицо пылало. Путаясь в одежде, Сорби разделся.

— Где же ты, Сорби? — позвала из-за двери Ро. Или Ко? Он ещё не научился распознавать девушек по голосу.

— Иду, — хрипло ответил Сорби и, прикрывая руками пах, ступил в умывальню.

Голенькие близняшки стояли по сторонам ванны и смотрели на него.

— Ты такой смешной, — сказала Ко. — Зачем ты прячешься?

— Я... — Сорби не нашёлся и опустил руки.

— Так лучше, — улыбнулась Ро. — Так видно, что ты настоящий мужчина. Иди к нам, ты должен выбрать, кто из нас лучше.

— А если, — делая шаг вперёд, выдавил Сорби, — я не смогу... выбрать?

— Это будет не страшно, — ответила Ко и положила руки ему на плечи. «Как же Лойна?» — подумал было Сорби, и... ему стало не до мыслей.

Потом, когда всё кончилось, они сидели на диване и пили вино.

— Она очень старая, — сказала Ко.

— Кто? — спросил Сорби.

— Ла Отонг, — ответила девушка.

Сорби кивнул. Его совсем не интересовала какая-то старуха из далёкого Кранга. Рядом, скрестив ноги и закинув за голову руки, сидела та, кто сделал его настоящим мужчиной. Одна из тех, поправил он себя. Настоящий мужчина не тот, у которого есть кое-что между ног. Настоящий мужчина тот, кто хоть раз был с женщиной. Так думал Сорби, и кто скажет, что он неправ? А хоть бы и скажет. Главное, что думает он сам!

У Ко была гладкая, чуть желтоватая кожа, а на теле ни единого волоска, даже на голове. Так же выглядела и Ро, но Сорби не видел ей сейчас, он смотрел на Ко, он видел её сразу всю, и от этого зрелища снова возбудился.

— О! — сказала Ро. — Ты снова готов, ты большой молодец. Только не прячься, не прячься от меня! Пойми, любой женщине приятно это видеть. Значит, она красива, значит, её хотят. И пусть ты смотришь на сестру, мне... не жалко! Слушай, я пока поиграю...

— Её зовут Ла Отонг, — повторила Ко и погладила гладкую, круглую как шар голову Ро. — Ты хотел знать, почему именно ты? Я расскажу.

— Да, — пробормотал Сорби.

Оказалось, можно слушать и наслаждаться одновременно, особенно, если ты ничего не делаешь сам.

Ла Отонг жила на окраине столицы Кранга, великого города Гаратонга. Она была богата. Богата так, как и не снилось большинству столичных жителей. Кое-что осталось ей по наследству, род Отонг издавна славился зажиточностью, но большую часть Ла заработала сама.

Она гадала на судьбу, гадала удачно, и золото ручьями стекалось в сундуки, которые хранились в лучших банках Кранга.

Итак, Ло Отонг была богата и могла позволить себе купить самый роскошный дом в центре Гаратонга или построить новый, такой, что богачи из богачей побледнели бы от зависти. Но Ло жила скромно. Двухэтажный домик у реки. На первом размещалась охрана, ведь, несмотря на скромность, Ло Отонг была далеко не глупа и понимала, что непременно найдутся охотники на её деньги. На втором обреталась сама Ло.

Сёстры Понг пришли к ней под вечер. Они с радостью явились бы утром: жилище Отонг слыло местом жутковатым, как и сама хозяйка. Охрана, которую близняшки заметили снизу, показалась им излишней. Не будь необходимости, они обошли бы жилище Отонг стороной. Наверное, старуха не зря содержала охранников. Не все такие чувствительные, как юные Понг...

Гадалка приняла их в маленькой комнатке без окон. Здесь пахло пылью, старой кожей, сухими травами и благовониями. Несмотря на духоту, Ло Отонг куталась в тёплую шаль; её голову прикрывала мохнатая шапка.

— Что вы хотите знать? — неожиданно сильным голосом поинтересовалась она, когда близняшки передали деньги и устроились перед нею на низенькой кушетке.

— Мы едем... — нерешительно начала Ро.

— Я знаю, куда вы едете. Это не секрет, — оборвала её старуха. — Что вы хотите знать? Сёстры переглянулись.

— Дочери Кранга редко выезжают в Большой Мир, — начала Ро.

— В большой и опасный Большой Мир, — подхватила Ко.

Они заговорили попеременно, едва не перебивая друг друга.

— Там не будет родителей.

— Там не будет воинов Кранга.

— Там некому будет нас защитить!

— Что нам делать, мудрая?

— Кого держаться?

— Аха-ха, закудахтали! — хрипло засмеялась гадалка. — Если вы так боитесь, оставайтесь дома.

— Мы не можем, госпожа Ло, — произнесла Ко. — Училище расчислителей — великая честь и для нас, и для всего Кранга. Мы не можем не ехать.

— Не мо-ожем, — передразнила ей старая Ло Отонг. Помолчала, переводя колочих взгляд с Ко на Ро и обратно. — Ладно.

На свет появилась маленькая бронзовая жаровня. Гадалка бросила на неё каких-то веточек и протёртых в труху листьев, затем запалила огонь. Когда он разгорелся, она бросила сверху щепотку жёлтого порошка; по комнате поплыл едкий, чуть кисловатый дым.

— Сидите тихо, — приказала гадалка. — Не двигайтесь, иначе...

Она не договорила. Глаза старухи закрылись, она замерла, как большая облезлая птица.

Потекли минуты. Близняшки, помня приказ гадалки, не двигались и почти не дышали. Тяжёлый дым наполнил комнату. У Ро от него начала кружиться голова. Ко стало казаться, что из теней в углах за нею наблюдает кто-то могучий и равнодушный, для кого человеческая жизнь значит не более, чем жизнь жука на дорожке. Раз — и нету. Не со зла, просто оказался в неудачное время не в том месте.

Тишина и молчание стали тягостными. Дым расслоился, стелился по ногам пластами, скрыл от глаз нарядные туфли, потом богатые шаровары, потом скрыл всё, весь Мир. Остались только головы. Их с сестрой головы, а напротив — голова старухи с закрытыми

глазами.

— А-ах!

Наваждение сгнуло. Они всё так же сидели перед гадалкой, а она смотрела на них и весело скалилась.

— Что ты узнала, мудрая? — рискнула спросить Ко.

— Не бойтесь, — ответила Ла Отонг. — Никто не причинит вам зла. Тирания Лардии будет вам защитой. А теперь идите.

— Да, госпожа!

Близняшки торопливо поднялись и, кланяясь, направились к выходу.

— Ещё добавлю, — догнал их ехидный старушечий голос. — От себя добавлю, бескорыстно.

Сёстры обернулись.

— Там будет мальчик, юноша, — светя пожелтевшими зубами, продолжила Ла Отонг. — Его зовут Сорби. Он станет... — она помолчала, сверля их взглядом, потом вздохнула: — Неважно, кем он станет. Будет умно держаться его. Очень умно. Ведь вы же умные девочки?

— То есть... — От обиды у Сорби запершило в горле. Он схватил стакан, залпом опрокинул его и не почувствовал вкуса. — То есть, меня вам сосватала гадалка? Просто гадалка нагадала? Я тут вовсе ни при чём?

— Не обижайся, — сказала Ро.

— Пжалуйста, не обижайся! — поддержала её сестра.

— Мы и забыли про эти слова, ты понравился сам по себе, а вот сейчас — вспомнили!

— Вспомнили... — эхом отозвалась Ко.

— Сейчас, после всего, — лукаво посмотрела на него Ро.

— Только сейчас, — кивнула Ко. — Так ты не обижаешься?

— Хорошо, — ответил Сорби. Он бы и хотел обидеться, но разве можно обижаться на тех, кто сделал его настоящим мужчиной.

— Кажется, пора одеваться, — снова улыбнулась Ро. — Твой друг заждался.

— Да, конечно!

Сорби соскочил с дивана, напялил штаны, влез в рубаху. Как он не торопился, девушки успели одновременно с ним. Комбинезоны — серебряный и золотой, парики... Ко даже наклеила ресницы и нарисовала брови, не отличишь от настоящих. Ро, в отличии от сестры, не спешила делать лицо, но покрасила щёки чёрным.

— Зачем это? — удивился Сорби.

— Ты выбрал? — вопросом на вопрос ответила она.

— Н-нет, — помотал тот головой. — Я не знаю, я не могу выбрать. Почему я должен выбирать?!

— Не должен, — сказала Ро. — Это только значит, что мы всё ещё свободны. И я, и Ко. Открывай уже, Морлис ждёт, наверное.

Действительно, стоило Сорби убрать засов, как вошёл Морлис. Он как будто за дверью стоял, подумалось Сорби. Слушал? Интересно, что он услышал?

— Хочешь вина?

Ро поднялась с дивана, со стаканом в руке подошла к Морлисом.

— Спасибо, не откажусь, — ответил тот и принял стакан.

— Помоги мне умыться, — попросила Ро, принимая стакан обратно. — Я такая замарашка!

Сестрички оказались весьма изобретательны в любовных играх. С каждой встречей, с каждым прожитым рядом с ними десятком ночей Сорби узнавал много интересного.

Но куда интереснее были его дни.

— К чему, интересно, это можно приспособить? — почёсывая в редкой рыжей бороде, пробормотал До Синг.

Мастер-стекольщик Лордун вытер руки о кожаный фартук и подошёл помощнику. Перед ними на длинном верстаке рядами стояли странные пузырьки не пузырьки, колбы не колбы, флаконы не флаконы. Более всего они напоминали лекарские банки на спину. Напоминали бы, если... Никто не делает таких вытянутых банок, они не станут держаться на коже, отвалятся, пустив всё лечение насмарку.

— Знаешь, До, — сказал Лордун, — я бы назвал их склянками для духов и притираний.

— Да? — с сомнением произнёс До Синг. — Дамы, а значит и парфюмеры, любят изящные вещишки, а это...

— Да, изящества им не хватает, — согласился Лордун. — И заказала их не гильдия парфюмеров, а училище расчислителей. Господин наш Фрок Гаспия вряд ли разливает духи.

— Смеёшься, Мастер? — поднял на него взгляд помощник. — Духи разливают в пустые склянки, а где ты видел тут пустоту? Я гору сырья испортил, прежде чем научился уверенно помещать туда *это*. Ну, — он с опаской посмотрел на Мастера, — горку.

В самом деле, внутри каждой стеклянной ёмкости были надёжно вплавлены металлические детали: затейливого вида проволоочки, решёточки, трубочки, хитро скрученные раковинки. Из запаянных горловин торчали стальные ножи.

— Можно предположить, — Мастер Лордун поднёс к глазам одно из изделий, — что это новомодные электрические светильники.

— Воистину, Мастер! — усмехнулся До Синг. — Но светят они слабо.

— Проверял? — приподнял брови стекольщик.

— Проверял, — кивнул подручный. — Совсем слабо, никому такие светильники не нужны. Но есть ещё с тремя ножками, с пятью и более. Не представляю, как и куда их возможно подключить. Я и так делал и эдак... Напрасные старания.

— Как бы твои старания нам камнем на голову не свалились, — проворчал Лордун. — Не знаешь, для чего предназначено, не надо рисковать. Впрочем, это не наше дело! — Мастер решительно возвратил поделку на верстак. — Фрок Гаспия платит, причём, платит хорошо, а мы делаем. Посмотри лучше сюда...

Вернувшись к своему столу, он расстелил на нём чертёж.

— Экая колбища! — присвистнул До Синг.

— Стоит поболее всего прочего, — сказал Мастер. — Так что не надо думать. Вернее, думать следует, но только о том, как лучше и быстрее исполнить заказ.

Похожие разговоры вели со своими помощниками и другие Мастера. Химики, металлурги, текстильщики. Никто не понимал, что задумал Фрок Гаспия, но деньги училище платило хорошие и вовремя. Значит, разговоры побоку.

Сорби изменился. Раньше, только появившись в городе Мастеров, он был, скорее, подростком, тощим и несколько нескладным, и почему только приглянулся близняшкам Понг? Прошло время, и он подрос и расправил плечи. Глаза взирали на мир уверенно, черты лица не то, чтобы огрубели, но появилась в них взрослая жёсткость. В движениях пропала юношеская суетливость. В любой день, кроме...

Сегодня он вбежал к ректору Фроку Гаспия как обычный мальчишка и закричал с порога:

— Привезли!

— Давно пора, — отозвался ректор.

Вцепившись в спинку кресла, он медленно встал, после накинул тёплый плащ. Кивнул Сорби: — Помоги, парень.

Сорби с готовностью подхватил ректора под руку и осторожно повёл его вперёд, принаравливаясь к шагам старика. Фрок Гаспия давно расстался с форсом, спрятал подальше высокие сапоги с серебряными пряжками и камзолы с высоким воротником. На ногах его были войлочные чуни, а под ними — толстый шерстяной носок, и всё равно ректор немилосердно мёрз в коридорах и залах расчислительного училища. Только в собственном кабинете, у горящего камина его отпускала ломота в костях, но не просидишь же остаток дней у печи? Особенно сейчас, когда дело жизни наконец начало приносить плоды.

Пройдя галереей, которая соединяла кабинет ректора и комнаты учеников, ставших теперь сотрудниками, Гаспия и Сорби спустились по деревянной лестнице во внутренний дворик училища. Все уже были здесь. Суетились понукаемые Тубором грузчики, Морлис, Грууно и Су Лонг готовились помогать, если те не справятся. Близнецы Понг расположились поодаль, не встречая. Не девичье дело таскать этакие грузы.

Длинные, обшитые деревом, скреплённый коваными скобами ящики стояли на открытой роторной платформе. Два к приходу ректора успели сгрузить, оставалось семь.

Завидев Гаспия, девушки подтащили ему принесённое откуда-то кресло. Ректор с благодарностью сел: небольшая прогулка далась ему нелегко, хорошо, лето, иначе он не рискнул бы покинуть кабинет.

— Ректор, — доложил Тубор, когда ящики заняли место у стены. — Их куда? В мастерскую или вниз?

Для решающего испытания приготовили два места, главную мастерскую училища и подземелье. Подготовили, но так и не выбрали, и сделать это требовалось сейчас.

— В подземелье перенести, — подумав, решил Гаспия. — Там всё что надо есть, а окон нет, лишнего никто не увидит.

Опасения были напрасными. Кто без позволения сможет проникнуть в расчислительное училище? Да ещё и задержаться настолько, чтобы начать что-то вынюхивать. Но осторожность, рассудил ректор, не повредит. Тирания Лардия государство небольшое, но богатое. Причём особенно стало богатеть в последние годы, когда были обнаружены Внешние. Пусть про них мало кто знает, но в соседних странах достаточно умных людей, умеющих работать с разрозненными сведениями. Так что «любопытных гостей» в городе Мастеров хватало. Их ловили и отправляли назад — если они не раздобыли ничего особо лакомого. Бывало, успевали и разнюхать; судьбе таких завидовать не стоило. Фрок Гаспия предпочитал об этом не думать, зато не забывал хвалить себя за правильный выбор, который он сделал когда-то. Когда же это было? Лет пятьдесят назад, а то и больше! Да, идёт время. Пора и сменщика присматривать. О том, кто подхватит его дело и потащит вперёд. Работы с умениями Внешних непочатый край, за сто лет не переделаешь, а ведь надо и о будущем думать. Кто же? Тубор? Человек исполнительный, пунктуальный, но нет в нём огня. Так что Тубор займёт его место только в крайнем случае. Вернее, ректором ему быть вполне по силам, но двигать исследования должен кто-то другой.

— Готово, господин ректор.

Голос Тубора прервал размышления, отчего Гаспия испытал резкое, хотя и недолгое неудовольствие. Ректору стало даже немного неудобно за это своё чувство. Откуда бы помощнику знать, что начальство задумалось о высоком?

Кроме Тубора, во дворе остались Сорби Гуан и сёстры Понг. Тубор — его секретарь, разумеется, он остался. С Гуаном тоже понятно, мальчик ответственный, привёл престарелого человека во двор и считает своим долгом отвести потом, куда тот пожелает. А вот сестрички... По женской природе любопытные, должны быть в подземелье, у ящиков, подпрыгивать от нетерпения. Но они тут, при нём. Да, вот и причина, и она проста. Не при нём они, а вовсе при Сорби! Людей в училище мало, хранить секреты трудно. Даже до него, ректора, доходили слухи о весёлой жизни Сорби и сестричек, и даже в подробностях. Но их дело молодое. Сорби симпатичен, а нравы в Кранге свободные. И не его, старика, это дело, кто с кем спит! Ему не о девицах следует думать, а о скорой встрече с Тритоном. Которой может и не произойти. Годы научили ректора, что особой силы, управляющей Миром, нет. Уж больно много творится в нём зла и обыкновенной глупости. Да и Внешние за прошедшие десятилетия ни словом, ни намёком не помянули Тритона. Им или запрещено, или они о нём не знают. Ректор всё более склонялся ко второму. Хотя... хочется жить, Тритон, как же хочется жить, особенно сейчас!

— Кха-кха, и нам пора, — откашлявшись, сказал Гаспия. — Идёмте, друзья.

В подземелье всё было готово. Ящики разложены по столам, Грууно и Морлис аккуратно вскрывали один за другим, а Су Лонг бережно доставал их содержимое. Из кармана его куртки выглядывал листок с планом. Су Лонг с этим планом регулярно сверялся. Пока ректор устроился в кресле, пока закутал ноги тёплой накидкой, все детали уже лежали в нужном порядке.

— Соединяем, господин ректор? — осведомился Сорби.

— Иначе зачем мы здесь? — улыбнулся Гаспия.

Работа закипела. Сорби был везде одновременно. Под его присмотром содержимое ящиков расположили полукругом и соединили электрическими шнурами. В центре полукруга положили толстую деревянную плиту, испещрённую отверстиями и гнёздами; между ними протянулись барьеры из толстой кожи водяной свиньи. В канавках, изрезавших поверхность плиты, виднелись уложенные загодя провода в яркой матерчатой оплётке. Из отдельного ящика Сорби доставал и крепил на плите стеклянные колбы разных видов и размеров. «*Лампы, электронные лампы*, — вспомнил ректор, — так их называли Внешние». В центре плиты Сорби установил ещё одну лампу, самую большую и тяжёлую. Она лежала на боку, широким и плоским концом в сторону ректора. Сверху Сорби прикрыл её жестяным кожухом.

— Вроде всё, — со странной нерешительностью сообщил он.

— Теперь точно да, — подтвердил Морлис. Перед ним на полу лежала другая плита, почти скрытая под мешаниной проводов. «*Коммутационная доска*», — подумал ректор. От *коммутационной доски* к центральной плите бежал ещё один электрический шнур.

У ректора заныло под лопаткой. Он глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух, слушая, как убывает боль. Не хватало отправиться к Тритону прямо сейчас, в миг триумфа!

— Включайте, — стараясь, чтобы голос звучал уверенно, распорядился Гаспия.

Грууно перекинул рубильник и подземелье наполнилось гулом. Сначала ничего не происходило, потом *лампы* прогрелись и осветились неярым красным светом.

Торец *кинескопа*, именно так именовалась главная лампа на языке Внешних, остался

тёмным и пустым. Морлис торжественно перекинул ещё один рубильник. «Слава великому Фроку Гаспия!» — увидел ректор надпись округлыми лардийскими буквами. Эти слова едва уместились на торце *кинескопа* или на экране, если говорить проще.

В груди ректора стало горячо, а буквы расплылись перед глазами. Он потянулся за платком.

— Вы плачете, господин ректор? Не надо, ведь это победа!

Гаспия посмотрел на сказавшую эти слова Ро Понг. «Глупая, — подумал он, — ты даже не понимаешь, что сейчас произошло». Вслух же сказал:

— Прости старика, милая, я так давно этого ждал...

— Что вы, вы совсем не старик, ректор! — возмутилась Ко Понг. Фрок Гаспия махнул на неё рукой.

— Старик, и вы все это знаете. Спасибо, что позволили дожить...

Он закашлялся. Снова заболело под лопаткой, но, несмотря на боль и слёзы Фрока Гаспия переполняли гордость и торжество. Они сделали! Они сделали это сами! Внешние дали только принцип, общее устройство, а все сложности они решили самостоятельно, силами этих мальчиков и девочек. Впрочем, это давно взрослые люди. Те, кто занялся новым и сложным делом, быстро взрослеет... Зато он теперь знает, на кого оставить училище. Не сейчас, пару лет он протянет, но скоро, скоро...

Первыми училище посетили охранники лардийского тирана: немногословные люди в неприметной одежде, с незапоминающимися лицами и колючими глазами. Прошли по комнатам, заглянули в каждый угол, на кухню, в каморку уборщика, в кладовые, не побрезговав и туалетами. И уж само собой, побывали они в покоях ректора и других учёных чинов, в мастерских, в денежном хранилище, оставив после себя ощущение вины. Вроде и не в чем было Мастерам каяться, а всё равно, будто просветили насквозь, вывернули наизнанку, перетрясли бельё, явили пред очи Тритона дела и делишки, хорошие и не слишком, стыдные и не очень, все.

Сорби как раз плескался в умывальне, да не один. Была с ним синеглазка Ро, тоже неодетая.

Дверь открылась без скрипа, в умывальню проскользнул средних лет мужчина. Сорби вскинулся было заявить протест, но взгляд мужчины был таков, что слова застряли в глотке. Не злой, не пристальный, без угрозы, но было понятно, что нет смысла перечить. Не человек прервал их игры — функция. Равнодушная функция, закон природы, с которым не спорят, как не спорят со снегом или ураганом. Они сами проходят, а если к ним готов, то и без следа.

Мужчина обошёл умывальню кругом, открыл и закрыл шкафчики, заглянул под ванну, мазнул взглядом по Сорби и Ро — и вышел, так же молча, как и зашёл.

— Ну и глаза у него, — прошептала Ро. Губы её дрожали. — Как заморозил взглядом, я даже прикрыться не решилась.

— Прикрыться, — пробормотал Сорби. — Знал я, что будут смотреть, но чтобы так... Давай-ка, солнце моё, одеваться. После *этого*, — он передёрнул плечами, — ничего у меня не выйдет, и твоя красота не спасёт.

— Да, — коротко ответила Ро, даже не подумав обидеться. Не до обид, когда душа сжалась от мороза.

Потом охранники скрылись, растворились. Нет, они не ушли, но стали не заметными.

Глаз скользил по их фигурам, не в силах зацепиться. О том, что охрана никуда не делась, напоминала только разлитая в воздухе тяжесть.

Визит самого тирана стал облегчением. Он просто вошёл через двери зала общих собраний, где собрали всех, просто вошёл и огляделся.

— Я Лард Тридцать седьмой, тиран Лардии, — сказал он. — Покажете, на что Лардия тратит деньги?

Тиран был молод, лишь слегка старше Сорби или Морлиса. Одетый неотличимо от своих охранников, в такой же тёмный и незаметный костюм, только в уголке воротника светилась бриллиантовая звезда — знак высшей власти.

— Одну минуту, Ваше Величество, — прошелестел с кресла-каталки Фрок Гаспия.

— Не надо титулов, — покачал головой тиран. — Называй меня просто Лард. Так будет правильно.

— Хорошо, — кивнул белой головой Гаспия. — Хорошо...

Он сильно постарел, кожа на щеках обвисла и пожелтела, и от прежнего ректора остался только взгляд, да и тот вспыхивал лишь изредка.

— Помоги мне, Тубор.

Тубор подкатил коляску с ректором к столу, на котором красовалось то, что Внешние называли *монитором*. За столом в ряд расположились шкафы в полтора человеческого роста.

— Это счётное устройство, — сказал, с усилием всасывая воздух, Фрок Гаспия. — Электрический расчислитель. Полностью... электрический. В нём нет, — он помолчал, собираясь с силами, — механических частей. Он надёжный... Всегда считает правильно.

Договорив, Гаспия согнулся и закашлялся, прижав платок ко рту. В зале было тихо, никто не издавал и звука, а ректор кашлял, кашлял и кашлял, содрогаясь всем телом. Прошла минута, прежде чем он утих, комкая платок в кулаке.

— Вам надо лечиться, ректор Гаспия, — склонив голову, вежливо произнёс Лард.

— Мне надо, — сипло заговорил ректор, — дать жизнь электрическому расчислителю.

— Зачем? — поинтересовался тиран.

— Покажи, Тубор, — попросил Гаспия.

В руках помощника появилась стопка картонных карточек.

— Лард? — поклонившись, он испросил разрешения продолжать.

— Конечно, — улыбнулся тиран.

— Это числа, — заговорил Тубор и положил стопку в прорезь на одном из шкафов. — На каждой карточке число. Прибор посчитает их сумму. Быстро и без ошибок.

Повернул рычаг. Шкафы осветились, ожили. Стопка карточек со стрекотом исчезла в прорези, чтобы через миг появиться в выходном кармане. На экране высветилось длинное число.

— Можете проверить, Лард, — сказал Тубор, с поклоном предлагая тирану стопку картонок.

— Зачем? — усмехнулся тиран. — Я верю. Скажите мне, э-э-э... Тубор, сколько стоит... это?

Он обвёл рукой шкафы и *монитор* на столе. Выслушал ответ и слегка округлил глаза. Самую малость, чтобы показать изумление, но не допустить умаления достоинства. Потом сказал с улыбкой:

— На эти деньги я найму сотню счетоводов и куплю десяток механических расчислителей. Какой мне смысл зря тратить деньги?

— Машина, в отличие от людей, не ошибается, Лард, — сказал Тубор.

— Ерунда. Десяток расчислителей будут проверять работу остальных. Денег всё равно хватит.

— Пройдут годы, и они станут меньше и дешевле, — собравшись с силами, проговорил ректор.

— Сами? — Приподнял левую бровь тиран.

— Мы научимся.

— Научитесь, — согласился Лард. — Только я, боюсь, не доживу. В общем, так. Я не вижу смысла тратиться далее. Поэтому...

«Ведь он артист, — подумал Сорби. — Он играет, ему нужна публика. И это значит, что он решает не только умом, но и чувствами!».

— Лард! — выкрикнул Сорби и тут же замер, стиснутый с боков охраной. Третий охранник сжал ему горло. Так, что воздух с трудом попадал в лёгкие.

— Кто ты? — спросил тиран.

— Сорби Гуан.

Воздух с трудом пробивался через гортань, и Сорби не говорил, а сипел.

— Сорби Гуан... — Лард покатал имя на языке, словно пробуя на вкус. — Я слышал о тебе, — и приказал: — Отпустите его!

— Благодарю, Лард, — прохрипел Сорби.

— Что ты хочешь сказать, Сорби?

— Электрический расчислитель не всегда будет нашей тайной, — тщательно подбирая слова, заговорил Сорби, — тайной тирании Лардии. Кто-то ещё узнает про Внешних, кто-то другой сделает его. И Лардия отстанет, может быть, навсегда. Вам нужна это, — Сорби сглотнул, — Ваше Величество? Лардии нужно это?

Тиран подошёл вплотную и внимательно посмотрел на Сорби. Его стального цвета глаза были лишь капельку теплее глаз охранников, но в них светился интерес.

— Ты не лардиец, Сорби Гуан, — рассуждая вслух, произнёс тиран. — Насколько я помню, ты из Морси. Зачем ты делаешь это? Зачем тебе усиливать Лардию?

Будь обстоятельства другими, Сорби возгордился бы. Ещё бы, сам тиран Лардии знает о нём! Знает имя, знает, откуда он родом. Только сейчас это было неважно.

— Лардия богата, но невелика, — ответил он. — Это значит, что электрические расчислители получают все, кто сможет заплатить. Морси тоже.

— Вот как? — проговорил тиран. — Почему ты так думаешь?

— Не знаю, — глядя на Ларда честными глазами, пожал плечами Сорби. — Мне так кажется.

— Ему так кажется, — покрутил головой тиран Лардии и повторил: — Ему так кажется!

Тиран развернулся и зашагал к дверям. Выходя, он обернулся:

— Пять лет! Слышишь, Сорби Гуан из Морси? Через пять лет покажи мне расчислители меньше, чем эти гробы. Раза в два. А лучше ещё меньше. И раньше.

На этот раз ректор Гуан ехал к родителям один. Удивительно слово — этот. Как будто раньше их было много, а на самом деле этот — только второй! Первый раз он гостил дома десять лет назад, всей семьёй, с женами и детьми. Лойна с вокзала отправилась к своим, показать внука, хотя Лойна — отдельная песня. На морском отделении, где она училась, и куда потом устроилась работать, слыхом не слыхивали ни о Внешних, ни об их секретах, поэтому Лойна отдыхала в Морси каждый год. И уж понятно, виделась с родителями мужа.

Сёстры Понг, как и сам Сорби, покинули в тот раз стены училища впервые. Всё им было внове, всё необычно. Узкая Морсинка умилила близняшек, выросших на берегу пролива. Фруктовые леса вокруг Морси очаровали. В родителей Сорби они влюбились... Сам Сорби был счастлив. Десять лет не видеть родных! Письма — это замечательно, но как хотелось иногда обнять отца, прижаться к маминой груди, вдохнуть их запах... Только не иногда. Всегда. Каждый день, почти каждый час. От тоски спасала работа — и любимые женщины.

Те дни были наполнены суетой, домашними пирогами, посиделками до полуночи.

В этот раз Сорби ждал тишины.

Посидеть с отцом на берегу Морсинки, потягать жёлтобрюшку, потом съесть мамин пирог. И чтобы никто не надоедал своими мелкими делами!

Вагон неощутимо качнулся; поезд тронулся. Поплыл назад старинный вокзал и снова начался Группий-Нойс. Он очень изменился с годами, этот город. Вырос, проглотил почти всю Лардию, только дельта Великой пока держалась. Сорби был почему-то уверен, что вскорости и на воде вырастут жилые дома и мастерские. Её и сейчас почти не видно из окна. Город, город... Сорби немного скучал по воде. Ничего, дома его ждёт Морсинка.

— Турн! — подняв рожок дальнотруба, позвал Сорби. — Расчислитель готов?

— Да, господин ректор, — отозвались с той стороны.

Минуту спустя дверь покоев отъехала в сторону и внутрь проник Турн — один из приданных Сорби охранников. Он с натугой занёс в покои переносной расчислитель. Следом за ним другой охранник, Галон Туа, притащил экран.

— Сейчас, господин ректор, — доложил Турн, сноровисто соединяя провода. — Вот и всё. А связь уж вы сами.

— Иди, — отмахнулся Сорби.

Покой наполнило привычное гудение. Да, тут они пока отстают от Внешних, а если честно, то во многом отстают почти во всё. Впрочем, чего думать о бесполезном? Внешние это Внешние, а Мир это Мир, и вместе им не сойтись.

Экран монитора осветился, появилось приглашение ввести *логин* и *пароль*. Да, уж в чём Внешние обогнали Мир, так это в краткости. Даже в тех инструкциях для расчислителя, которые пишет Морлис, то и дело появляются зубодробительные сообщения, например... Сорби задумался и мысленно махнул рукой. Вспоминать не хотелось, он отравлен краткостью. *Интерфейс* куда лучше, чем «Комплекс средств для обмена сведениями», а «грызун» звучит приятнее, чем «Ручное кнопочное устройство сопряжения координат». Чиновники требуют в документах писать именно так, головоломно. Он борется, но пока без особого успеха. Кстати, у Внешних «грызун» называется особенным словом, только в Мире нет такого зверя, поэтому просто «грызун».

Господин ректор размышлял, а руки делали, набивали на доске нужные знаки.

Разрешающе тренькнул звонок, и перед ректором раскрылись *директории* Хранилища. Путь до Морси займёт полдня, это время можно посвятить работе. Хорошо! Ни секретаря, ни помощников, ни надоедливых посетителей! Целая декада часов спокойствия, здесь некому его отвлекать.

Только если охрана...

Охрана!

Ректор откинулся на спинку дивана. Память послушно перенесла его в рабочий кабинет тирана.

— Зачем мне эти люди, Лард? Я еду к родным, отдыхать и общаться. Они будут только мешать.

— Я не могу отпустить тебя без охраны, — твёрдо сказал Лард Тридцать Седьмой. — И не спорь.

— Но почему?! — закричал Сорби, вскакивая с кресла. — В прошлый раз мы прекрасно обошлись без посторонних, а ведь там были дети. Там были мои жёны, которые тоже кое-что знают!

Тиран не обратил внимания на прыжки приятеля. Это звучало странно, но они в самом деле сошлись: потомственный аристократ, успешный правитель с молодых лет, и обычный расчислитель, правда, весьма талантливый и многообещающий. Трудно сказать, что стало причиной. То ли смелость Сорби на давней встрече, то ли что ещё, но Лард приблизил его. Правителям и аристократам тоже требуется простое общение, требуется человек, с которым можно просто поговорить, не выбирая слов, не ожидая удара из-за угла, не просчитывая дальних последствий. Таким человеком для тирана стал Сорби Гуан.

— Во-первых, — произнёс Лард, — ты не можешь знать достоверно, была охрана или нет.

— Но я не видел...

— Вот именно, — усмехнулся Лард. — Ты не видел. Но охрана была, в поезде вместе с вами ехал мой человек.

— Один человек? — удивился Сорби. — Нас было семеро.

— Нужно больше? — поднял левую бровь правитель. — Кто вы все были? Молодые расчислители. Посвящены вы были в секреты или нет, неизвестно. Никто и не знал, что Тирания обладает какими-то секретами. Расчислителей много по всему Миру, и вы ничем не отличались от прочих. Но мои люди...

— Ты сказал, человек, — напомнил Сорби.

— В поезде — человек, в Морси к нему добавились люди, — пожал плечами Лард. — Так вот, мои люди присматривали за вами, и присматривали неплохо.

— Наверное, — сказал Сорби. — Откуда мне знать.

— Вот именно, — сказал Лард. — И во-вторых. Нынче ты — ректор расчислительного училища. Мало того, ты мой приближённый! Это знают все, и уж конечно, это знают враги Лардии. Так что будешь под охраной. Я сказал.

— Тритон! — выругался Сорби. — Проще не ехать.

— Ну и оставайся, — покладисто произнёс Лард. — Мне меньше хлопот.

— Ну, уж нет! — воскликнул Сорби. — Я поеду, и пусть твои люди, — он постарался добавить язвительности в эти два слова, — постараются.

— Они постараются, — серьёзно сказал Тиран. — Это не только в твоих интересах.

Сорби Гуан не нашёл с ответом.

...Обидно, когда твою свободу ограничивают, но Лард был, конечно, прав. Сорби усмехнулся. Лард очень умён, недалёкие люди не становятся тиранами Лардии и не принимают это имя. В Лардии не существовало формальной династии. Каждого нового тирана выбирали на собрании знатнейших и умнейших. Раньше в совет входил покойный Гаспиа, до него эту тяжесть нёс на своих плечах великий Гур Угон. Теперь пришла очередь Сорби Гуана. Так что охрана необходима. Ничего, он давно привык закрывать глаза на близость посторонних.

Зато, если требуется что-то поднять или перенести, под рукой всегда молодые здоровые парни.

Что у нас случилось за время, что он отсутствовал? Ректор открыл первое сообщение, пробежал его глазами. Это... ладно, это мелочи, Морлис справится. А тут? Господин Гуан задумался, потом ударил по кнопкам. Привычно заскрипела доска.

— Господин ректор...

Сорби недоумённо поднял взгляд на Туа.

— Что случилось?

— Прибыли, господин ректор, — ответил охранник. — Морси.

— Какое?.. — Ректор помотал головой. — Тритон! Забыл про всё на свете!

Он споро закрыл сеанс связи и встал. Спину ломило. Мягкий диван вагона — не лучшая замена жёсткому, но удобному креслу, которое стояло в его собственном кабинете. Однако, он увлёкся!

Вагон стоял на месте. За окном был знакомый вокзал, ходили люди, а вдалеке, у касс дальнего пути Сорби заметил две фигурки. На сердце потеплело, в горле стал ком. Пришли. Папа держится молодцом, а мама постарела, стала такая маленькая и седая...

— Забирайте, — распорядился Сорби, подхватил баул с вещами и вышел в распахнутую дверь покоев. Краем глаза увидел двух шагнувших за ним охранников. Они не лезли вперёд, вежливо держались позади, и Сорби Гуан был им благодарен. Родители охрану заметят, но пусть это произойдёт не сразу.

К утру на Морсинку лёг туман, скрыл обрывистый берег, заросли тростника у воды, съел, заглушил голос механического завода на том берегу. Остались Сорби с отцом, запах дыма, доски мостка и тихий плеск рыбы. Папа, закутавшись в плед, сидел на старом рыбацком ящике и через костёр наблюдал за сыном.

Сорби наслаждался. Рекой, пластами тумана, засеявшего куртку мириадами капелек воды, старой удочкой, которой он пользовался ещё в юности, запахом наживки. Руки и глаза помнили! Сорби выбирал слизней, сажал их на крюки, быстро, будто и не прошли с последней его рыбалки двадцать лет.

— Э-эх, пошла!

Грузило кануло в серо-белёсую мглу, коротко булькнуло. Напрягся и успокоился сторожок. Сорби осторожно прополоскал руки, вытер их о штаны и сел рядом с отцом.

— Помнишь, ты был маленький, и мы ходили сюда вдвоём? — сказал отец.

— Конечно, папа, — ответил Сорби.

— Ты поэтому привёл меня сюда?

— Это лучшее место на реке, — сказал Сорби. — Именно потому, что ты маленьким водил меня сюда.

— Спасибо, сынок.

Отец накрыл его руку своей. Ладонь его была твёрдой, шершавой. Раньше, в детстве, Сорби любил взять отцову ладонь и гладить, гладить жёлтые многолетние мозоли. «Щекотно?» — спрашивал он. — «Нет», — отвечал папа. Щекотно? Нет...

Папа служил учителем, вдавливал историю в юные головы. В те, которые были готовы хоть что-то знать о древних и не очень временах. Всё свободное время родители проводили на крошечном огороде в пригороде, и руки отца были руками рабочего человека.

— Твоя машина... — нерешительно произнёс отец.

— Да, папа?

— Мы действительно сможем разговаривать через неё?

— Ну, не то чтобы разговаривать, — улыбнулся Сорби. — Переписываться. Я научу и тебя и маму.

— Научишь, — вздохнул отец. — Когда-то мы учили тебя, а теперь ты учишь нас... Жизнь изменилась.

— Изменилась, — согласился Сорби.

— Сильно и быстро изменилась, — продолжил отец. Он снова вздохнул, потом повернулся и пристально посмотрел на сына. — Ты помнишь, я преподавал историю?

— Конечно, папа, — сказал Сорби. — Но ты к чему?..

Отец сжал его руку, заставив замолчать.

— Жизнь всегда меняется, — сказал он. — Идёт вперёд. Люди открывают новые земли, совершают открытия!

— Ты сейчас говоришь как учитель, — произнёс Сорби.

— Да, — кивнул отец. — Но никогда она не менялась так быстро, как сейчас. Этот расчислитель, который притащили твои люди, этот новый стальной путь, где нет струны. Всё вокруг!

За стеной тумана коротко и глухо взревел губок.

— Вот, — махнул рукой отец. — Завод этот. Механический. Пусто было сколько лет на том берегу, потом раз — и завод. Не бывает так. Не бывает так быстро.

— Но вот случилось же, — пожал плечами Сорби, глядя мимо отца. Он так хотел избежать этого разговора, он так не хотел врать родному человеку, и что теперь делать?

— Случилось, — подтвердил отец. — Ты имеешь к этому отношение?

— Я? — переспросил Сорби.

— Не ты один, конечно, — отец пожевал тонкими губами. — Лардия, город Умелых, дело, которым ты занимаешься. Иначе к чему вся эта секретность? За двадцать лет ты гостишь у нас только второй раз. И охрана...

— Охрана... — эхом откликнулся Сорби.

— Думаешь, я не заметил, что они вооружены? — заломил бровь отец. — Что скажешь?

— Папа, я... — Сорби не договорил. Он вскочил, потому что сторожок задёргался. Совсем как тогда, двадцать лет назад, когда он познакомился с Лойной. Скоро жирная жёлтобрюшка подпрыгивала на траве, блестя чешуёй. Слизень остался целым, и Сорби закинул снасть снова. Не успела леска лечь на воду, как сторожок затрясся как бешеный. Вторая рыбина булькнула в садок, затем третья, четвёртая.

— Так что, сын? — спросил отец, когда Сорби уверился, что продолжения не будет.

— Папа, я обязался...

— Не бойся, я никому не расскажу.

— Но, папа!..

Старик в очередной раз вздохнул, пошарил рукой под свитером и вынул оттуда сложенный вдвое лист. Сорби видел похожие документы раньше и нехорошее предчувствие шевельнулось в груди.

— Читай, — сказал Гуан-старший.

Сорби взял лист, развернул.

— Сколько? — через минуту спросил он.

— Не больше года, — тихо ответил отец. — Ты успел вовремя.

— И ничего нельзя сделать? — поднял на него глаза Сорби.

— Ничего.

— Мама знает?

— Конечно, — ответил отец. — Ты же видишь, какая она. Мы не хотели тебе говорить, но уж получилось как получилось, — он гулко глотнул. — Так ты расскажешь?

Сорби сжал кулаки. Тритон! До чего же всё гадко!

— Это жизнь, сынок, — сказал отец.

— Хорошо, — ответил Сорби. — Я расскажу.

Он сел, вытянул ноги к огню. С чего же начать?

— Когда-нибудь обращал внимание, какие небесные трубы продаются в наших магазинах? — начал он.

— Небесные трубы? — удивился отец. — Но какое отношение?..

— Самое прямое, — сказал Сорби. — Там продаются очень слабые небесные трубы. Сорок, может быть пятьдесят раз увеличение.

— И что? — недоумённо спросил отец.

— Больше нельзя, — объяснил Сорби. — Запрещено. И не только здесь, в Морси. По всему миру так. Никто не имеет права владеть сильной небесной трубой. Они есть, — Сорби жесток остановил попытавшегося вставить что-то отца. — Они нужны в разных областях. В землеописании, изучении погоды, мореплавании. Их можно купить, но только в Лардии. Их устанавливают на неподвижные, тяжёлые фундаменты. С помощью этих труб нельзя смотреть в небо.

— Но как это возможно? — удивился отец.

— Специальный механизм, — пожал плечами Сорби. — Если угол возвышения... То есть угол от горизонтали становится больше некоторой величины, небесная труба приводится в негодность. Стёкла и зеркала заливает особое масло с металлическим порошком. Жуткая смесь, я тебе скажу. Трубу после неё только выбросить. Ну, или в музей. Если механику, очень постаравшись, ну очень сильно, ещё можно поправить, то линзы будут испорчены безвозвратно.

— Но зачем?! — спросил Гуан-старший.

— Чтобы не смотрели на небо, — сказал Сорби. — Чтобы не увидели того, что не положено видеть посторонним.

— Тянешь скута за уши, — произнёс отец. — Отговариваешься, пускаешь туман. Что именно не положено видеть посторонним?! Что они могут там увидеть, кроме темноты и желудка, будь он неладен, Тритона?! Ну, или что мы принимаем за тритонов желудок...

— Что мы принимаем за тритонов желудок... — задумчиво повторил Сорби. — Ладно, что, в самом деле... Там, — он не договорил, потому что яростно забился сторожок, а удочка, воткнутая в песок, согнулась и грозила вот-вот сломаться!

Потом они несколько минут боролись с крупной рыбиной. Потом отдыхали, бросая друг на друга удивлённые взгляды. Да и как не удивляться, вытащив на берег *это? Это*, по всей видимости, тоже безмерно удивилось, поскольку лежало тихо, только слегка шлёпало по мокрому песку широким плоским хвостом и раздувало жабры.

— Лопатохвост, — произнёс, наконец, отец. — Лет семьдесят прошло с тех пор, как я видел его последний раз. Думал, они у нас и не водятся уже. Твой дед взял меня тогда с собой. Помню, мама ругалась: «Куда ты его тащишь! Сомлеет, заболеет!». А папа только смеялся, да...

Он замолчал.

— Никогда не видел такой рыбы, — признался Сорби. — У нас, там, в дельте Великой, полно всякой рыбы, но и там...

— А я тебе про что? — сказал Гуан-старший. — Некоторые считают, что лопатохвостов вообще выбили. Однако же, вот он. — Отец погладил рыбину вдоль спины, и та лениво изогнулась. — Лакомая добыча, вот мать обрадуется! Она...

— Там каменная стена, — решившись, заговорил Сорби, и отец замер на полуслове. — Бугристая, в трещинах и потёках. И там живут... — Он помялся в поисках верного определения. Споры, кем считать Внешних, велись уже не один десяток лет, и ни одно слово не описывало их исчерпывающе. Кем они точно не были, так это богами. — Мы называем их Внешними. Ещё бытует слово «Наружники», но мне оно не нравится.

— Внешние, — эхом откликнулся отец.

— Да, папа, — сказал Сорби. — Они ушли далеко вперёд, их знания огромны, и они согласны делиться ими.

— А что взамен? — остро взглянув в лицо сына, спросил отец.

— Ты смотришь в корень, папа, — ответил Сорби. — Никто не знает, что они хотят взамен. На прямой вопрос они не ответили.

— Вообще?

— Да, — кивнул Сорби. — Как будто не слышали или не поняли. Хотя всё они поняли!

Не сдержавшись, он сжал кулаки. Фрок Гаспия, разгадавший сигналы Внешних, надеялся, что Внешним не нужно ничего, что они помогают из чистой благожелательности. Может быть, потому, что ищут собеседников. Найдя их в Мире, они жаждут подтянуть их до себя, приблизить к себе, ведь нет смысла беседовать со слабым и глупым! Общаться можно и со зверем, разговаривать и с домашним питомцем, но не долго. Тех, кто ограничил своё общение животными, не зря считают странными и сторонятся их.

Были философы из числа посвящённых, которые поддерживали эту идею. Надо сказать, унижительную и для Мира — а что приятного согласиться, что ты неразумный зверь? — и для Внешних. Те, кто сводит своё общение к разговорам с питомцами, делают это от тоски или неустроенности, или, что ещё хуже, от неумения слышать себе подобных.

Тот, кто не умеет слышать себе подобного, опасен.

Некоторые утверждали, что Внешние готовят вторжение, и вся их благожелательность, вся помощь — просто прикрытие агрессивным замыслом. Это, по мнению Сорби, была полная и окончательная чушь. Зачем развивать будущего врага? Дарить ему знания и технологию, которые можно применить на войне? Ответственные политики так не поступают. Называть Внешних безответственными, не умеющими просчитать последствий... существами Сорби никак не мог. Да и никто не мог, кроме поклонников этой странной теории.

Наконец, существовали и третьи. Они утверждали, что Внешние — просто скучающие Боги, и они играют с Миром. Развлекаются, не желая ему зла и не строя далеко идущих планов. Сорби был бы рад, окажись они правы. Только жизнь приучила его не верить в лучшее.

— Да, не густо, — сказал, выслушав его слова, отец.

— Посвящённых немного, — пожал плечами Сорби. — Несколько тысяч, не более. Теперь, — он печально улыбнулся, — их на одного больше. Многие заняты практическими вещами, им не до отвлечённых размышлений.

— Не знаю, нужно ли тут особое время, — удивился отец. — Хоть сейчас предложу тебе ещё одну версию, ничуть не хуже тех, что ты перечислил.

— Например?

— Ваши Внешние — любопытные исследователи, учёные. Они просто изучают нас, ничего не имея в виду. Без ясной цели, на всякий случай.

— Что, такие бывают? — не поверил ему Сорби.

— А как же, сын! Вы живёте, спрятавшись за стенами, вас окружают секреты и тайны, и они сдвинули что-то в ваших мозгах.

— Изучать что-то просто так? Без цели? Что-то мне не верится, — протянул Сорби.

— И зря, — ответил Гуан-старший. — К примеру, посмотри...

На лист водяной травы опустился перламутровокрылый двухботник. Сел, вцепившись острыми коготками в жилку, третьей и четвёртой парами принялся умыть огромные радужные глаза.

— Ты знаешь, есть люди, всю жизнь изучавшие только эту мошку? — улыбнулся Сорби отец. — Цикл размножения, срок жизни, чем питается, когда линяет и множество других интересных вопросов.

— Он, наверное, кровосос? — спросил Сорби. — Нападает на водяных свиней?

— А вот и нет! — рассмеялся отец. — Жрёт цветочную пыльцу, в большие стаи не собирается, вообще, довольно редок. Даже рыба на него не клюёт, слишком жесткие покровы.

— Тогда зачем?..

— Из интереса, — пояснил Гуан-старший. — Из интереса и надежды, что это когда-нибудь пригодится. Жизнь такая смешная штука, всё в ней переплетено, и все от всех зависят, только эта связь не сразу видна. Или мы вообще не в силах её увидеть.

— Из любопытства, значит? — повторил Сорби.

— Ага, — снова улыбнулся отец. — Мало того, они получают за своё любопытство деньги.

— Кажется, я тебя понял, — сказал Сорби и ухмыльнулся. — Представляю, собираются такие двухботники в стайку и мучаются сомнениями: «Этот огромина меня измерил». — «А этот смотрел, что я ем». — «Ах, ах! Это неспроста! Что-то будет!».

— Я, собственно, не то имел в виду... — развёл руками отец.

— Все аналогии врут, — сказал Сорби.

— Ну да...

Среки подуло. Лист закачался, сильнее и сильнее. Наконец, двухботнику надоело это безобразие, он снялся с листа и пропал, унесённый очередным порывом ветра.

— Ладно, папа, — произнёс Сорби, вставая. — Пошли уже. Мы сегодня с добычей. Надеюсь, на ужин будет замечательный рыбный пирог.

— Непременно, сынок, — улыбнулся Гуан-старший.

Мир огромен.

Высоки и неприступны его скалы, широки и полноводны реки, необузданны в мощи своей океаны, обильна и плодородна земля. Сто лет путешествуй, пешком или стальным путём, на стрелолёте или в глубоководнике, — всё равно не увидишь и сотой части, не пройдёшь и сотой доли дорог. Но только сверху понятно, насколько он на самом деле мал и хрупок!

Особенно отсюда, с высоты неполных шести радиусов над его поверхностью.

Выход на высокую орбиту давно стал для Лорцитоя дор Ами рутиной, но всё равно, стоило бросить взгляд вниз, и перехватывало дыхание от нежности. Лорцитой не афишировал свою сентиментальность, но особо и не скрывал. Опытный пространственник, но и он имеет право на чувства.

Обращённый к ним дневной стороной, Мир блистал драгоценным камнем. Мерцал под солнцем океан, его бок закрывали ослепительно белые, похожие на снег облака. Присмотревшись, можно было увидеть устье Великой.

— Мы подходим, Лорци? — раздался в наушнике голос Ор Мут, напарницы.

— Да, Ори. — Лорцитой дор Ами выкинул красоты из головы и обратился к приборам.

Будет ещё время полюбоваться, однако дело превыше всего. Простое, но важное и ответственное — принять на борт челнока спутник связи, исчерпавший ресурс батарей, и оставить на стационарной орбите новый, который дожидался своей очереди в грузовом отсеке.

— Есть сигнал, Ори, — сказал он. — Чёткий, ясный. Посматривай там.

Девушка в костюме пустотной защиты уже четверть часа висела снаружи, уцепившись за страховочные скобы. Конечно, челнок был оборудован механическим захватом, но Лорцитой и Ор Мут предпочитали работать руками. Пылинка, севшая на контактную площадку, перегрузка, перекосившая сочленение, что угодно могло привести к поломке. Конструкторы Тритоном клялись в надёжности захвата, но были случаи, были... Человек надеется, а располагает, всё-таки, Тритон. Если он есть. А если нет, тем более. Зачем полагаться на случай? Захват пригодится чуть позже.

— Есть, вижу, — дорожила Ори. — Иду на сближение.

Челнок едва заметно качнуло: напарница оттолкнулась от обшивки и, подрабатывая маневровыми движками, поплыла к спутнику; серебристая фигурка с горбом дополнительных двигателей за спиной; превратилась в яркую точку, легендарную звезду в бесконечной черноте пространства. Искорок стало две — Лорцитой тоже увидел спутник, увидел глазами, а не на экране светоумножителя; снова одна — искры слились, Ори пристыковалась.

— Контакт, — сообщила она. — Фиксация.

Началась основная работа. Отрывистые команды, короткие доклады, подтверждения.

Штрих реактивной струи.

— Сближение, — бормотал в микрофон Лорцитой. — Двенадцать восемьсот... Двенадцать двести... Право сорок, нет! Сорок пять! Верно, хорошо идёт...

Спутник медленно приближался. Вырастал, из точки превращался в пятнышко, в вытянутый цилиндр. Стали видны антенны, панели светосбора, дюзы двигателей

ориентации.

Лорцитой пробежался пальцами по пульта. Челнок вздрогнул, зашумели приводы. Вспомогательная камера показала, как тело челнока прорезала трещина. Люк медленно распахнулся, освобождая доступ в грузовой отсек.

— Отдохни пока, — распорядился Лорцитой и погрузился в работу.

Скользя по направляющий, в пространство выполз новый спутник. Теперь пришла очередь захвата. Лорцитой подхватил спутник механической рукой, подвесил чуть выше челнока — чтобы не мешал. Осторожно зафиксировал старый, ввел внутрь.

Створки сошлись.

Легко рассказывать, но к концу работы комбинезон был мокрый насквозь, хоть выжимай. Выматывала не тяжесть, какая тяжесть на орбите? Выматывала ответственность.

— Всё, Ори!.. — выдохнул он, утирая пот со лба. — Давай внутрь.

Вскоре напарница присоединилась к нему у обзорного экрана. Свежая, благоухающая.

— Фу-у... — сморщилась она. — Ну и дух у тебя тут!

— Работал, — улыбнулся Лорцитой.

— Давай, отправляйся. — Ори щёлкнула его по носу. — Жрать хочешь?

— А то!

— Тогда поторопись.

Нет наслаждения большего, чем после трудной работы погрузиться в санитарную капсулу. Струи воды — горячие, ледяные как снег, нежные как прикосновение или тугие, жёсткие — работают над телом, открывают поры, смывают пот и соль. Минуты блаженства. Лежишь и ничего не делаешь. Главное — не заснуть, с Ори станется съесть всё в одиночку. На всё про всё четверть часа.

Он успел.

— Не понял... — произнёс Лорцитой, оглядывая в отсек. — Где обед?

Едой и не пахло. Рацион на двоих остался нераспакованным. Ори прилипла к экрану светоумножителя. Глаза у неё были большие и круглые, непонимающие глаза.

— Есть сигнал, — растерянно доложила она.

Он стар и немощен.

И это не кокетство, как десять или пятнадцать лет назад, это правда. Противная, гадкая, истинная.

Сорби ухватился за прикрученный к стене поручень, осторожно, напрягая дряхлые мышцы, сел на кровати. Пошарил ногами... Тритон, где же они? Тритон... Как ноет спина!.. И это не болезнь, не тяжкое недомогание, это теперь — и давно уже — его нормальное состояние. Самое отвратительное, что будет только хуже.

Зажился он на свете.

А, вот, нашлись!

Сорби сунул ноги в шлёпанцы, упёрся ладонями в колени и медленно встал. Суставы скрипели, в голове шумело.

«Ко!» — хотел позвать он, но стало стыдно. Ко старше его. Ненамного, несколько дюжин дней, но старше. Не стоит её беспокоить понапрасну. У него ещё достаточно сил, чтобы самому выпить лекарство.

Ко... Сорби сглотнул. Ро и Лойна не дожили до этих лет. Лойна умерла десять лет назад, со дня смерти Ро прошло два года. Наверное, Лойне повезло, она не испытала на себе

мерзкой дряхлости. До самого конца она сохранила юношескую стройность. Интересно, как противнее умирать, чувствуя себя развалиной — или молодым? Ничего, скоро он узнает.

Зашумела, уходя в стену, дверь. Ко вошла, опираясь на палку.

— Ты проснулся и даже встал, — констатировала она. — Почему не позвал меня?

Сорби вяло отмахнулся:

— Пустое.

— Подожди, я принесу лекарство, — сказала Ко. — Садись, нечего изображать из себя молоденького.

Сорби послушался. Сидеть было куда лучше чем стоять, а лежать... но ложиться он не стал.

Звякнуло стекло, зажурчала вода. Вернулась Ко. Перед собой она катила столик. На нём — поднос с лекарствами и стакан воды. Ко... Твои глаза совсем выцвели, они потеряли свою зелень, пожухли.

— Говорила по дальновиду с Лонкой, — рассказывала Ко, пока Сорби мелкими глотками пил воду. — Обещался быть дня через три. У него какой-то важный эксперимент. Внуки в экспедиции. В дельте Великой нашли...

— В дельте Великой? — перебил её Сорби. — Что можно там найти, её облазили вдоль и поперёк!

— Думаешь, они врут? — сухо спросила Ко. — Не наговаривай на внуков, они хорошие ребята.

— Разве я спорю?

Сорби закашлялся. Нет, с этим пора кончать.

— Попроси подать лоптер, — попросил он.

— Куда это ты собрался?

— В Академию, — пояснил Сорби. — Я всё ещё почётный ректор, и это уже даже не смешно. Поеду, попрощаюсь.

— Не рановато собрался помирать? — спросила Ко. — Ты ещё ого-го!

— Непременно, — кивнул Сорби. — Сейчас поскачу, гремя копытами. Берегись, не то зашибу.

— Ложись уж, дурень старый, — погрозила ему пальцем Ко. — Надо будет, сами приедут.

— Да я... — начал Сорби, но не договорил. На первом этаже зазвонил звонок.

— Кого Тритон принёс? — проворчала Ко. — Детей мы не ждём, внуков тоже. Пакостит кто-то? Вот я им задам!

«Это моя старуха ещё ого-го, — думал Сорби вслед Ко. — Ишь, побежала, даже палку забыла!»

Пока Сорби раздумывал, лечь или нет, Ко вернулась и не одна. Рядом с нею, возвышаясь над женой чуть не на полторы головы, вышагивал какой-то тип в дворцовом мундире.

— Ректор Гуан? — осведомился он.

— Почётный ректор, — скрипуче поправил его Сорби. — Кто вы такой и что вам надо?

— Той Вердикт, служба охраны тирана, — представился тип. — Его Величество требует вас к себе.

— Требует? — удивлённо приподнял брови Сорби.

Той мигнул.

— Прошу прощения, господин почётный ректор, — ответил он. — Его Величество Лард

Тридцать седьмой просит вас к себе. Но, — он помялся, — очень настойчиво просит.

— Зачем я ему понадобился, Той Вердикт из службы охраны? — Голос Сорби обрёл силу и глубину.

— Не могу знать, — развёл руками Вердикт. — Я всего лишь звеньевой.

Отказаться? Лард простит, да и что возьмёшь со старика. Уж он-то должен понимать. С другой стороны, он всё равно собирался ехать, вот и поедет. Пусть не в Академию, а в резиденцию Тирана. Какая разница?

— Хорошо, — решил Сорби. — Помогите мне одеться.

В малом зале для приёмов было жарко. На жёстких скамьях вдоль стен — Лард говорил, что зал приёмов предназначен для решения дел, а не насживания задов! — сидели и тихо переговаривались люди. Знакомые, малознакомые и вообще неизвестные почётному ректору.

Вот Ду Ансо, нынешний ректор. Сидит, пучит многозначительно глаза, а в глазах недоумение и тень страха: зачем Тиран притащил сюда эту развалину? Ду Ансо знает, что они приятели, как ни странно это звучит. Вдруг Тиран решил вернуть старое время, когда Ду Ансо был просто секретарём при Гуане? Но Сорби Гуан стар и немощен, но он всё равно тут! Есть основание трепетать...

Сорби улыбнулся ему ехидно, уголками губ. Пусть гадает, если не умеет думать.

Опираясь на палку, он шёл, улыбаясь и обмениваясь словом-другим со знакомыми, кивая полужнакомым, скользя равнодушным взглядом по остальным. Нашёл незанятое место, уместился на вытертой лавке, поставил трость между ног.

Сразу вступило в спину. Сорби сжал зубы: ничего вы не заметите и не заподозрите. Для всех вас я — приятель Тирана и лицо, облечённое особым доверием. Подыхать буду наедине с самим собой.

Чуток отдышавшись, Сорби огляделся уже внимательнее, и тут же обругал себя последним дураком. Не на людей надо было смотреть, на них он наглядился за длинную жизнь! На стол в центре малого зала. Раньше никаких столов в малом зале не водилось, Тиран не любил долгих заседаний. Времена изменились, получается.

Стол был широкий и низкий, даже не стол, а целая платформа. И лежало на этой платформе нечто, укрытое сверху непрозрачной плёнкой. Нечто громоздкое, величиной, пожалуй, с крупную водяную свинью — или небольшую машину из современных, на одного человека.

Лард решил сделать им всем сюрприз? Интересно...

Небольшая дверца в дальнем конце зала распахнулась и быстрыми шагами вышел Тиран Лард Тридцать Седьмой. Сорби задохнулся от мгновенной резкой зависти: старый приятель выглядел куда лучше его самого, а бегал вообще как молоденький! Потом он заметил испарину на лбу Тирана и устыдился. Это он, старый урмал, может позволить себе охать и страдать, а Лард — лицо страны, и обязан держать себя в руках.

— Я пригласил вас... — начал Лард и умолк, упёршись взглядом в Сорби. Лицо его осветила улыбка. — Ты всё-таки приехал, старый друг! Зачем сидишь на жёсткой лавке?

Сорби застал себя на том, что челюсть его отваливается от удивления.

— А на чём я должен сидеть? — пробормотал он.

— Кажется, пора вернуть телесные наказания, — прорычал Тиран. — Почему ректору Сорби Гуану не приготовили подобающего кресла?!

— Но я давно не ректор! — попытался возразить Сорби, но Лард только отмахнулся.

За дверями затопотали, что-то упало, кто-то заговорил неразборчиво. Не прошло и минуты, как перед Сорби поставили мягкий диванчик с удобными подлокотниками.

— Боюсь, здесь я усну, — виновато произнёс Сорби, пересаживаясь на диванчик.

— Не уснёшь, — усмехнулся Лард, присаживаясь рядом с ним. — Это я тебе обещаю. Итак, я пригласил вас, — он снова повысил голос, — чтобы получить некоторые ответы. Откройте!

Один из стражников подбежал к платформе и сдёрнул плёнку.

Сначала Сорби показалось, что это кусок зеркального кристалла, какие попадались иногда при разработках металлических руд. Потом он присмотрелся и понял, что для кристалла объект слишком велик. Не бывает в природе кристаллов такого размера, за тысячу лет разработок не попадались ни разу. Великий Лотур Монори, основатель науки минералогии, теоретически доказал это ещё триста лет назад. Слишком много ошибок накапливается в процессе роста кристалла, особенно если это происходит близко от поверхности. Будь объект кристаллом, его покрывали бы бугры и каверны, и зеркало не сияло бы в свете ламп столь ярко.

— Это не зеркальный кристалл, — подал голос Ду Ансо, и Сорби оценил знания и реакцию сменщика. А главное, — его смелость. Не каждый решится первым выразить мнение в присутствии Тирана.

— Удивительное наблюдение, — сварливо отозвался Лард. — Благодарю вас, господин ректор, нам и так известно, что это не кристалл. Но что это?

— Откуда это? — спросил Сорби.

— Оттуда, — Лард показал глазами на потолок.

— То есть? — переспросил Гуан.

— Экипаж одного из челноков менял в пространстве вокруг планеты спутники связи, — пояснил в гробовой тишине Лард. — Рутинная, как мне объяснили пустотники, процедура. На одной из стационарных орбит они обнаружили *это*. Оно сигналило как спутник, оно и сейчас время от времени выдаёт наружу импульс. Расшифровать его не удалось. Я хочу знать — что это такое и что оно делает в пустоте над нами?

— Что это, понятно, — снова вступил Ду Ансо. — Это спутник Внешних.

— Объяснитесь, — потребовал Тиран.

— Извольте, господин...

Ду Ансо подошёл к столу, коснулся рукой сверкающей грани.

— Это не наше, — заговорил он язвительно. — Будь это наше, мы бы знали. Технология пустотной связи разработана пока только в Лардии, — он коротко поклонился в сторону Тирана. — Более никто не запускает такие устройства на стационарную орбиту.

— А если мы просто не знаем? — приподнял бровь Лард.

— Ты так не уверен в своей контрразведке? — поинтересовался Сорби.

— Я уверен, — отмахнулся Тиран. — Но самая лучшая служба, а наша служба неплохая, могу сказать это без лишней скромности, совершает ошибки. Людям свойственно ошибаться. Если мы что-то упустили?

— Вряд ли, — сказал Ду Ансо. — Эта вещь технологически совершенная, во всяком случае, по виду. Значит, она продукт долгой технической эволюции. Такое развитие событий

не прощяпил бы никто, никакая самая дурная контрразведка. Это ведь долгие годы исследований, множество запусков, которые мы обязательно заметили бы.

— Резонно, — кивнул Тиран. — И что оно делает над Миром?

— Никто не скажет тебе это просто так, дружище, — улыбнулся Сорби Гуан. — Надо исследовать. Вскрыть, посмотреть, что у него внутри, и только потом делать выводы.

— Вот и займись, — повернулся к нему Лард. — Думаешь, я просто так вытащил тебя из дома?

— Куда мне?! — запротестовал Сорби. — Я стар и немощен.

— Ты моих лет, не прибедряйся, — отрезал Лард. Встал и продолжил: — Итак, объявляю свою волю! Почётному ректору Академии Сорби Гуану поручается тщательное исследование объекта. Он вправе привлекать любых специалистов, использовать любые средства, как материальные, так и финансовые.

В зале прошёл шепоток.

— В разумных пределах, конечно, — усмехнулся Тиран. — Через... — он снова посмотрел на Сорби. — Сколько тебе надо времени?

— Минимум полгода.

— Три месяца, — жёстко постановил Лард, — представишь мне первоначальные выводы. Главный вопрос: что он тут делает? Это оружие, это исследовательский зонд, это агент влияния?

— То есть? — удивился Сорби.

— Он излучает, — объяснил Тиран. — Может быть, это излучение действует на наших подданных, подталкивает их к непослушанию?

— Ну, ты и загнул! — Сорби покрутил головой и закашлялся.

— Вот и выяснишь, загнул я или прав, — уже обычным голосом сказал Лард. — Завтра жду от тебя списки.

— Через пять дней, — произнёс Сорби.

Тиран наклонил голову, пожевал бескровными губами.

— Через пять дней, — согласился наконец он. — И это последняя поблажка, которую я тебе даю. — Он поднялся, посмотрел на собравшихся. — Все свободны! Кроме тебя, конечно, — улыбнулся он Сорби. — Пойдём, посидим за бутылочкой часок-другой, как когда-то? Может быть, тебе придёт в голову умная мысль. Как это бывало раньше...

Давно почётный ректор не чувствовал себя так хорошо! Ноги болели по-прежнему и мучил постоянный холод, но рассеялась мутная пелена, окутывавшая сознание. Ушли, спрятались куда-то мысли о скорой смерти, и Сорби стало вновь интересно жить.

Он переселился в Академию, где в одной из лабораторий нашли своё пристанище первый, а потом и второй снятый с орбиты спутник.

На вид они крайне мало отличались друг от друга, и это окончательно развеяло сомнения в их искусственном происхождении. Природа не творит одинаковых вещей или существ, не так она устроена. Спутники оказались близнецами, и, как и близнецы, различались только эхом прожитой в пустоте «жизни».

В пустоте рассеяны частички вещества: пыль, мелкие камешки, газ. Сталкиваясь с зеркальными гранями спутников, они оставляли на ней царапины, микроскопические кратеры, сколы или ожоги. Во всём остальном оба спутника были идентичны.

Вскрыть их не удалось. Они были единым кристаллом каждый. Лучевое зондирование

показало, тем не менее, сложную внутреннюю структуру, в чём Сорби и не сомневался. Кто бы не засеял пустоту спутниками, они обязаны работать, а простой кристалл сам по себе этого не умеет.

Время поджимало, и Сорби разрешил послонную шлифовку...

— О, проходи, проходи! — Тиран был само радушие. — А это кто? Как его пропустили ко мне?

— Это Бургон Сорд, — сказал Сорби. — Наш главный технолог расчислительных кристаллов. А пропустили его потому, что ты сам приказал.

— Что? — спросил Лард.

— Приводить сюда любого, кто мне понадобится. Под мою, сказал, ответственность.

— Да? — Тиран оскалился. — Ну, раз приказал, так тому и быть. Прходи и ты, Бургон Сорд. Наверное, господин ректор привёл тебя не зря?

— Никак нет, ваше величество! — попытался вытянуться Бургон. Кипа бумаг, которые он тащил подмышкой, вывалились и разлетелись по кабинету. Сорд кинулся их собирать, толкнул ненароком Тирана, отшатнулся, побледнел, покраснел, да так и замер согнувшись.

— Да. С выправкой у технологов не очень, — засмеялся Тиран. — Отойдем-ка в сторону, пока он не пришиб нас ненароком.

— Его можно понять, — сказал Сорби.

— Я понимаю и не казню, — прищурился на технолога Лард, отчего тот побледнел ещё больше. — Ладно-ладно, молодой человек! Уж и пошутить нельзя.

Собрав бумаги, Бургон нерешительно встал посреди кабинета.

— Простите... э-э-э... Ваше Величество, — произнёс он, — где я могу повесить схемы?

— Схемы? — затруднился на миг Лард. — Вот сюда, на стену? Надеюсь, вы не испортите мне панно калоканского дерева?

— Никак нет, Ваше Величество! — обрадовался Бургон. — Ни царапинки!

— Ну, действуйте тогда, господин технолог.

Лард подхватил Сорби под руку и отвёл в уголок, где они и устроились на маленьком диванчике.

Пока они угощались вином, Бургон собрал на стене странную конструкцию, к которой и прикрепил свои схемы.

— Точно не попортится? — обратил на него внимание Тиран.

— Нет, Ваше Величество! — отчаянно замотал головой Бургон. — Всё собрано на присосках, ни одного острого элемента.

— Хорошо. Что ты хотел мне сообщить? — повернулся Лард к Сорби.

— Я ничего, — покачал головой почетный ректор, — я просто проводник. Давайте, господин Сорд. Повторите Его Величеству то, что доложили мне!

Бургон Сорд кинул вопросительный взгляд на Тирана и, дождавшись разрешения, начал:

— Ваше Величество! Я служу в Академии главным технологом расчислительных кристаллов, и поэтому первое...

— Стоп-стоп! — прервал его Тиран. — Что такое расчислительный кристалл? Расчислитель, насколько я знаю, это такая коробка с экраном. Или карманный дальнослух. А кристалл?

— Расчилительный кристалл есть основной элемент любого расчислителя! — отрапортовал Сорд. — Представляет собой кристалл, гм, кремния с многочисленными

добавками, которые образуют структуру, позволяющую как раз вести расчисления! Вот, извольте видеть.

Он обернулся к схемам и вытянул одну из них наверх.

— Вот кристалл, вот экран, вот память... — Рука Сорда мелькала по бумаге вслед его словам.

— Так, — сказал Лард, — ладно. И какое отношение этот ваш кристалл имеет отношение к нашему делу?

— Самое прямое, — широко улыбнулся технолог. — Исследования показали, что спутник Внешних обладает аналогичной структурой, мало того, в его составе присутствуют те же добавки, что и в составе расчислительных кристаллов. Примерно в тех же количествах.

— Что неудивительно, Лард, — сказал почётный ректор. — Технологию расчислительных кристаллов мы получили от Внешних.

— Во-от как... — протянул Тиран. — Значит, они могут управлять нашими расчислителями?

— Скорее нет, чем да, Ваше Величество, — ответил ему Сорд. — Общие принципы это одно, а детали конструкции совсем другое. Во всяком случае, — он задумчиво потёр подбородок, — не сразу.

— Но смогут? — подался вперёд Лард.

— Да. Как и мы сможем управлять их расчислителями, — сказал технолог.

— Хорошо, я принял ваши слова к сведению, — произнёс Тиран. — На чём мы остановились?

— На том, что спутники Внешних подобны нашим расчислительным кристаллам, — ответил Сорд.

— И что дальше?

— Мы пришли, что эти спутники и есть расчислительные кристаллы! — торжественно объявил Сорд.

— И что это означает? — спросил Лард. — Какая нам в этом польза?

— Я всё объясню! — вскинулся главный технолог.

— Слушаю.

Тиран откинулся на спинку дивана.

— Итак, — продолжил Сорд, — спутник Внешних представляет из себя расчислительный кристалл. Когда мы сделали такой вывод, стало довольно просто распознать его функции.

— Очень интересно, продолжайте... — подбодрил его Тиран.

— Это простой приёмо-передатчик, — сказал Сорд. — Как вы знаете, пустота над Миром используется для передачи разнообразной информации. Новости, различные производственные сообщения. Деловые переговоры по дальнотелу, развлекательные передачи дальновидения, Мировая информационная паутина, всё это передаётся через пустоту. Э-э-э... в том числе через пустоту, есть линии связи, проложенные по поверхности Мира. Спутник Внешних перехватывает эту информацию, шифрует сложным способом в этом блоке, — руки главного технолога мелькали над бумагой, меняя и возвращая назад схемы и графики, — и отправляет вовне с помощью вот этого блока.

— То есть... — сказал Тиран.

— Это спутники-шпионы, Лард, — заключил Сордби Гуан.

— По степени разрушения зеркального слоя, — снова заговорил Бургон, — можно

сказать, что Внешние запустили их относительно недавно, несколько десятков лет назад. Степень повреждения поверхности на обоих экземплярах одинакова, значит, их запустили одновременно.

— Так-так-так... — Тиран побарабанил пальцами по резной столешнице. — Скажите мне, господин технолог... Почему они такие большие? Насколько я знаю, — он взял со стола свой дальнослух, — ваши расчислительные кристаллы должны быть очень малы. Чтобы поместиться в эту коробочку?

— Вы совершенно правы, Ваше Величество, — поклонился Сорд. — Я думаю, впрочем что там, я совершенно уверен: для Внешних эти устройства, в самом деле, крайне малы. Разница масштабов Мира нашего и мира Внешних такова...

— Спасибо, я понял, — остановил его Лард. — Идите, можете подождать в комнате секретаря.

Сказано это было таким тоном, что главный технолог побледнел сильнее, чем в начале доклада, лихорадочно кивнул и пулей выскочил за дверь.

— Круто ты с ним, — заметил Сорби.

— Что? — не понял Лард. — А, да. Ничего, успокоишь, объяснишь... Награду от трона он заслужил, пусть не волнуется. Что до тебя... Как думаешь, зачем им, — он показал глазами на потолок, — это? Не может быть, чтобы ты об этом не думал.

— Думал, Лард, — сказал Сорби. — И не я один. Вопрос опять в масштабе. Множество фактов указывает: разнятся не только физические масштабы.

Он говорил медленно, тщательно подбирая каждое слово. Тиран его не торопил.

— Разнятся и масштабы временные, — закончил мысль почётный ректор.

— Объясни! — потребовал Лард.

— Время у нас идёт быстрее, причём много быстрее, чем у Внешних.

— Насколько? — быстро спросил Тиран.

— Примерно в сотню раз, — произнёс Сорби. — Наши сто лет равны примерно их году. Мы развиваемся примерно в сотню раз быстрее. Внешние кинули нам затравку, поделились некоторыми, современными для них, технологиями. Они тянули нас вперёд половину тысячелетия...

— И теперь крадут наши достижения! — воскликнул Тиран.

— Ну, не крадут, это слишком сильно, — пожал плечами Сорби, — но пользуются. Если они тянули нас, то теперь мы тянем их.

— Но при этом их спутники могут управлять нашими расчислителями! — воскликнул Тиран.

Сорби скептически скривил губы.

— Это неизвестно, — сказал он. — Мы проверяли, попыток внешнего управления не было.

— Но они могут произойти в будущем, — возразил Лард.

Сорби помялся, пожевал губы.

— Этого нельзя исключить. Но, Тритон Всемогущий, зачем?!

— Не знаю, — ответил Тиран. — Но надеюсь узнать. А пока...

Он нажал кнопку на подлокотнике кресла. Дверь отворилась, в кабинет вошёл секретарь и вопросительно посмотрел на Тирана.

— Повелеваю! — сказал тот. — Все объекты из пустоты над Миром, отвечающие описанию, которое предоставит господин Сорби Гуан, изъять, спустить на поверхность и

поместить в экранированное от излучений, — Сорби уважительно скривил губы, — помещение. Это первое. Второе. Получить у господина Сорби Гуана характеристики излучения, которое испускают эти объекты и передать их всем службам безопасности.

— В целях? — тихо поинтересовался секретарь.

— В целях проверки, не было ли попыток внешнего управления расчислителями государственного и военного назначения. С использованием подобного излучения.

— Да, Ваше Величество.

— Обо всём, связанном с исполнением повеления, докладывать лично мне. — Тиран на миг замер, потом закончил: — В рабочее время. Выполняйте!

Секретарь вышел. Лард повернулся к почётному ректору.

— Теперь ты, старый друг.

— Очень старый, — пожал плечами Сорби. — Стоит ли?

— Больше некому, — махнул рукой Тиран. — Так вот...

Он замолчал, в глазах появилось выражение глубокой задумчивости.

— Так вот... — повторил он. — Подумай, что можно сделать или... — он похлопал Сорби по плечу. — Или предложи того, кто может подумать, если окончательно решил на покой... Нам пора пообщаться с Внешними накоротке, лицом к лицу, не находишь?

Затем, заметив недоумение на лице Сорби, печально улыбнулся:

— Нам, людям, я имею в виду. Уж конечно, я не рассчитываю жить вечно. Хотя ихотелось бы.

— Ну ты и учудил, старик!

Тренер всех называл стариками. Или старухами, если перед ним была девушка, и неважно, десять лет стукнуло юному спортсмену, или это заслуженный, всё повидавший ветеран. Подойдёт, посмотрит угрюмо и заявит: «Кто так дышит, старичелло? Тебе надо углекислоту выгнать, а не наоборот. Вот ты и всплываешь как рыба, кверху пузом». Или: «Старушка, сегодня нырять не стоит. Что-то ты бледная очень. Это то, что я подумал? Ну, двигай, отдыхай. А через три дня жду». И так во множестве вариаций.

Вот и сейчас: подошёл и аж светится весь! Есть отчего. Школа старая, заслуженная, но всё равно, мировой чемпионат по нырянию без дыхалок не каждый год берёт.

— Спасибо, — сказал Сой, — тренерище! Твоя заслуга.

Именно так: тренерище. А что, имеет право. Сой теперь, как ни крути, в школе самый титулованный, хотя и не самый старший. Он — молодец.

Потом Сой увидел: за спиной у тренера мужик какой-то стоит. Незнакомый, сколько по соревнованиям Сой не ездил, где только не нырял, но никогда его не видел. Точно не из водников: subtilный слишком. Ныряльщики все широкоплечие и грудная клетка — ого-го! А этот худощавый и неприметный. Хотя... нет. Приметный и ещё как. Нос на сторону свёрнут. Борец или кулачный боец. И что он тут делает?

Тут мужик словно заметил, что Сой о нём думает. Тренера так деликатно плечом отодвинул и к Сою подошёл:

— Поздравляю, — произнёс, — уважаемый Сой Муа, с победой. Всегда за вас болел.

— Так-таки и всегда? — не поверил Сой. — Где вы такой прятались, если я вас на трибунах никогда не видел?

— Издалека следил, — засмеялся, а глаза серьёзные.

— И зачем же вы за мной следили, господин... э-э-э?... — спросил Сой.

— Логаро, к вашим услугам, — представился subtilный и объяснил без всяких хитростей: — Нравится мне, как вы ныряете, господин Сой Муа. Нет у вас этой натужности, когда кажется, что ныряльщик вот-вот лопнет от старательности.

— Вот как? — удивился Сой и посмотрел на тренера; тот неопределенно пожал плечами. А с другой стороны, откуда Сою знать, как их спорт смотрится со стороны? Он-то внутри, все тонкости чует на инстинктах, а постороннему откуда знать, что творится внутри ныряльщика на исходе десятой минуты? Каждый по-своему терпит. Сой вот научился расслабляться, как бы засыпать. Наполовину, конечно, спать под водой смертельно опасно, можно и утонуть. Когда спишь, перестаёшь за собой следить, а это в нырянии самое важное. Чтобы ныряльщик не заснул ненароком, на соревнованиях особые люди есть...

— Но не только, — продолжил тем временем Логаро. — Есть и другие причины.

— Какие же?

— Думаю, их надо обсудить отдельно, — сказал Логаро. — Как вы относитесь к «Старой водяной свинье»?

Так назывался один из лучших местных ресторанов. Кормили там вкусно и дорого, но не этим он отличался от остальных. В «Старой водяной свинье» — или просто «Свинье», как привыкли называть его местные — встречались деловые люди и обсуждали там свои деловые вопросы. Поэтому в «Свинье» не было общего зала, зато множество отдельных

кабинетов никогда не пустовали. Ещё поговаривали, что по этой же причине ресторан приглянулся любовникам обоих полов. Сой с сомнением посмотрел на Логаро.

— Скажите, господин, — прямо спросил он, — вы не из *этих*?

— Каких этих? — не понял Логаро.

— Любителей, э-э-э, — Сой пощёлкал пальцами, стараясь подобрать небидное слово.

Сам он к *таким* относился равнодушно, но вдруг Логаро, на самом деле, из *них* и при этом обидчив? — Странной любви?

Логаро мигнул, широко распахнул глаза и вдруг захохотал. Так громко, что окружающие стали оглядываться, а от судейского столика встал и направился в их сторону господин Таруко — главный администратор первенства.

— Простите, простите, — пробормотал Логаро, вытирая глаза. — Что, у вас и такие есть?

— А где их нет? — угрюмо сказал тренер.

— В чём дело? — удивился Сой. — Радоваться надо, а не грустить.

— Я радуюсь, — печально улыбнулся тренер.

— Нет, что-то случилось, — возразил Сой. — Что случилось, тренер? Мне не стоит идти с этим господином?

— Почему? — искренне удивился тренер. — Ты взрослый человек, старик, тебе почти тридцать. Сам сможешь всё решить.

— Да что я должен решить? — возмутился Сой. — Что за загадки?

— Никаких загадок, господин Муа, — сказал Логаро. — Я вам всё объясню. Или... может, будем уже на «ты»? Я не слишком старше.

— Уболтал, тритоний хвост, уговорил, — согласился Сой.

— Вот отлично! — обрадовался Логаро. — Через пару часов, у ресторана. Так пойдёт? Успеешь привести себя в порядок? Я угощаю, а ты подумай, чем. Никогда у вас не бывал, интересно же, что тут вас едят!

Печёный на углях бок водяной свиньи был съеден, напитки — Сой и Логаро молчаливо согласились обойтись без алкоголя — выпиты.

— Итак, о других причинах, — сказал Логаро, откидываясь на спинку кресла.

— Наконец-то, — сказал Сой. Он нервничал, сам не зная, почему. Приходило инстинктивное понимание, что жизнь меняется, резко и безвозвратно.

— Ты сирота, — сказал Логаро.

— Что?! Причём тут...

— Подожди, — остановил его Логаро. — Ты вырос в интернате при спортивной школе, у тебя нет родных. Кроме того, у тебя нет ни жены, ни, насколько я знаю, любимой девушки.

Сой закашлялся, кровь бросилась в лицо. Перед глазами встал образ Су Лим. Они не встречались, спорт сжирал всё их время, наверное, она его даже не замечала, а он не решался подойти и поговорить. Обычные люди к его годам имели семьи и часто детей, а он — только мечтал. Прав Логаро, прав, только откуда он это знает?

Чтобы скрыть замешательство, он налил в бокал ледяного сока кланги и принялся пить его маленькими глотками. Успокоившись, спросил:

— Почему ты так решил?

— Я не прав? — улыбнулся Логаро.

— Значит, это правда, — произнёс Сой. — Безопасники следят за нами. Ты же

безопасник, или будешь спорить?

— Не буду, — сказал Логаро, — но ты не прав. Мы не следим, а присматриваем, и не за всеми, а только за такими, как ты.

— Почему?

— Я хочу предложить тебе работу, — ответил Логаро. — То есть, не я, конечно. Лардийская Тирания.

— Я не буду шпионить, — выпрямившись в кресле, заявил Сой.

— Шпионить не надо, — серьёзно сказал Логаро. — Другая работа, гораздо более сложная и опасная. Я предлагаю тебе поработать там, — и он показал глазами на потолок.

— Где? — почти прошептал Сой.

— В пустоте, — ответил Логаро. — И дальше.

— Сегодня наша последняя учебная встреча, — неожиданно мягко, даже немного печально проговорил Папаша, когда все Проникающие расселись.

Наверное, у него было мирское имя, но все они знали его только как Папашу, и это прозвище подходило начальнику их школы как нельзя лучше. Строгий, но справедливый, в этих трёх словах он был весь. Отчислив за разные мелкие прегрешения половину курса, для остальных он стал настоящим отцом. Отцом, которого никто из них никогда не видел — или не запомнил.

Ни разу Сой Муа не позавидовал отчисленным, хотя иногда от усталости он едва мог стоять на ногах. К чему их готовили? Среди Проникающих бродили самые разные мнения, но ни Папаша, ни многочисленные преподаватели не обмолвились об этом и словом. Все знали одно — им работать в пустоте над Миром. Почётная, но обычная профессия. Зачем же такая секретность? Впрочем, программа подготовки не давала времени не только скучать, но и предаваться бесполезным гаданиям. Всё разъяснится, надо лишь подождать.

И вот ожидание закончилось.

— Вы, наконец, расскажите, для чего это всё? — выкрикнул с места один из курсантов.

— Расскажу, — кивнул Папаша, — но не я. Встать! Смирно!

Когда у Папаши такой голос, сознание отключается, остаются одни рефлексy. Курс встал возле своих столов как один человек.

Дверь в зал открылась. Вошли шестеро, по выправке и повадкам военные. Они быстро рассредоточились по залу и сразу будто растворились в воздухе, стали незаметными. За ними в зале появился знакомый уже Сою Логаро в мундире с орденом Золотой Звезды — высшим с Лардийской Тирании — на груди. А за ним... собственной персоной Лард Тридцать Восьмой, нынешний Тиран.

Сой против воли скосил глаза на скульптуру, занимавшую место в центре зала, возле кафедры. Лард был очень похож на своего отца, Ларда Тридцать Седьмого. Бронзовый Тиран стоял, облокотившись о спинку кресла, в котором сидел великий Сорби Гуан, почётный ректор расчислительной Академии. Скульптура появилась в зале на второй день после их первого занятия, вскорости после кончины почётного ректора. Ходили слухи, что Лард Тридцать Седьмой не хотел появления своего изваяния. «Зачем? — спрашивал он. — Я ещё жив». Возражал и двор. Приближённые лизоблюды соглашались, что Лард достоин увековечения уже при жизни, но на все голоса уверяли, что скульптура станет умалением монаршего достоинства. Тиран стоит, а простолудин Сорби Гуан сидит, как можно? В

конце концов Ларду это надоело — и он дал согласие. «Из уважения к памяти старого друга», — гласила официальная версия. «Назло подхалимам», — говорили знающие, но далёкие от жизни двора люди.

И то, и другое. Так думали многие, вместе с ними и Сой, когда учёба оставляла время подумать об отвлечённых материях.

Тиран подошёл к кафедре, печально посмотрел на композицию, потом повернулся к залу:

— Здравствуйте, Проникающие!

— Здра!.. — грохнул в ответ курс.

— Отец наш был великим человеком, — продолжил Лард, переждав эхо. — Вы, ваш курс, его последнее детище. Не самое главное, за ним множество великих дел, но одно из важнейших. Поэтому я здесь. Сегодня вы узнаете, зачем вас собрали. — Он оглядел замерших курсантов и добавил: — Вольно, Проникающие. Можете сесть. Говорите, господин директор.

— Благодарю, Ваше Величество, — ответил Папаша.

Прихрамывая, он добрёл до кафедры и с облегчением опёрся о неё.

— Осень, господа курсанты, — объявил он, — последняя наша осень в стенах этого заведения. Кости ноют.

А ведь Тиран старше, подумал вдруг Сой. Зато, в отличие от Папаши, прямой и подтянутый, хотя и седой. Впрочем, тут же устыдился Сой, что он знает о жизни этих двух стариков? Судьба, прежде чем привести Папашу в кресло директора курсов, наверняка долго была и жевала его в своих немилосердных челюстях. Она редко бывает добра к людям, и чем заметнее человек, тем больше ему выпадает испытаний. Судьба, можно сказать, любит тихих и незаметных, а к ярким и беспокойным пристрастна.

— Не буду вас мучить, — начал Папаша. — Секретность уже не имеет смысла, и если посторонний узнает, то ничего уже не изменит... — Они обменялись с Лардом быстрыми взглядами, и Тиран согласно кивнул. — Так вот... Все знакомы с современной космологией?

По залу пробежал тихий шелест. Все курсанты считали себя современными людьми, и старались быть в курсе научных веяний. Это приветствовалось, гласно и негласно, да и как могло быть иначе?

— Вижу, знакомы, — скривил в улыбке губы Папаша. — Начну по порядку. Общеизвестно, что наш Мир, вместе с центральным светилом и планетами, заключен в толще камня, в особенном пузыре из пустоты. Так было не всегда, до сих пор в народе ходят легенды о так называемых звёздах, которые светили когда-то с небес. Нам трудно это представить, но легенды не возникают на пустом месте. Отсюда, кстати, берёт начало культ Великого Тритона. — он протяжно выдохнул. — Теперь о том, что было секретом для большинства. Примерно шесть тысяч лет назад произошло событие, которое перенесло Мир в то место, где он пребывает сейчас. Храмовники, — Папаша едва заметно хихикнул, — называют его желудком Великого Тритона. Философы утверждают, что снаружи существует большой мир. С этим трудно спорить: если есть стена, то есть и то, что за ней. Один из вас скоро попадёт туда.

Курсанты зашумели. «Тритон!» — не сдержался кто-то.

— Это не афишировалось, — заговорил Тиран, и тут же установилась тишина, — но вблизи стен пузыря существует другая, невидимая, но непроницаемая для наших пустотных кораблей граница. Теперь наши учёные нашли способ её преодолеть.

Тиран посмотрел на Папашу, словно передавая эстафету.

— Это связано с большими затратами энергии, — сказал тот. — Поэтому поначалу мы пошлём одного человека. Его дело разведка, первый взгляд — и обязательное возвращение с докладом. Выбор уже сделан. — Папаша оглядел затаивших дыхание курсантов. — Сой Муа!

Не чувствуя ног, Сой поднялся. Сердце бухало в груди, в ушах шумела кровь. Он будет первым! Значит, всё было не зря. Не напрасно он согласился на предложение Логаро, не напрасно готовился, не просто так.

— Я, господин директор курсов, — хрипло отрапортовал Сой. — Я готов.

Вечером перед стартом миссии Папаша вызвал Соя к себе. Ровно за два часа до заката Сой шагнул в знакомую дверь.

Директор был не один. На гостевом диванчике расположился Тиран Лард Тридцать восьмой, в углу подпирал потолок Логаро, рассматривая кабинет из-под прикрытых век.

— Ваше Величество, Господин директор! — вытянулся при виде Тирана Сой. — Господин Логаро.

Логаро почти незаметно кивнул в ответ.

— Садитесь, Сой.

Директор показал рукой на мягкое кресло, стоявшее напротив его стола. Сой беспомощно оглянулся на Ларда.

— Садись-садись, — верно понял тот его затруднения. — Разговор у нас, скажем так, полуофициальный, поэтому не будем придерживаться этикета слишком строго. Тем более, мы не во дворце, и стоять тебе трудно. Я прав?

— Да, Ваше Величество, — ответил Сой, с облегчением утопая в мягком кресле. Часы проведённые сегодня у медиков, не прошли для него даром. Если исследования можно перетерпеть, то от многочисленных инъекций ныла и отказывалась работать спина.

— К сожалению, без этого никак, — покачал головой Папаша. — Никто не знает, что ждёт тебя там. — Он ткнул пальцем в потолок. — Лучше перестраховаться.

— Я понимаю, господин директор, — сказал Сой.

— Пока нет, — сказал Папаша. — Ты первый, но... ты не первый. Мы уже посылали на эту сторону автоматы, они не вернулись.

— Почему? — спросил Сой.

— Вот ты вопросы задаёшь, парень! — присвистнул Логаро. — Этого не знает никто, не знает именно потому, что автоматы не вернулись.

— Есть предположение, что переход через Границу стирает содержимое их мозгов, — сказал директор. — Или просто портит их физически. Так что не думай, что отправляешься на лёгкую прогулку.

— Я и не... — начал Сой, но Папаша остановил его движением руки.

— Там опасно, — сказал он. — Ты вправе отказаться. Время терпит.

— Пока терпит, — добавил с дивана Тиран.

— Именно, Ваше Величество, — сказал директор. — Время пока терпит. Можно напрячь учёных, они изменяют что-то в конструкции, мы пошлём автоматы снова...

— И они снова не вернутся, — произнёс Лард Тридцать Восьмой.

— Ну, не обязательно, — протянул без особой убеждённости Папаша.

— Скорее всего, — отрезал Тиран. — Есть мнение, что Граница не любит слишком умных устройств.

— Есть, — согласился директор. — Но человек не устройство.

— На это вся надежда, — сказал Тиран.

Сой переводил взгляд с Папаша на Тирана и обратно, и никак не мог поверить, что всё это происходит именно с ним. Дважды за последнее время он увидел Тирана живьём, причем сегодня — на расстоянии вытянутой руки. Мало того, он сидел в присутствии монарха, Лард Тридцать Восьмой разговаривал с ним и, наверное, рассчитывал на него. Сказать кому из друзей, с кем нырял и ездил по Миру, тренеру или врачам сборной, так не поверят, ещё и скажут, что врун. С другой стороны, колола мысль, что Папаша с Лардом говорят о нём почти как о неодушевлённом предмете, как об инструменте, как...

Он задавил неуместные рассуждение. Он здесь именно для того, чтобы послужить интересам Лардийской тирании, да и всего Мира, если рассудить! Вряд ли кто за пределами государства будет против, чтобы он исследовал то, что «вовне». Только он это может — ну, остановил сам себя Сой, и другие курсанты тоже — попасть туда, увидеть, вернуться и рассказать. Только... у них есть такая возможность, и в этом заслуга Лардийской тирании.

— Никак нет, господин директор, я внимательно слушаю! — Сой постарался выглядеть браво настолько, насколько это возможно в мягком гостевом кресле.

— Да? — С сомнением посмотрел на него Папаша. — Я, было, подумал, что ты спишь... Ладно, продолжаю. Поэтому, кроме обычных универсальных прививок, в твоём теле сформированы некоторые полезные биоустройства. Например, часы. Покажите ему, Логаро!

В два шага Логаро оказался у кресла.

— Левую руку протяни, — произнёс он.

Сой повиновался. Логаро развернул её тыльной стороной вверх и слегка нажал на запястье Соя. Сой ничего не почувствовал, но на коже на секунду или две проявилась обычная часовая панель, потом выцвела и исчезла.

— Она двойная? — удивился Сой.

— Да, мой мальчик, — ответил Лард. — Снизу полное календарное время Лардийской тирании. Сверху — локальное время того места, где ты окажешься.

— Оно установлено в ноль, — сказал Логаро. — Как только сможешь, активируй часы, потом нажми на минуты, отсчитай одну и нажми снова. Так ты запустишь местный календарь. Сможешь достаточно точно отсчитать минуту?

— Да, Логаро, — улыбнулся Сой. — Смогу. Считать секунды я умею.

— Не сомневался, — ответил Логаро. — Именно поэтому я выбирал среди ныряльщиков.

— Но, простите, Ваше Величество. — Сой посмотрел на Тирана. — Зачем такие сложности? Почему нельзя обойтись одним календарём?

— Нельзя, мальчик, — покачал головой монарх. — Понимаешь, я хочу тебя дождаться, а ведь я уже не молод.

— Я не понимаю, ваше Величество...

Тиран и Папаша переглянулись, потом Лард вздохнул:

— Конечно, он обязательно должен знать причину, как иначе?

— Время у нас и у них идёт неодинаково, — пояснил Папаша. — За одну их секунду у нас проходит сто. — Он хрустнул пальцами. — Примерно сто секунд, да. Мы почти уверены в этом.

— Постарайся обернуться быстрее, мальчик, — сказал Тиран. — За пять — десять дней,

не больше.

Он встал, и Сой, рыкнув на ноющий организм, вскочил тоже, потому что никак нельзя сидеть, когда Тиран смотрит на тебя таким взглядом!

— Мы очень надеемся на тебя, Сой Муа, — произнёс Лард. — Я надеюсь на тебя не только как Тиран, но и как человек.

Старт пустотного корабля ещё не превратился для Соя в рутину, тем более такой старт. За время подготовки он успел налетать десятков или два часов в ближней пустоте, но это совсем иное. Когда ты всего лишь вышел за пределы атмосферы, когда Мир рядом, нет чувства одиночества. Люди здесь, они буквально под ногами, и случись что, помощь придёт в течение считанных минут. Можно выйти в Сеть и поболтать со знакомыми, и они даже не догадаются, что ты летишь у них над головами. Для сети нет разницы, где твой собеседник — в ближней пустоте или за стенкой, в соседней комнате. Ты, считай, и не покинул Мир, ты только слегка коснулся ступней вод пустотного океана. Так юная купальщица пробует прибой — и визжит, если её окатит волной. Не потому, что холодно или страшно, а потому, что среди юных купальщиц так принято.

За стеклом обзорного окна лениво суетился пустотный порт. Обыденно взлетали и приземлялись челноки, скользили туда-сюда машины технических служб. Горячий ветер раскачивал метёлки травы, и Сою даже почудился их запах — горьковатый и пыльный. Всё было как всегда, а потом тихонько запели поглотители ускорения. Всё громче и громче, басовитее, до боли в ушах, и Сой мимоходом пожалел, что отказался надевать шлем, а потом всё разом стихло, и за стеклом оказалась чернота пустоты. Мир, бело-сине-зелёный, ощутимо для глаза уменьшался, убегал назад, бледнел...

— Ну, как тебе зрелище?

Сой обернулся. Напротив него присела Миона Дувану, командир «Лардийской стрелы» и одна из лучших пустотниц Мира.

— Неожиданно быстро, госпожа Дувану, — немного подумав, признался Сой. — Раз, и вокруг только пустота и чернота!

— А ты ожидал рёва и фейерверков? — усмехнулась пустотница. — На самом деле, вокруг не на что смотреть. Это окошко, — она постучала пальцем по стеклу, — просто дань прошлому. Если хочешь, пройдем в командный отсек. Там круговой обзор, хотя смотреть-то всё равно не на что. И, пожалуйста, не называй меня госпожой Дувану! Сразу чувствую себя старухой, а ведь я совсем ненамного старше тебя.

— Хорошо, Миона, — заставил себя сказать Сой. — Как долго нам лететь?

— Долго, тебе успеет надоесть эта жестяная коробка. — Миона обвела рукой пассажирский салон. — Думаешь, зачем здесь так шикарно?

— Зачем? — заинтересовался Сой, оглядев богатую мебель, роскошные картины на стенах и посуду драгоценного алсанийского хрусталя.

— Чтобы ты от уважения к богатству не сорвался, — объяснила Миона. — А если и сорвался, то расколотил пару бокалов — и пришёл в себя. Тонкая психология.

— И что, помогает?

— Ага, — хищно оскалилась Миона. — Видишь, всё целое пока?

Странная женщина. И не поймёшь, то ли шутит, а то ли так на самом деле и есть.

Оказалось, не шутила. Пустота потому так и называется, что в ней не на чем зацепиться глазу. Уже на третий день однообразие стало раздражать. Теснота, невозможность сменить

обстановку напрягали. Сой изнурял себя тренажёрами, раз за разом повторял заученные наизусть инструкции, а вечерами беседовал с Мионой или её сменщиком, вторым пилотом Бором Боратом.

Долгожданным развлечением стал пролёт мимо четвёртой планеты системы, газового гиганта Тритона. Сначала появились три его кольца, засверкали в черноте пустоты драгоценными ожерельями. Сам Тритон на их фоне казался невзрачным, но лишь до тех пор, пока «Лардийская стрела» не подлетела к нему вплотную.

Поверхность гиганта бурлила, как котёл сумасшедшего повара. Вихри, каждый из которых превышал размер Мира, терзали атмосферу Тритона. По представлениям учёных и рассказам редких пустотников, побывавших здесь, в газовой оболочке планеты шла неистовая, вечная битва материи и энергии. Теперь и сам Сой смог убедиться в этом.

Время, пока «Лардийская стрела» совершала гравитационный манёвр в поле тяготения гиганта, подзаряжая заодно компенсаторы ускорения, Сой провёл у окна. Потом, ускорившись, их корабль рванул в неисследованные глубины возле Границы. Неисследованные не по лености. Потому, что Граница активно сопротивлялась любому зондированию.

Теперь всё изменится. Иначе не стоило и начинать.

Любая дорога когда-то кончается. Миона и Бор изначально могли наблюдать стену в небесную трубу, а теперь и Сой смог увидеть её через обзорное окно, увидеть непосредственно, без увеличения. Увидеть и сразу понять, что врут — или добросовестно заблуждаются — храмовники, что не может *это* быть желудком живого, пусть даже и божественного, существа.

Гладкий, спёкшийся от неведомого жара, местами иссеченный трещинами камень тускло поблёскивал в лучах далёкого светила. Кое-где стена выщербилась, и там она ничем не отличалась, например, от глиняного, покрытого негодной глазурью горшка. Присмотревшись, можно было заметить даже ржавчину, оставшуюся от протёкшей сквозь стену воды.

«Лардийская стрела» приближалась к «окну» в стене, в котором несколько сотен лет назад заметили Внешних. Двигалась по широкой дуге, скрываясь от возможных наблюдателей. Выйдя в нужную точку, корабль затормозил и замер, повис примерно в миллионе радиусов Мира от «окна» Внешних.

Прибыли!

Последнюю корабельную ночь перед вылазкой Сою долго не спалось. Неизвестная и близкая тайна будоражили воображение, мысли крутились в голове бесконечным хороводом. Медотсек «Лардийской стрелы», насыщенный самой современной техникой, легко усыпил бы его, но Сой рассудил, что он сам хозяин своих нервов. Это стоило ему нервов и сил, но он уснул сам, и спал без сновидений.

— Возвращайся скорее, — сказала ему утром Миона, а потом обняла и поцеловала. — Не хочу состариться здесь, вдали от Мира.

Бор Борат скупно улыбнулся и крепко пожал Сою руку.

— Я постараюсь, — неловко передёрнул плечами Сой. — Сами понимаете, не только от меня зависит...

— Мы понимаем, — ответил Бор.

Они лукавили. Сой знал это, а они знали, что он знает. Миона и Бор будут ждать его ровно сто дней, потом на малой шлюпке вернутся домой. Состариться здесь Миона не

успеет... Они лукавили, но их слова были ничуть не хуже любых других.

Сой постоял ещё с минуту, взглядываясь в их лица, затем обернулся и зашагал к трюму, где его ждал «Буках».

Десантный скаф СК-1, или попросту «Буках», напоминал огромного жука и стал своего рода шедевром инженерной мысли. Он не содержал ни единого расчислителя или умного датчика, ничего, сложнее электрического или инерциального мотора. Чтобы заставить работать часть механизмов «Букаха», пилоту приходилось примитивно крутить педали. Трудно и неудобно, но зато скаф останется в строю и на Той стороне.

Конструкторы на это надеялись, а Сой пытался верить конструкторам.

Загрузившись в скаф, Сой с минуту подождал, успокаивая сердцебиение, потом тронул рукоятку управления. Стены трюма впереди разошлись, и Сой выплыл в пустоту.

Которая теперь уже не была пустотой. Здесь царила стена с большой буквы. Она простиралась во все стороны, плоская, вечная, и подавляла воображение.

Границы Сой не увидел, но что-то внутри его вопило: она рядом! Невидимая, неосязаемая, опасная.

Притягательная. Медлить не имело смысла. Он здесь, чтобы пересечь её, и он это сделает.

Ожили дюзы. Сжатый воздух толкнул Соя вперёд. Граница надвинулась, и сейчас же ожили машины «Лардийской стрелы», которые начали взламывать Границу. Сой почувствовал запоздалый ужас, страх затопил сознание. Сой попытался затормозить, но было поздно. Граница уже была вокруг и внутри него. Вселенная взорвалась в сверкающем водовороте. Соя скрутило как мокрую тряпку, скрутило и выжало, и так множество раз подряд, и бросило вниз, и разбило на мириады осколков, которые...

Он очнулся от того, что падал. Скаф с Соем внутри, попав в поле тяготения Внешнего мира, беспорядочно вращался и летел вниз. Перед глазами Соя мелькала то стена, то свет далёкого светила, то просто чернота.

Мягкий, какой-то замедленный удар, словно Сой попал в жидкость. Слабый толчок в ноги. Неподвижность.

Он прибыл. Он — во Внешнем мире. Сой глубоко вздохнул. Примитивный анализатор показал: вокруг вода. Сой стоял на дне озера. Близкое дно укрывал оседающий после его падения ил. Плоские блестящие камни — куски глазури со стены, песок. На ближнем камне сидело существо, похожее на рыбу. Да что там похожее, это и была рыба, приспособившаяся жить в подземном озере, в котором не бывает ночи. Она не пыталась скрыться и сбежать. Значит, здесь не водилось хищников сопоставимого с рыбой размера, а, может, она просто привыкла к падающим сверху иномирянам?

Вода... Он знает её повадки, он не пропадёт.

Включив часы в руке, Сой ужаснулся тому, как быстро идёт внутренне время его мира. За те минуты, что прошли с его падения, на «Лардийской стреле» миновали часы! Пилоты долго смотрели, как он, невероятно медленно, словно в густой патоке, летел вниз, а потом вернулись к первоочередным делам. К ожиданию, теперь это их дело, поправил он себя.

Математики и врачи, работавшие с его телом, старались не зря. Кроме часов, внутренний расчислитель умел много разных штук. Например, он умел показать направление на «окно». Преодолевая сопротивление воды, Сой двинется в ту сторону. Дно потихоньку поднималось, и скоро верх скафа поднялся над водой. Сой обернулся. Далеко позади Граница касалась поверхности воды. Для воды Границы не существовало, вода без

помех проникала во внутреннее пространство, сразу теряла вес, превращалась в лёд и грязный снег и медленно, повинаясь тяготению звезды, дрейфовала в сторону центра полости.

Да, это была простая полость в камне. Отсюда, Извне, она казалась не слишком большой. Наверное, он смог бы дойти до противной стороны за несколько часов.

Вот только нет у него этих часов!

Озеро под ногами отступило. Теперь он шёл крошащейся под башмаками скафа глазури. Уклон становился круче, и скоро Сой уже полз, выдвинув присоски, по крутой стене. А потом он увидел свет из «окна» и силуэт человека...

— Нет, нет, не надо! Пожалуйста, не убивайте!

Молодой парень извивался, бился в чужих руках, кричал. Потом утомлённые криками палачи заклеили ему рот скотчем, и он только мычал, то бледнея, то наливаясь кровью.

— Долго ещё? — спросил Жогин.

— Почти схватилось, — сказал Виктор, потыкав пальцем в цемент. — Можно опускать, не размоет, — он запнулся. — И всё же, не слишком это резко, шеф?

— Нет, — отрезал Жогин. — Работайте.

Виктор pokrutil головой, но ничего не ответил, кивнул Вадиму. Они подхватили парня под руки и потащили по мосткам. На краю, метрах в двадцати от берега, остановились. Парень безвольно висел между ними, на его штанах расплылось тёмное пятно. Жогин прошагал по скрипучим доскам, встал рядом, резко, схвативши за волосы, вздёнул ему голову. Тот взглянул на Жогина с ужасом и безумной надеждой.

— Тебя предупреждали, — сказал Жогин, — ты не внял. Ты умрёшь.

Парень снова задёргался, брызгая соплями.

— Работайте, — повторил Жогин.

Постоял, дождался последних пузырей, сказал:

— После непродолжительной гражданской панихиды тело было предано...гм... воде.

Развернулся и твёрдыми шагами пошёл к машине. Его догнал Виктор, пристроился чуть сзади.

— Его скоро найдут, шеф.

— И что? — не оборачиваясь, бросил Жогин. — Кто-то казнил ещё одного мелкого наркодилера. Мы делаем их работу. Думаешь, они будут сильно копать?

— Не уверен, но...

— Вот и не бери в голову, — сказал Жогин. — Поехали, мы и так задержались.

В салоне машины сидел мрачный, задумчивый. На душе скребли кошки, целый взвод кошек, во рту было гадко, словно там — с особым цинизмом — оправились те же кошки. Итак, это уже шестой. Стало ли в городе чище? Непременно. Решена ли задача? Оградил ли он сына от наркотиков? Нет, тридцать три раза нет! Слишком простые деньги, обязательно найдутся те, кто готов рискнуть.

Рискнут — и будут убиты.

Только это не выход и не решение. С верхами надо работать, с теми, кто в начале цепочки, один из концов которой встал сегодня в тазик с цементом. Жаль, с ними нельзя поступить так же. Даже у него, у Жогина, не хватит на это ни денег, ни влияния...

— Виктор! — позвал Жогин.

— Да, шеф? — обернулся охранник.

— Организуй мне встречу с доном Мендосо.

Виктор закашлялся.

— Стоит ли, Илья Витальевич? — с сомнением проговорил он.

— У тебя достаточно денег и людей, — колючим голосом сказал Жогин. — Не думай, просто организуй. Сможешь? Или мне искать другого начальника охраны?

— Зачем же сразу так, шеф? — вскинулся Виктор. — Думаю, это будет не так просто.

— Ничего, — сказал Жогин. — У тебя достаточно людей и денег.

Полковник Иван Иванович Хомяк — с ударением на первом слоге, никак не иначе! — раздражённо хмурился. Румянец пропал, щёки обвисли, под глазами залегли чёрные тени. Теперь он никак не походил на деда Мороза без бороды, как Жогину представилось при первой встрече.

— Что вы себе позволяете, Жогин? — бесцельно перебирая бумаги на столе, спросил он.

— Что? — спокойно осведомился Илья Витальевич.

— Москва в недоумении, — сказал полковник. — Ещё не обеспокоена, но задумалась. Думаете, там дураки сидят и мышей не ловят?

— Никто не свяжет эти смерти с вами, — пожал плечами Жогин. — С вами и вашей службой.

— Вы издеваетесь, Жогин? — мёртвым голосом осведомился Хомяк. — Эти смерти... Зачем вы пытаетесь меня сбить? Эти убийства свяжут с вами, потому что только у вас есть силы и организация, способная на подобное расследование и не отягощенная при этом необходимостью чтить кодекс! Вы думаете, там, — полковник ткнул пальцем в потолок, — не умеют сложить два и два?

— Но не связали пока? — поинтересовался Жогин.

— Нет, — сказал Хомяк. Секунду помолчал, глядя внутрь себя, и поправился: — Официально — нет. Но что они думают и какие докладные лежат в их сейфах...

— Значит, больше смертей не будет, — произнёс Жогин.

— Убийств! — повысил голос полковник.

— Какие там убийства, — скривился Жогин. — В теле страны образовался гнойник, его надо вскрывать и чистить.

— То есть вы себя за хирурга числите?

— Если угодно, — ответил Жогин. — Я могу идти? У вас всё равно ничего на меня нет.

— Пока нет.

— Пока, — согласился Жогин, — но ведь нет?

Покинув кабинет полковника, Жогин пошёл не прямо, на выход, а свернул налево. По давнему договору Хомяк выделил ему всё левое крыло, там расположились лаборатории: химическая, физическая, вычислительная, медицинская. Оружейную Иван Иванович оставил за собой. Жогин не спорил: полковник в своём праве. Оружие слишком серьёзная вещь, чтобы доверять его штатским. Хотя... Вряд ли вещи, вышедшие из левого крыла, менее серьёзны. Спасибо, Иван Иванович, за военную логику.

За первой по счёту дверью скрывалась вычислительная лаборатория под началом Звонникова. Кто он был, доктор или кандидат? Жогин не задумывался, он всегда считал дела важнее званий. Он прошёл мимо, открыл вторую, где обитали медики. Они встретили его тишиной и напряжёнными взглядами. Жогин, накинув халат, прошёл, лавируя между ящиками — лаборатория готовилась к переезду — и присел за стол к завлабу А. Гурскому. Саня, Алекс, как угодно, только не Александр! Полное имя Гурский не признавал, а когда Жогин попытался обратиться к нему по имени-отчеству, пригрозил, что вообще не станет разговаривать. Видимо, поэтому он не удержался в Военно-медицинской академии. Снова спасибо товарищам военным за излишнюю серьёзность и снобизм.

— Как дела, Алекс? — спросил Жогин в лысоватую макушку склонившегося над бумагами Гурского. — Есть что нового по панацину?

— Всё то же, Илья Витальевич, — доложил Гурский. — Чертовщина какая-то.

— Но он работает?

— В том-то и дело, что да! — Алекс запустил пальцы в сальную шевелюру. — Работает, но как и почему, непонятно. Чувствую себя недоумком, честное слово.

— Мне нужен образец, грамм триста, — сказал Жогин. — И документацию, всё, что есть.

— Но его... рано пускать в производство, — промямлил Гурский. — Решительно неизученная вещь!

— Какое производство? — удивился Жогин. — Лично мне.

— Но как же...

— Саня, ты забываешь, кто здесь главный акционер, — ласково произнёс Илья Витальевич. — В журнале запишешь — «Для независимой экспертизы». И поторопись, я спешу.

Час спустя Илья Витальевич посматривал в иллюминатор самолёта, взявшего курс на запад. Принятая текила расслабила и успокоила. В голове неторопливо шевелились мысли, лениво толкаясь и, наверное, даже переругиваясь между собой за внимание хозяина.

...О том, что пресловутый Мендосо, которого сколько лет безуспешно ловили наркополицейские всего мира, обосновался не в джунглях латинской Америки и не в трущобах Гарлема, а вполне комфортно устроился в самом центре Европы, в Швейцарии.

...О том, как приятно быть олигархом, особенно олигархом, не запятанным связями с властью, сделавшим состояние не на нефти или газе, а на высоких технологиях. По крайней мере, так считали его контрагенты, а Жогин не торопился их разубеждать. Во всяком случае, ни к нефти, ни к газу, ни к лесу с металлами он не имел отношения, а полковник Хомяк — ударение на первом слоге! — да кому он интересен там, в европах?

...О том, что собственный бизнес-джет не только комфортная, но и чертовски удобная штука, особенно для тех, кто ценит своё время и имеет возможность его экономить. Время это деньги, обратное тоже верно.

...О том, наконец, как построить разговор с доном, хотя об этом Жогин беспокоился меньше всего. Мендосо согласился встретиться, значит, они не могут не договориться.

Ровный гул двигателей усыпил его, и остаток полёта Илья Витальевич проспал без сновидений, и уже только при заходе на посадку в аэропорту Куантран его разбудил Виктор. Пройдя без задержек таможеню, через двадцать минут они был на месте: в небольшой деревушке на пересечении двух дорог. Здесь они пересели в другую машину, к деловитым господам в тёмных очках — эмиссарам Мендосо. Их вежливо, но тщательно обыскали, потом столь же вежливо завязали глаза, хотя окна машины и были затонированы до полной непрозрачности. Только после всех этих мер безопасности отправились дальше.

Ехали куда-то в горы. Машина беспрестанно поворачивала то влево, то вправо, двигалась то вверх, то вниз. Сначала Жогин пытался фиксировать повороты, но вскоре бросил эту затею. Достаточно ошибиться один раз, и вся работа насмарку. Кроме того, автомобиль вполне мог крутиться на одном месте — именно с целью запутать их с Виктором. Не имела смысла стараться. Решив так, Жогин отдался темноте и мягкой подвеске.

Дон Хоакин Карраро и Пуэнкато да Мендосо лишь отдалённо напоминал человека, изображённого на фотографии. С карточки смотрел молодой наглец, а перед Ильёй

Витальевичем сидел средних лет человек, похожий на кадровика или бухгалтера. Очень спокойного кадровика или бухгалтера с колючими генеральскими глазами.

Стол, за которым они сидели друг напротив друга, был почти пуст, только в центре стоял декоративный светильник в виде цветка, в котором Жогин узнал автопереводчик последней модели. Той, которую «Звезда» ещё не вывела на внешний рынок.

Мендосо тихо заговорил по-испански, и светильник сразу ожил, зашевелил лепестками:

— Кофе, мистер Жогин? Или вы, как настоящий русский, предпочитаете чай?

— Спасибо, но лучше к делу, — ответил Илья Витальевич.

Мендосо прищурился:

— Извольте. Что вам надо, мистер Жогин?

— Мой сын подсел на героин, — сказал Илья Витальевич. — Я боюсь за его жизнь.

В глазах дона мелькнуло презрение, губы растянулись в издевательской улыбке. Сволочь, какая сволочь! Жогин заставил себя успокоиться. Не хватало погибнуть из-за собственной несдержанности.

— Что поделаешь, мистер Жогин, — развёл руками Мендосо. — Это бизнес. Вы знаете, что такое бизнес, вы и сами бизнесмен.

— Это мой сын, — сказал Жогин.

— Все мои клиенты чьи-то дети, — сокрушённо покачал головой Мендосо. — Впрочем, я могу, — он ненадолго задумался, — я могу распорядиться... попросить... не отправлять товар в ваш регион. Это потери, но что не сделаешь ради хорошего человека?

Он наклонил голову и испытующе посмотрел на Жогина.

— Бесполезно, — произнёс Илья Витальевич. — Мой сын предпочитает самый лучший порошок, ваш порошок, Мендосо, и он его найдёт.

— Запретите ему. Заприте его, вы же отец?

— Мы и так в ссоре, — сказал Жогин. — Зачем мне портить отношения окончательно?

— Странно, — сказал Мендосо. — Посмей мои дети... — он не закончил очевидную мысль. — Но зачем вы тогда просили встречи?

— Я предлагаю вам заработать, — сказал Илья Витальевич.

— Что?!

Маска небрежной невозмутимости на лице Мендосо на миг дала трещину.

— Здесь... — Жогин щёлкнул замком дипломата. Охрана дона напряглась, Виктор прикусил губу, подался вперёд. Лязгнули затворы.

— Прекратите! — ухмыльнулся Мендосо. — Карлос, Хуанито! Вы что? Мистер Жогин слишком богат, чтобы привезти сюда бомбу. Он ценит свою жизнь, не так ли, мистер Жогин?

— У меня, — спокойно, словно ничего не произошло, сказал Жогин, — есть другой порошок. — Он положил перед Мендосо запаянный пластиковый пакет. — Здесь двести грамм чистого панацина. Всего миллиард, и он ваш.

— Панацина? — приподнял бровь Мендосо. — Что это? Оно может стоить миллиард? Миллиард чего?

— Рублей, конечно.

— Пятьдесят миллионов евро, — сделал нехитрый пересчёт Мендосо. — Это немалые деньги, мистер Жогин. Зачем мне платить такие деньги за ваш... панацин?

— Добавляйте его в конечный продукт в отношении один к десяти тысячам.

— Зачем? — начал злиться Мендосо.

— Ваши клиенты не перестанут колотья, — объяснил Жогин, — но перестанут умирать.

— И какой смысл?..

Мендосо замолчал. Понял. Жогин улыбнулся: смышлённый... Впрочем, другие редко поднимаются на самый верх. Не всем же так везёт, как ему самому.

— Я проверю, — хрипло сказал Мендосо. — И если...

— Проверьте, — ответил Жогин. — Никаких «если» не будет. Только бизнес.

Он бросил на стол карточку.

— Здесь счёт. И постарайтесь проверять не слишком долго. Мой сын... Он не примет моей помощи, отношения и так ни к чёрту, он скорее умрёт... Мне больно его терять.

— Вообще перестанут? — спросил внезапно Мендосо.

— От порошка только, — отозвался Жогин. — Отвезите нас в аэропорт.

— Зачем ты давал ему деньги?

Губы у Марины дрожали, а в глазах стыла привычная ненависть. Жогин не ответил. Что толку ругаться, толочь воду в ступе?

Он подошёл к сыну. Артём лежал на сбитых простынях, сжавшись в комок, спрятав голову в ладонях. Серая кожа обтянула рёбра. Жогин едва удержался от ругани. Чёрт, мальчишке всего девятнадцать лет! Может быть, стоило таки подбросить Мендосо бомбу? У Алекса точно нашлось бы кое что, о чём не знает Хомяк. Вот только смерть Мендосо не спасла бы Артёма...

Сын открыл глаза и застонал, потом задрожал в ознобе. Открылась дверь, вбежала нанятая ими недавно сиделка, склонилась над Артёмом. В руке она прятала инъектор. Плохо прятала, его заметил Илья Витальевич, его заметила и Марина.

— Не смей! — завопила она, кидаясь к сиделке. Жогин удержал её за руку, прижал к себе.

— Что ты делаешь?! — закричала Марина уже на него. — Это наркотик, я видела такие!.. Хочешь убить сына?!

Она вывернулась, но опоздала. Сиделка уже ввела дозу и, пряча лицо, выскочила за дверь.

— Ты! Ты!.. — Марина задохнулась от возмущения. — Зачем ты это сделал?! Ему нельзя, он умрёт! Ненавижу!

Она ударила Жогина в грудь, ещё и ещё раз, потом попыталась вцепиться ногтями ему в лицо. Илья Витальевич не защищался, просто отстранялся; глаза ему ещё пригодятся.

Наконец Марина устала.

— Зачем... — повторила она обречённо.

— Всё будет хорошо, — сказал Жогин. — Посмотри.

Артём спал, глубоко и спокойно дыша. Дрожь ушла, кожа на глазах обретала нормальный цвет.

— Вы знаете, Илья Витальевич, агентство реорганизуют, — полковник Хомяк разливался соловьём. — Созданы три новых отдела, появились вакансии. Думаю вот, — он мечтательно закатил глаза, — плюнуть на всё и укатить в столицу? Как смотрите, Жогин?

— Зачем вы мне это рассказываете, полковник? — спросил Илья Витальевич. — Что-то случилось?

— Случилось, Жогин, случилось, — не стал отнекиваться Хомяк. — Вы в курсе, что такое обдолбанный наркоман?

— У меня, если помните, сын... — начал Жогин.

— Плевать на вашего сына! — рывкнул Хомяк. — Ваш сын это ваши проблемы. Что такое обдолбанный наркоман, агрессивный наркоман, которому не хватает денег на дозу, который только об этом и думает? Смертельно опасный социопат в людном месте? Видели такое?

— Не имел удовольствия, — сжимая кулаки, сказал Жогин.

— А придётся, — сообщил полковник. — Сейчас, с минуты на минуту...

Тренькнул телефон. Хомяк схватил трубку, молча выслушал и зло улыбнулся Жогину: — Поехали!

Супермаркет окружали два ряда оцепления: полицейское и МЧС. За ними столпились зеваки, газетчики и телевидение. Чуть поодаль, не глуша моторов, дежурили несколько карет «Скорой помощи». Хомяка с Жогиным пропустили без слов; полковника здесь знали, Илья Витальевич тоже успел засветиться в компании сильных мира сего.

За торговым залом наблюдали суровые омоновцы в полной выкладке. Командовал ими седой подполковник. Они перекинулись с Хомяком парой слов, подполковник кинул на Жогина злой взгляд и подозвал одного из подчинённых:

— Покажи им. Блиско не пускай.

Далеко идти не пришлось. В центре зала стайкой испуганных птах сгрудились кассирши, рядом сидел на упавшем стеллаже угрюмый парень с обрезом. Даже отсюда Жогин заметил, какие цепкие взгляды бросал тот вокруг.

— Не похож на наркомана, — прошептал Илья Витальевич.

— Да? — приподнял бровь полковник. — И тем не менее, он под дозой. Спасибо вам, Жогин!

— Но почему вы ничего не делаете? — спросил Жогин у омоновца. — Усыпить, я не знаю, что там, вы же специалисты!

Омоновец посмотрел на полковника, дождался кивка и объяснил:

— У них с собой газовые фугасы. Грозилась подорвать, если начнём штурм.

— А откуда?.. — хотел спросить Жогин, но Хомяк подхватил его под руку и потащил к выходу.

— Не будем мешать профессионалам, — сказал он. — А откуда, не знаю пока. Раздобыли, спланировали, теперь требуют большую партию наркотика, про запас, видимо. Очень умно всё организовали, не скажешь, что буквально пропитаны героином.

— С этой бандой разберёмся, — продолжил Хомяк уже по возвращению. — Но ведь они первые! С каждым днём таких будет всё больше. Мендосо не успокоится, весь мир зальёт этой дрянью! Цивилизация погибнет, Жогин. Утонет в наркоманах, которые не умирают! Что делать, а? По уму, — полковник вздохнул, — вас бы расстрелять, да только какой в этом толк... Связался я с вами, — он снова вздохнул. — Сидел бы себе тихо, ждал пенсии...

— Не надо меня расстреливать, — сказал Жогин. — У нариков наших зависимость чисто психологическая, их можно теперь вылечить.

— Откуда известно?

— Гурский сказал, — пожал плечами Жогин. — Вы отчёты читаете? Там всё есть.

— Предположим. — Полковник откинулся в кресле. — А Мендосо? Мы будем их

лечить, а он — снова подсаживать на дурь. Безотходное производство получается, и всё к его выгоде. Раздавал бы Мендосо медали, он бы вас, Жогин, орденами увешал!

— Мендосо...

Жогин достал смартфон, запустил приложение.

— Вызовите Звонникова, полковник.

— Да?

Хомяк скептически поджал губы, но более никак не выказал недовольства. Поднял трубку, выбрал нужный номер:

— Валентин Абрамович? Зайдите, пожалуйста.

Звонников, большой, представительный, никак не похожий на всклокоченного компьютерного гения, появился через несколько минут. Кивнул вальяжно Жогину, вопросительно посмотрел на полковника.

— Вы позволите? — Илья Витальевич сбросил изображение со своего смартфона на настенную панель. — Что вы об этом скажете, Валентин Абрамович?

Звонников не торопясь протёр очки, присмотрелся.

— Ага, узнаю эту программку, сам её писал, — улыбнулся он. — Арел распространения панацина. Собственно, вот здесь, у нас, он весь и локализуется. Только... — он нахмурился. — Откуда он в Швейцарии? И расплзается.

— Что? — не понял полковник.

— Вот, Иван Иванович, — ткнул пальцем Звонников. — Вот это пятно. Это мы. А вот это паучок, эм... и даже паутинку сплёл... Это уже не ко мне вопрос.

— Вы поэт, Валентин Абрамович, — сказал Жогин. Звонников только махнул рукой.

— Объясните, наконец, что всё это значит?! — не выдержал Хомяк.

— Понимаете, Иван Иванович, — заговорил Звонников, — панацин, на самом деле, это так называемый smartdust, умная пыль иначе. Лекарственные свойства — так, побочка. Когда панацин скапливается в одном месте в заметном количестве, он образует пространственную сеть, которая излучает в микроволновом диапазоне. Моё приложение просто визуализирует, эм... локализацию этого излучения.

— С какой точностью? — быстро спросил Хомяк.

— До метра, — с удивлением посмотрел на него Звонников. — Вы что, не в курсе? До вас не довели мой отчёт? Собственно, особой пользы мы не увидели, отдали Гурскому, а оно, эм... вот. Я могу идти?

— Так что Мендосо не проблема, — сказал Жогин, когда Звонников вышел. — У вас есть выходы на швейцарцев, Иван Иванович?

Хомяк, не отрываясь от экрана, кивнул.

Мелькали кварталы, шелестел под сиденьем электромотор. Жогин сидел, не касаясь руками рулевого колеса. Зачем, автопилот прекрасно справится сам. Вот, кстати, автопилот, ещё одна адаптированная к использованию находка, не пошедшая ещё в серию. И органы управления можно будет снять, вообще не монтировать на новые машины, если только на гоночные или военные. А сколько других вещей вызревают в лабораториях! Панацин — одна из многих, фирма процветает, всё такое... Деньги текут рекой, но можно ли сказать, что он счастлив?

Ворота, переговорив с автопилотом, разошлись, пропуская машину внутрь. Жогин сидел, утонув в кресле, и не спешил выходить. Семья его больна, и наркомания Артёма — не

самое страшное, против неё есть панацея. Надо говорить, надо найти слова, самые главные, самые важные слова.

Жаль, для таких слов не придуман гаджет. Или наоборот, хорошо. Свои проблемы они должны решить сами. Узлы надо развязывать. Или рубить.

Кстати, хватит уже тесниться у полковника. Земля оформлена, новый офис почти достроен. Пора переезжать.

По диплому Вадим Коробченко был математик, по призванию кодер, а по самоощущению — неудачник. И не в деньгах дело, денег ему платили достаточно, даже многовато, если честно рассудить. Время от времени он даже порывался пойти к Трепникову и положить перед ним заявление, но каждый раз малодушничал, и готовое заявление летело в ящик стола. Там их скопилась уже изрядная пачка, и больше там ничего лежать не могло. Работа, будь она неладна, не позволяла программировать на рабочем месте, это даже стояло отдельным пунктом в контракте.

Творить же дома не оставалось ни желания, ни сил.

И как его, скажите, назвать? Неудачник, пусть даже обеспеченный.

Вадим плотнул остывшего кофе и отставил кружку. Он уже ненавидел кофе, от него противно частило сердце, а в глаза, казалось, насыпали песку. Вот только взбодриться ничем, кроме чая и кофе, не позволял тот же контракт, и он же требовал всегда быть начеку.

Иначе штрафы и увольнение, будь оно всё неладно, а работу свою, трудную и нелюбимую, Коробченко ценил, и плевать на ящик, полный невручѐнных заявлений.

Вадим плотнул кофе снова и обратил внимание на экраны. Третий канал сбоил. Нет, информация шла исправно, но встречались в ровных графиках неприятные ямы. Их вытянут при расшифровке, этим занимался целый отдел, но ямы были некрасивые, неряшливые, а Вадим предпочитал, чтобы было красиво.

Он запустил тесты, похмыкал и, почесав в затылке, слегка изменил конфигурацию антенн. Третий канал выровнялся, а уровень второго даже немного вырос.

Хорошо! Вадим откинулся в кресле и решил, что он, всё же, не совсем никчѐмный человек, и способен делать то, что нравится даже ему самому. В том, что его ценит Трепников, он не сомневался.

Поверх мониторов сквозь проѐм в стене лился свет Звезды. Было нечто фантазмагорическое в этой картине — звѐздная система в не самой большой даже по земным меркам пещере. Там бежали по своим орбитам планеты, там жили люди, рождались и умирали, горевали и радовались, и наполняли эфир электромагнитным шумом. Этот шум впитывали наноспутники, которыми команда Трепникова обильно засеяла пространство вокруг Планеты, шифровали и отправляли вовне. Здесь сигнал фиксировали антенны, а присматривали за антеннами Коробченко со сменщиками. Терабайты информации текли в накопители, оттуда по оптическому кабелю в отдел, а на самом деле целый институт Никиты Николаевича Трепникова.

Последнее время терабайт стало меньше. Наноспутники потихоньку выходили из строя. Но на подходе новая порция, и тогда ему уже не посидеть так, просто глаза внуть Пузыря. Не забыть бы напомнить Никите Николаевичу про зарплату...

Что-то изменилось. Вадиму вдруг стало неудобно, будто кто-то смотрел на него из пустоты, смотрел с враждебным, оценивающим интересом. Коробченко помотал головой: что за чушь, кто может на него смотреть оттуда? Они есть, их много, и они разумны, но невозможно далеко. Всё равно как посмотреть на Землю из пояса Койпера, это невозможно ощутить!

Чушь какая-то лезет в голову. Это всё от нервов, и значит, пора менять работу. Пускай он потеряет в деньгах, но здоровье дороже. А, может, и не потеряет. Кодер он неплохой, есть

чем похвастаться, глядишь, даже и прибавка нарисуеться. Это ведь как себя поведёшь перед начальством. Будешь мямлить и нервничать — останешься с носом, а покажешь себя уверенным и компетентным специалистом, то совсем другое дело.

От мыслей о потенциальном повышении стало легче. Чужой взгляд никуда не делся, но стал мягче, словно через мутное стекло. Вадим даже принялся насвистывать какой-то мотивчик — из новомодных, *тамошних*. Планетяне транслировали в пространство много музыки, и популярной, и той, что на Земле назвали бы классической. После замедления её вполне можно было слушать. Поэтому Вадим знал: ничем они не отличаются от людей, только им не повезло оказаться в Пузыре. Хотя, это его мысли, а им, возможно, до Пузыря и дела нет.

Динамик коротко пискнул, но Вадим успел всё заметить сам. Первый канал просел по амплитуде, просел ровно, по всем частотам. Значит, ещё один наноспутник сказал «Адью!». Рановато, если честно. Спутники рассчитаны примерно на двадцать лет работы, это почти два с половиной месяца по земным часам, а ведь от запуска и семи недель не прошло! Что там творится-то?

Удобный повод зайти к начальнику, продемонстрировать бдительность и заботу о деле... а там посмотрим.

Ощущение чужого взгляда исчезло резко и внезапно, и Вадим решил, что ему показалось, и выкинул его из головы. Тем более, до смены оставалось всего ничего.

Пещеры и тоннели, даже обжитые и обустроенные, не слишком уютны. Там холодно и промозгло. Сколько не грейся — Брр! — кофе, всё равно не согреешься. Поэтому из горы Вадим выскочил чуть не вприпрыжку и с радостью вдохнул чистый, свежий, а главное, тёплый, напоённый озоном и ароматами смолы воздух. Если утром, когда Вадим заступил на пост, накрапывал дождик, то после обеда развиднелось. Высоко в небесах застыли редкие перистые облака, в воздухе гудели пчёлы. К рукаву рубашки прилипла паутинка с оседлавшим её паучком.

— Эх ты, дурашка! Не тот транспорт выбрал. Лети уж...

На открытом воздухе настроение у Вадима скакнуло вверх. Он аккуратно отцепил паутинку и, дождавшись порыва ветра, пустил её в полёт. После чего отправился на стоянку, где их смену уже ждал фирменный автобус. Дорогу до города он проспал, а в городе вышел не у дома, а доехал до конторы.

Трепников был на месте, и Коробченко пришлось ждать всего минут двадцать.

— Что случилось-то? — удивился его визиту начальник. — Шёл бы выспался. Насколько помню, у тебя завтра опять с утра смена, а до выходных ещё три дня.

— Не могу я больше, Никита Николаевич, — заявил Вадим, присаживаясь на краешек стула для посетителей.

— Не можешь что? — не понял Трепников.

— Вот этого всего! — путано объяснил Вадим. — Я ведь программист, кодер, а работаю оператором. Сил моих больше нет.

— Это важная работа, ответственная, — сказал Никита Николаевич. — Компьютеры, электроника, всё по твоему профилю. Ты же, когда нанимался, вроде не против был?

— Не против, — понурился Вадим. — Только... устал я, Никита Николаевич. Сил больше нет на эти кривые смотреть! Потом, — он помялся, — жутковато там, как в подземелье.

— Это и есть подземелье, пещера, — сказал Трепников. — За это и деньги платим.

Впрочем, ладно. Может, отпуск тебе оформить? Внеочередной? Отдохнёшь, развеешься, вот и не будет жутко.

— Отпуск это хорошо, — сказал Вадим, — но нет. Не могу больше. Чудиться начало всякое...

— Это какое? — заинтересовался Трепников.

— Ну, всякое, — пожал плечами Вадим. — Сегодня, например, показалось, что *оттуда* смотрит кто-то. Даже голова заболела.

— Да, это серьёзно, — усмехнулся Трепников.

— И ничего смешного, — обиделся на него Вадим. — Вас бы туда.

— Я там не одну неделю провёл, — отмахнулся Никита Николаевич. — Ладно, решим чего-нибудь. Сам-то чем хочешь заниматься?

— Я же говорю, кодер я! — оживился Вадим. — Программист. Программы хочу писать. В моём резюме всё есть.

— Программы... — Трепников выбил пальцами какую-то мелодию. Что-то знакомое, но Вадим не смог её опознать, а Никита Николаевич не стал повторять. — Ладно, будь по-твоему.

В руках у Трепникова появился смартфон. «Какой-то маленький!» — с удивлением подумал Вадим. Видимо, что-то отразилось на его лице, потому что Трепников согласно покивал головой и снизошёл до объяснений:

— Да, старая модель, ей лет десять, зато экран неубиваемый. Штук пять за последние два года расколотил, пришлось этот телефончик достать. И знаешь, — он весело посмотрел на Вадима, — ничего не отвлекает. Ни игрушек, ни Сети. Только звонки, ничего больше. Зато освободилась куча времени, а время это... — Он пощёлкал пальцами. — Время... это, дружище, время! Ага... Игорь Всеволодович, Зайди ко мне. Ничего, отвлекись, как раз по твоему профилю.

— Вот... — Никита Николаевич снова выстучал что-то по столешнице, и Вадим снова не опознал мотив. — Ты не голоден?

Вадим пожал плечами. Нельзя сказать, чтобы он был особенно сыт, с утра на нервах, не каждый день на приём к начальству ходишь, но и не настолько голоден, чтобы у начальника в кабинете есть.

— Нет? — снова поинтересовался Трепников. — Ну, ладно, а я перекушу. Пока Игорёк до нас доберётся...

Он встал и подошёл к встроенному в стену сейфу. То есть, Вадим решил, что сейф, а на самом деле это оказался незнакомый кухонный агрегат. Во всяком случае, Трепников достал из его недр и парящую кружку, и тарелочку с бутербродами, явно не горячими.

— Образец, — с явной гордостью сказал Никита Николаевич. — В серию не пошёл ещё. Илья Витальевич не нашёл пока производителя. Гибрид, понимаешь, из холодильника с микроволновкой и плитой, — он на секунду задумался и добавил: — И с посудомоечной машиной... да.

Выставив закуску на стол, Трепников принялся с аппетитом поглощать её, хитро поглядывая на Вадима, и тот не выдержал:

— Уж больно вы, Никита Николаевич, вкусно чай пьёте.

— Ыгы, — согласился с полным ртом Трепников. Прожевал и произнёс: — Я и бутеры вкусно ем. А тебе уже не предлагаю, потому что...

Но Вадим и сам понял, почему. Дверь открылась, и в кабинет втиснулся Игорь

Всеволодович Савойский.

Директор департамента программного обеспечения был черняв, лыс как коленка и чрезвычайно толст, отчего в помещении сразу стало тесно. Он подкатил к столу ещё одно кресло и плюхнулся в него, отчего амортизатор жалобно пискнул.

— Всё трескаешь? — спросил, упершись взглядом в Трепникова.

— Так, — согласился Никита Николаевич, — перекусываю.

— Нехорошая ты, Никита, черепашка, вредная, — заявил Савойский. — Дразнишь меня, а ведь знаешь, что я на диете. Чего звал-то?

— Вот, познакомься, — кивнул на Вадима Трепников. — Вадим Коробченко, хочет трудиться в твоём департаменте.

— Кодировать хочу, — сказал Вадим, когда Савойский перевёл взгляд на него.

— Кодировать... — с непонятым выражением повторил Савойский. — А скажите, Вадим, э-э-э...

— Просто Вадим, — вставил Коробченко.

— Скажите, просто Вадим, — продолжил Савойский, — не тот ли вы Коробченко, что писал парсеры¹ для «Горизонта»?

«Горизонтом» назывался комплекс программ для обработки скважинных данных, и Вадим действительно принимал в нём участие, но было это давно, лет пятнадцать прошло. В контору, которая занималась «Горизонтом», Вадим попал сразу после института, молодым и зелёным, поэтому ему поручили самое простое, не требующее специальных знаний. А что может быть проще формальных грамматик²? Вадим взялся за эту работу с жаром неопита и достиг успеха, во всяком случае его парсеры вошли в «Горизонт» в полном объёме. Другое дело, что сам комплекс успеха не имел, но тут уж были виноват не Вадим, а время.

— Тот, — не стал отнекиваться Вадим. — Только причём здесь это? Задача была не такая уж и сложная.

— Они работали, — ответил Савойский. — Что ещё нужно от программ, написанных молодым специалистом?

Вадим промолчал. Приятно, конечно, но обсуждать тут нечего.

— И вы хотите программировать? — спросил Савойский.

— Да, Игорь Всеволодович, хочу.

Савойский нахмурился и передёрнул плечами, отчего вся его туша пришла в движение, а кресло снова жалобно заскрипело.

— И когда ты, Никита, нормальную мебель заведёшь? — недовольно спросил Савойский у Трепникова. — Солидному человеку присесть страшно.

— Жду, пока ты похудеешь. И сразу заведу.

— Чего это? — приподнял брови толстяк.

— Раньше смысла нет, — любезно пояснил Никита Николаевич. — Всё одно поломаешь.

— Тьфу на тебя! — оскалился Савойский. — Если ты не против, пойдём мы.

— Давайте, — согласился Трепников. — С кадрами сам разберёшься?

— А то, — ответил Игорь Всеволодович, открывая дверь. — Пошли, просто Вадим.

В главной конторе Вадим бывал нечасто, тем легче он замечал происходившие в здании изменения. Тут просто: они копятя постепенно, каждый день, но помалу, и глаз привыкает не замечать разницу. Для Вадима произошло многое. За полгода разрозненные здания департаментов соединили остеклёнными переходами, а внизу, где сотрудники протоптали в

своё время паутину дорожек, теперь разбили парк. Люди бродили там и сейчас, но именно бродили, отдыхая. Или бегали, или скандинавски ходили.

Спорт в конторе приветствовали. На одной из тропинок Вадим заметил группу бегуний. Совсем юные девицы, чуть не школьницы, и никак они не походили на работниц «Звезды».

— У нас тут спортшколу открыли, — пояснил, проследив его взгляд, Савойский. — Тренируются.

— Спорт это хорошо, — согласился Вадим.

Хорошо, да только некогда! Вадим с завистью посмотрел на Савойского: несмотря на огромный вес, он оказался необычайно подвижным и быстрым. Этаким мегаколобок из старого фильма! Вообще, очень полные люди бывают подчас весьма ловкими. Взять хотя бы тех же сумоистов!.. Впрочем, их подвижность достигнута годами, а то и десятилетиями тяжёлых тренировок и истинно самурайской дисциплиной.

Савойский пёр и пёр вперёд, как танк, как какой-то супербизон, и Вадим с трудом за ним поспевал.

— Сбавьте немного, Игорь Всеволодович! — взмолился он наконец. — Я не привык, и в пещере не побегаешь...

— О, извини!

Савойский остановился. Было видно, что ему тоже непросто. Он покраснелся, тяжело дышал, на лбу проступили капли пота.

— Фух! — сказал он. — Это я, хе-хе, хую. Обещался Никите, вот и стараюсь.

— И часто вы так худеете? — поинтересовался Вадим.

— Нет, — крутанул головой Савойский. — Только когда в главном офисе бываю. Так что тебе, парень, повезло, можно сказать. Так-то я хожу степенно, поддерживаю начальственный авторитет. Но ты прав, слишком бежать не стоит. Кстати, мы уже и пришли.

По спиральной лестнице они спустились вниз, и вышли в центральном холле Департамента программного обеспечения. По левую сторону располагался гардероб, сейчас по летнему времени закрытый, по правую — стена столовой. Савойский повёл Вадима вперёд, по длинному коридору. Слева, за стенкой из зеркального стекла, длился и длился обширный зал, разделённый перегородками на множество клетушек, и в каждой из них сидел перед экраном сотрудник. Кое-где перегородки были подняты, и клетушки объединялись в большие помещения.

— Планёрки, — объяснил Савойский. — Видишь, вон Миша Карпов, начальник группы графических программ. Он любит по утрам задачи ставить таким образом. А Глушман, например...

— Это который Глушман? — перебил его Вадим. — Это который по криптографии?.. Извините.

— Тот самый, — кивнул Игорь Всеволодович. — Так он обычно проводит сборища на плэнере, в парке. Отвлечься от суетного, так сказать, прочистить мозги.

— Мозги... — повторил Вадим.

Сэмюэль Глушман был легендой и трудился, насколько Вадим знал, в Америке, в Кремниевой долине. До последнего времени трудился. А оно вон как, на самом деле...

— Э-э-э, Игорь Всеволодович, — недоумённо протянул он, — вроде в Микрософте Глушман?

— Ага, — расплылся в широкой, такой, что его круглое лицо стало похоже на блин, улыбке Савойский. — В Микрософте, удалённо. А физически — у нас. Сэм денежки считать

умеет, не отнять. Только...

— Что, Игорь Всеволодович?

— Хороший он мужик, ненапряжный, в общении простой, и не скажешь, что миллионер, — продолжил Савойский. — Но имей в виду, ласковый он слишком.

— То есть?..

— То и есть, — отрезал Савойский. — Надеюсь, ты не из этих? Имей в виду, Жогин их презирает. На работу берёт, но презирает.

— Чур меня, чур, — произнёс Вадим, оглядываясь назад, словно там уже преследовал его ласковый миллионер Глушман.

За разговором Вадим не заметил, что коридор кончился. Они стояли в маленьком помещении, уставленном кадками с пальмами и многочисленными горшками с цветущими орхидеями. Прямо перед ними ковровая дорожка упиралась в дверь с простой табличкой: «Савойский И.В».

— Ладно, — махнул рукой Савойский. — Милости прошу в мою берлогу.

Берлога Савойского ничем не отличалась от кабинета Трепникова, только мониторов было больше, а размером они были меньше. Да и стол толстым слоем покрывали старые распечатки. Пожелтевшие по краям, кое-где покрытые пятнами от пролитого кофе, исчерканные нечитабельными каракулями.

«Почерк как у врача», — подумал Вадим, но вслух ничего не сказал. Начальники они народ такой, кто их знает, на что обидеться могут?

— Это тамошний, — снова проявил редкую проницательность Савойский, — алфавит. Сорок семь графем, шестнадцать модификаторов смысла, круговая запись.

— Тамошний, в смысле из Пузыря? — уточнил Коробченко.

— Именно, — подтвердил Савойский.

— Интересно, — сказал Вадим.

— Да, ты даже не представляешь, насколько, — хитро прищурился Савойский. — Напрямую тебя касается.

— То есть, Игорь Всеволодович? — насторожился Вадим.

— То есть ты ведь последние годы не программировал? — сказал Савойский.

— Ну, да, — после паузы ответил Вадим, — как устроился сюда. Но я быстро восстановлюсь, честное слово! Программировать нельзя разучиться, как невозможно разучиться плавать или кататься на велосипеде, вы же знаете!

— Я и не сомневаюсь, — ответил Савойский. — А чтобы было проще, побудешь пока при Полиглоте.

— Полиглот это?..

— Верно, система автоматического перевода, — кивнул Савойский. — Оттуда, — он махнул рукой куда-то в сторону близких гор, — мы получаем много программ. В исходниках или в объектном коде³. Твоя задача пока — проверять результат, вылавливать самые явные баги. Полиглот, кстати, тоже *оттуда*, и его доводить до ума и доводить. Его, понимаешь ли, дизассемблировали⁴ и перевели практически вручную, и только потом нам удалось получить исходный текст.

— Да уж, — пробормотал Вадим. — И кто этот герой?

— Какая разница? — улыбнулся Савойский. — Много народу работало, каждый со своим куском. Начальный парсер написал я.

— Внушает. — Вадим посмотрел на будущего начальника другим взглядом.

Неспециалисту не понять, но он-то знал, каково это: разделить хаотичный на первый взгляд поток байтов на смысловые единицы, а сначала выделить их, опознать, понять предназначение. При этом имея в виду логику существ из Пузыря! Куда там Фестскому диску...

— Это было не так сложно, как кажется, — сказал Савойский. — Но да, пришлось потрудиться. Теперь детали. Подчиняться будешь пока напрямую мне, потом как пойдёт...

Осознанно или нет, но, говоря о том, что разучиться программировать невозможно, Вадим обманывал самого себя. Программисту, как и пианисту, необходима практика. Особенно, когда ты не своё пишешь, а проверяешь чужое. Тем более, настолько чужое. Не так это просто, понять, как двигалась мысль другого человека, какую именно задачу решает тот или иной кусок кода — и как это сыграет потом.

Шли дни. Их Вадим проводил перед монитором, вглядываясь в скользящие перед глазами строчки кода. Вечерами, уже дома, он изучал уже переведённые и адаптированные программы. Иногда он был доволен собой, но чаще ему казалось, что он полный бездарь, и что слежение за кривыми в пещере — предел его способностей.

Результаты Вадим отправлял Савойскому. Игорь Всеволодович молча принимал работу и так же молча отправлял Вадиму новое задание. Не ругал, и это радовало, но и не хвалил, и это действовало на нервы. Но Вадим держался.

Старание никогда не бывает бесполезным. Постепенно работа стала понятной и привычной, и у него появилось свободное время. Скоро Вадим заметил, что Полиглот не настолько эффективен, как следует ожидать. Иногда комплекс замирал, запинался, вообще действовал странно. Ошибок не было, свою задачу Полиглот выполнял, но не так быстро. Задания копились, Савойский недовольно вздыхал, почему-то при этом поглядывая на Вадима. Вины за собой Вадим не видел, да и Игорь Всеволодович молчал, обходился без претензий.

Было в поведении Полиглота нечто странное, знакомое Вадиму по опыту прошлой работы. Как ни дико это звучало, что-то подобное Вадим уже встречал. Он шерстил исходные тексты, и глаз ни за что не зацепился. Но проблема никуда не делась, и Вадим решился.

— Я хочу увидеть сырой текст Полиглота, — заявил он Савойскому при встрече. — Исходный, из Пузыря.

— Зачем? — спросил Савойский.

— Пропущу его через Полиглот, — объяснил Вадим.

— Но зачем? — удивился Игорь Всеволодович. — Мы давно уже вычистили все ошибки и отладили логику. Ты хочешь сделать это заново? Что ты хочешь добиться?

— Не знаю, — развёл руками Вадим. — Что-то. Должно быть что-то, чего я не вижу. Такое чувство, что...

Он не договорил, не нашёл слов.

— Хорошо, — сказал Савойский. — Если это тебе поможет... Иди, работай, я сброшу файл в твою папку на сервере.

Вернувшись к себе, Вадим подсунул Полиглоту полученные (Ого? Ничего себе объёмчик!) данные и заварил кофе. Сервер мерно журчал, пережёвывая мегабайты, бегунок прогресса на экране неторопливо полз к правому краю, а Вадим размышлял: ради чего он, собственно, это затеял? Не доверять Савойскому он не мог, перевод, безусловно, сделали

безукоризненно. Что же можно углядеть в сыром, непричёсанном тексте?

Колонки заиграли «Марш Черномора» — Полиглот рапортовал о выполненной работе. Вадим загрузил в него новую порцию данных, а сам открыл файл с результатами.

Глаза скользили по строчкам. Всё то же самое, что и в эталонных листингах Полиглота. Кое-где поправлены имена переменных, кое-где добавлены обращения к функциям. В общем, ничего особенного, обычная косметическая правка. Что ещё? Савойский поудалял длинные комментарии, те, что посчитал ненужными. Неудивительно, исходный текст ими изобиловал, неведомый программист из Пузыря пояснял, казалось, любое своё действие, самое тривиальное. Зачем эта лишняя работа? Ведь всё требует времени...

А вот тут... Вадим замер, не поверив глазам. Осторожно отмотал текст назад, вчитался в комментарии заново. Нет, всё так и есть, и он не сошёл с ума! Почему-то бросило в пот, и заболели виски. Вадим осторожно выбрался из-за рабочего стола, достал из холодильника бутылку пива, откупорил.

Руки работали сами, без участия головы, потому что в голове звенела пустота. Мыслей не было, лишь одна вилась, не позволяя ухватить себя за хвост: неужели то, что он видит — на самом деле? Или Савойский решил подшутить, проверить нового — ну, относительно нового — сотрудника на психологическую устойчивость?

За окном, за низеньким заборчиком тренировались бегуны. Становились на колодки, раз за разом стартовали, пробегали с десятков метров и возвращались к пузатому тренеру в синем тренировочном костюме. Тот что-то объяснял, сопровождая свои слова размашистой жестикуляцией, и снова отправлял подопечных к стартовым колодкам.

Девушки были чудо как хороши в своих трико, который подчёркивали и выгодно оттеняли каждую выпуклость. Было в биографии Вадима короткое время, когда и он ходил в зал тягать железо, так что мог сравнить, и надо сказать, что легкоатлетические девушки были ничуть не хуже фитнес-девиц, а даже и лучше. Красивее, естественнее. В зал фитнеса записываются для того, чтобы построить фигуру, накачать ягодицы и прочее, прочее, а в беге и вообще любом спорте фигура — не главное, там работают на результат, и фигура получается сама собой, и она правильная, природная.

Пока Вадим рассматривал красивых девушек, шок рассосался, зато остались вопросы. Он распечатал пару страниц из листинга Полиглота, забросил в рот мятный леденец, — всё-таки пива выпил, — и отправился к Савойскому.

1. Парсер — программа синтаксического анализа, разбивающая входной текст на лексемы, то есть отдельные лексические единицы, например числа, знаки операций, математических или иных функций, а также служебные слова. Парсер обязательно присутствует в любом компиляторе или комплексе автоматического перевода. Здесь компилятор — программа для перевода текста на алгоритмическом языке высокого уровня, на котором пишет программу человек, в вид, понятный компьютеру.

2. Формальные грамматики — раздел математики, оперирующий абстрактными языками. Определяет правила, по которым строятся слова и выражения конкретного языка, а также позволяющие узнать, принадлежит ли некоторое слово этому языку.

3. Исходник — программа, записанная на некотором языке программирования. Результат работы человека-программиста. Специальная программа-компилятор переводит

исходный текст в объектный код, то есть в такой вид, который понятен компьютеру. Остаётся один шаг до получения исполняемой программы, его выполняет редактор связей — программа, соединяющая куски объектного кода вместе и заменяющая относительные (абстрактные) адреса на абсолютные.

4. Дизассемблинг — обратный перевод из машинного, объектного кода в вид, с которым может работать человек. Результат представляет собой программу на языке нижнего уровня — ассемблере. Он отличается несложным синтаксисом и наличием большого числа относительно простых команд.

— Что это значит? — спросил его Савойский, когда Вадим положил перед ним свежую распечатку.

— Эта программа... — Вадим запнулся, подбирая слова. — Это моя программа, это я писал для «Горизонта»! Так, без комментариев, сходу и не поймёшь, а с комментариями... Это мои комментарии! Это я их писал. Я тогда сильно старался, как же, первая самостоятельная работа, вот и мусорил словами, чтобы ничего не забыть. А вдруг спросят: «А это что, парень? А что ты имел в виду?» А я и отвечу: это и вот это, и какие ещё вопросы?

Когда Вадим закончил свою тираду, Савойский, прищурившись, посмотрел сначала на него, а потом на висевшие на стене часы.

— Обед, — сказал он. — Пойдём-ка, просто Вадим, покушаем. Ты не против перекусить в компании начальника?

Есть Вадим не хотел, не привык в это время, но Савойский так произнёс слово «просто», так выделил его интонацией, что Вадим молча кивнул.

— Вот и славно, — кивнул Савойский. — Вот и двинулись.

Против ожиданий, Игорь Всеволодович повёл Вадима не в столовую, а в сторону лифтов. Пока поднимались, Савойский позвонил Трепникову.

— Перекусить не желаешь? — вместо приветствия спросил он. — Тогда мы ждём. Кто мы? Я и ещё один человек. Ага, именно.

Хитро улыбнувшись Вадиму, Савойский подтолкнул его к открывшимся дверям лифта:

— Тут, понимаешь, такой разговор пойдёт, особенный, его в столовой вести нельзя.

— Я уж было подумал, что Трепников в общей столовой... — начал Вадим.

— Нет, — прервал его Савойский. — Никита парень хороший и от коллектива не отрывается. Но то, о чём мы будем говорить, не для всехних ушей. Понял?

— Ага, — ответил Вадим, решительно ничего пока не понимая.

Помещение, куда Савойский привёл Вадима, мало чем отличалось от общей столовой. Те же мягкие стулья, те же столы, застеленный скатертями в цветочек, тот же сенсорный экран с меню.

Только было оно куда меньше, и стояли в нём всего два столика, а вдоль стены располагался длинный кожаный диван. Когда Вадим подошёл к экрану, он понял, что различий куда больше...

Меню состояло из двух частей. Сверху были перечислены те же блюда, что и в общей столовой, и так же, как и внизу, они ничего не стоили. Зато список снизу пестрил незнакомыми Вадиму названиями, иногда на иностранном языке. Кроме того, в нижней части меню присутствовал алкоголь. Всё это было уже не бесплатно, а обозначенные рядом цены заставили Вадима присвистнуть.

— Интересно? — раздался от дверей голос Трепникова.

— Ага, — ответил Вадим и слабо улыбнулся.

— Это столовая для директората, — пояснил Никита Николаевич. — Мы можем себе позволить немного больше, согласен?

— Да, конечно, — сказал Вадим, — но...

— Утощаю, — отозвался Савойский. — Выбирай что хочешь, но, — он усмехнулся, — в

меру.

— А вы?

— А я — салатик. Худею, сам знаешь.

Салатик оказался сложной смесью из десятка ингредиентов, обильно политой оливковым маслом. Сгружая свой заказ напротив Савойского, Вадим произнёс:

— Смотрю, Игорь Всеволодович, авокадо у вас.

— Угум, — наворачивая зелень, кивнул Савойский.

— Я как-то пробовал, мне не понравилось.

— Зато полезно. Говорят.

— Ага... Так я что хотел сказать... — начал Вадим.

— После, — отмахнулся Савойский. — Время принятия пищи священо.

Он многозначительно показал вилкой в потолок:

— Там не одобряют деловых разговоров во время еды.

Кого начальник имел в виду, Вадим не понял, но возражать, что бывают и деловые обеды, не стал, занялся стейком, и на время выпал из действительности.

Мясо было замечательным! Сочным, в меру упругим; на срезе выступал вкуснейший сок. Вкупе с подливой и гарниром из каких-то овощей всё это было истинным праздником для желудка. Во всяком случае, в общей столовой такого не предлагали.

Нельзя сказать, что Вадим не мог позволить себе хорошего стейка. Но... как-то всё не получалось. Жил — и жевал — второпях, между делами, а приходя домой ел даже без особого желания, и уж тем более, без удовольствия. Да и какая радость в магазинных пельменях, пусть и недешёвых? Вот была бы жена... Но жены не было по тем же примерно причинам.

Надо, думал он, отрезая по маленькому кусочку мяса, надо себя баловать. В этом тоже есть смысл, а не только в зарабатывании денег. Деньги что? Вода! Пришли и ушли, а память о хорошей еде останется навсегда. И о хорошем отдыхе, и о путешествии, и даже о хорошем спектакле, а он, смешно сказать, театр в последний раз посещал ещё в школе, по программе! Что они смотрели? Не то Островского, не то ещё кого, уже из современных. И если из Островского запомнилось хоть что-то, то современные не оставили в памяти ничего, кроме недоумения. Или же он ретроград? Не рано ли, в его-то годы? Сорока нет.

На десерт Вадим взял себе большую кружку чая с круассанами, и только тут заметил, что Савойский разобрался уже с салатом, и теперь терпеливо ждёт.

— Ой, извините, — смутился Вадим. — Я как-то...

— Мелочи, — улыбнулся Игорь Всеволодович. — Слушать не грех. Так вот...

Вадим слушал, и сердце его замирало от ужаса и восторга. Не так просто осознать, что причастен к развитию целой цивилизации. И не просто причастен, как любой человек, сделавший в жизни хоть что-то: посадивший дерево, построивший дом или вырастивший сына, или просто честно трудившийся на своём месте. Или нечестно, или сидевший сиднем, ведь любой действие или бездействие отражается на мире. Нет, причастен по большому счёту, как великий учёный из тех, что определяют развитие науки на годы и столетия!

— «Горизонт» работал, — рассказывал Савойский, — и твой парсер работал, а я был связан по роду деятельности с конторой, где его, «Горизонт» создавали. У меня были тексты, и мы их скинули внутрь Пузыря. Почему, ты думаешь, понять и адаптировать Полиглот оказалось так просто? Ну, относительно просто? Там наша вычислительная архитектура, и наши алгоритмы, и поэтому...

Вадим сидел напротив двери, и когда она открылась, он сперва не поверил глазам. В столовую для директората вошёл Сам! Илья Витальевич Жогин. Долларовый триллионер, владелец заводов, газет и пароходов. Первооткрыватель Пузыря. Человек, знакомством с которым гордились президенты и премьер-министры, не говоря уже о королях. Конечный работодатель Вадима, которого он видел только издали на праздновании Нового Года, которое Корпорация проводила для сотрудников каждую последнюю пятницу года.

Титан, стоик, финансист. Живая легенда. Утёс, попирающий своими стопами...

Кляня себя за недогадливость, Вадим, неотрывно глядя на Жогина, стал подниматься со стула. Жогин недовольно дёрнул углом рта, и Вадим плюхнулся обратно. Он сидит здесь не просто так, его пригласили, и Жогин, конечно же, мгновенно срисовал ситуацию. А если человек здесь, значит, так тому и быть.

— О, кто нас почтил! — помахал рукой молчавший до этой секунды Трепников. — Привет, привет! Как добрался?

— Быстро, — ответил Жогин и сел за стол к Трепникову. Тотчас из неприметной двери в стене появилась официантка. В руках её был поднос с тарелками. Скорость реакции говорила о том, что вкусы Самого здесь знают, и о том ещё, что Жогин консервативен и не любит экспериментов.

В кулинарии уж точно.

Жогин улыбнулся и кивком поблагодарил официантку. Когда та ушла, Жогин завёл с Трепниковым тихий разговор. Минуту спустя к ним присоединился Савойский. Говорили о каком-то господине Мо, который то ли прилетел, но запаздывал из аэропорта, то ли должен прилететь с минуты на минуту, то ли вообще отложил визит.

Про Вадима забыли. Он понял, что должен идти, но как это сделать? Перебивать Самого? Что он скажет? Как на него посмотрят? Поэтому Вадим сидел на месте и тянул маленькими глотками чай, благо он ещё оставался. Но пройдёт минута или две, и чай кончится, и тогда надо решаться...

Рассказ Савойского напомнил Вадиму прошлое. Первый парсер, он же практически единственный, и вот такая судьба! Разве мог Вадим представить?.. К первому своему самостоятельному проекту он относился как к ребёнку, и даже когда уволился, продолжал какое-то время править текст, и даже нашёл там несколько неточностей. Они не влияли на логику, но замедляли работу, а Вадим, как и всякий нормальный программист, был перфекционистом.

Так вот почему запинается Полиглот!

— Теряем темп.

Илья Витальевич закинул в рот оливку, прожевал сделал глоток апельсинового сока. Трепникова передёрнуло: он так до сих пор и не привык к этой странной привычке шефа запивать масляно-солёное кисло-сладким. Не вязались эти вкусы с его представлением о мире, пробивали шаблон. Но... ничего не поделаешь — кто платит, тот и заказывает музыку. И не такое это преступление, можно и перетерпеть. Сам-то тоже хорош! Запросто селёдку запивает чаем.

— Мо согласен брать больше, — продолжил тем временем Жогин. — Мо хочет, Мо настаивает. Что у нас с «Гуру кулинарии»?

— Переводим, Илья Витальевич, — доложил Савойский.

— Быстрее надо, — поморщился Жогин.

— Мы готовы, люди готовы, но очень много нюансов, — сказал Савойский. — Полиглот крутится на четырёх серверах одновременно, в режиме 24x7, но всё равно не успевает.

— Так поставьте пятый сервер! — нахмурился Жогин. — Шестой, седьмой! Какие проблемы?

— Это не поможет, — сказал Трепников. — Очень сложный текст, множество перекрёстных связей. Четыре потока — это максимум, который мы можем себе позволить без потери смысла. Извини, но ускориться невозможно.

— Надо, Никита, надо, — с нажимом произнёс Жогин. — Пилотные тома «Рыцаря и ржавой кольчуге» прошли «на ура». Но требует ещё, это деньги, Никита, наши общие деньги!

— Мы постараемся, — без особой убеждённости в голосе ответил Савойский.

— Постараются они, — процедил Жогин, вставая. — За что я вас, иждивенцев, держу?

— Это несправедливо... — начал Трепников, но тут Вадим, который последние минуты сидел, словно окаменев, погрузив стеклянный взгляд внутрь себя, вдруг встрепенулся:

— Игорь Всеволодович, какую версию...

Жогин, который уже открывал двери, остановился, обернулся и с интересом посмотрел Вадима.

Вадим замер. Занятый мыслями, он совсем забыл про Жогина! Перебил Жогина, навлёк на себя его гнев! В животе неприятно — и, как показалось Вадиму — очень громко и неприлично заурчало. Жогин вскинул одну бровь и глянул на Трепникова.

— Кто это, Никита? Что он здесь делает?

— Вадим Коробченко, — вместо Трепникова заговорил Савойский. — Мы использовали одну из его программ.

— Для посева? — быстро спросил Жогин.

Савойский кивнул.

— Что же вы замолчали, Вадим? — Жогин обернулся к программисту. — Что вы хотите спросить у Игоря?

— Я... я... — Вадим закашлялся, сглотнул, но быстро взял себя в руки. — Я хотел спросить... у Игоря Всеволодовича, какую версию моего парсера...

— Парсера? — переспросил Жогин.

— Д-да, — подтвердил Вадим. — То есть, простите, какую версию «Горизонта», а парсер был частью «Горизонта», он, как это вы выразились... посеял в Пузыре?

— Игорь? — Жогин снова посмотрел на Савойского.

— Я помню?! — возмутился тот. — У вас версии менялись каждую неделю! Самую последнюю, наверное.

— Это ведь было уже после моего увольнения?

Вадим, обнаружив, что Сам не гневается, что он, наоборот, заинтересовался, почувствовал себя уверенней.

— Это было... — Савойский прикрыл глаза, вспоминая. — Ну да, конечно! Мы, вообще, взяли текст из архива, а какое это имеет значение? «Горизонт» работал, просто обстоятельства сложились так, что...

— То есть, простите, это не важно! — с жаром заговорил Вадим. — Я потом нашёл там ошибки...

— Что значит ошибки? — удивился Савойский. — То есть твой парсер врёт?

— Работает, работает! — замахал руками Вадим. — Всё он работает, но я потом уже чисто для себя, гонял его дома и нашёл несколько неточностей. У меня есть исправленный текст. Дома.

— Что даст это исправление? — спросил Жогин.

— Парсер будет работать быстрее.

— Насколько?

— Ну, — Вадим пожал плечами, — так сходу не скажешь, на разных задачах по-разному, но раза в полтора где-то. Это минимум.

— Та-ак, — протянул Жогин. — Кто-то говорил мне, что ничего ускорить нельзя? Кто это был? Директор департамента?

Трепников потупился.

— Или начальник отдела автоматического перевода?

Теперь пришла очередь краснеть Савойского, только как-то себе на уме краснеть, с фигой в кармане. Такое появилось у Вадима неожиданное ощущение...

— Знаете, Илья Витальевич, это ещё проверить надо, — сказал он.

— Так проверяйте! — приказал Жогин. — Я вместо вас этим заниматься буду?

И вышел, хлопнув дверью.

Тишина сгустилась. Если бы в контору залетел комар, то его полёт был бы подобен полёту реактивного лайнера. Пусть это преувеличение, но не большое. Вот только комарам нечего было делать в главном офисе, равно как прочим тараканам или мокрицам. Их вывели давным-давно. Средство от насекомых стало одним из первых подарков Пузыря. Подарков, о котором его обитатели не имели ни малейшего представления.

— Я, — не выдержал тишины Вадим, — я не думал... Я прошу прощения, что так получилось. Игорь Всеволодович! Никита Николаевич!

Савойский отложил вилку, отодвинул тарелку с салатом, который так и не доел, и спросил:

— Где у тебя этот текст?

— Дома.

— Неси.

— Но он на дискете, — развёл руками Вадим.

— Пяти- или трёхдюймовой? — поинтересовался Трепников.

— А? — не сразу сообразали Вадим. — А! Трёх!

— Это проще, — проворчал Савойский. — Дисковод на пять дюймов сейчас и не найдёшь, наверное. Значит так. Дуй сейчас домой за дискетой. Как вернёшься, иди к железячникам, пускай сделают копию на флэшку и... нет, сразу на сервер!

Через два часа, стоя перед Трепниковым, разводил руками и оправдывался начальник вычислительной лаборатории Звонников. Вадим скромно сидел в сторонке и не вмешивался.

— Нету, Никита Николаевич, — говорил Звонников. — Всё обыскали. Откуда было знать, что такое старье понадобится? Лет пятнадцать никто их не ставит.

— Вообще не достать? — скучно поинтересовался Трепников.

— Нет, если полистать форумы, запрос сделать в сети, может, у кого и отыщется, — сказал Звонников. — Потом съездим, заберём.

— Это дней пять, а то и неделя, — констатировал Трепников.

— Или больше, — буркнул Звонников. — Такое если только у гиков осталось. Или где в госконтуре, если железо не поменяли. Только у них обычно некому по железячным форумам

шариться. Не до этого.

— А если найдём, то может не заработать, — осторожно добавил со своего места Вадим.

— Да, возможно, — кивнул Трепников.

— А когда надо-то? — спросил Звонников.

— Сейчас.

— Что?!

— Сейчас, — повторил Никита Николаевич. — Или к вечеру, не позже. Край — к утру.

— Но это же...

— Жогин приказал, — отрезал Трепников, и Звонников заткнулся.

— Ладно, — сказал после паузы Трепников. — Ладно... Дело — это святое, не откажет.

— Кто не откажет, — не понял Вадим, — что?

— Сам, — коротко ответил Трепников и поднял трубку телефона. Набрал короткий номер, дождался ответа и сказал:

— Здесь Трепников. Нужен самолёт, Илья Витальевич. В Китай. Да. Да. Спасибо, Илья Витальевич.

Через двадцать минут они приехали на аэродром. Всего корпорации «Звезда» принадлежало двенадцать самолётов, кроме того, тремя владел лично Жогин. Все они стояли в крытых ангарах, в том числе пассажирский гигант, на котором сотрудники главного офиса летали на совместные мероприятия. Когда перед Звонниковым и Коробченко разъехались ворота ангара, у Вадима закружилась голова. Снаружи ангар выглядел не так... монументально, что ли? Только изнутри стало возможно оценить его истинные размеры. И самолёты. Самолёты!

Самолёты и океанские корабли — это самые, наверное, красивые вещи, созданные человеком. Да и можно ли называть их вещами? Произведения искусства, в которых соединились мощь, элегантность, целесообразность и высокая промышленная эстетика! Есть и другие вершины, кому, как не Вадиму, было об этом знать? Элементарный, всем привычный ноутбук и тем более телефон. В них вложена бездна труда миллионов людей и десятилетия развития науки, но большой самолёт это нечто особенное. Ракета-носитель, отправляющая миссию на Марс, и больше, и мощнее, но мы видим их изредка и чаще всего не в живую. Настоящий большой самолёт вблизи видел каждый, кроме затворников и дикарей, но сколько тех дикарей осталось?

— На чём мы? — спросил Вадим у сопровождавшего их Трепникова. — «Боинг»? «Айрбас»? Никогда не летал на «Боинге». Или, — он завертел головой, — «Бомбардье»?

— Сам распорядился подготовить личный джет, — сказал Никита Николаевич. — Сейчас его поднимут.

Поднимут? Откуда?

Через минуту всё стало ясно. Загудели невидимые моторы, и пустую площадку посередине ангара прорезала тонкая трещина. Края разошлись, и лифт вознёс на поверхность маленький самолётик со сложенными крыльями. На двойном, как ласточкиный хвост, киле сверкали золотые звёзды на небесно-голубом фоне — фирменная эмблема «Звезды».

— Личный джет Самого, — с гордостью повторил Трепников. — Гордитесь, черти, мало кому удалось побывать внутри, а уж полетать... По пальцам двух рук сосчитать можно.

Ладно, — на лице Трепникова появилось деловое выражение, словно лампу, горевшую внутри, пока Никита Николаевич говорил о джете, пригасили, — вот ваши паспорта. На месте вас встретят.

Джет тем временем развернул крылья и выкатился к воротам. В открывшемся люке появился стюард.

— Заходите! — приветливо улыбнувшись, он приложил руку к козырьку фуражки. На кокарде фуражке тоже ярко сияла фирменная золотая звезда.

— Да. Двигайте, — напутствовал путешественников Трепников. Развернулся, и зашагал к выходу из ангара.

Конечно, Вадим летал на самолётах, и понимал, что бизнес-класс отличается от эконом-класса так же сильно, как и VIP отличается от простого бизнес-класса. Внутри джета было... нет, не богато, богатство не бросалось в глаза, в нём было уютно. Спокойные бежевые тона, лёгкий аромат натуральной кожи, строгая отделка. Салон сообщал, что хозяин самолёта не нуворишь, быстро разбогатевший и стремящийся прямо сейчас урвать от жизни всё; не нефтяной шейх, пресыщенный роскошью; просто человек с тонким вкусом, уважающий себя и окружающих. Наличие средств... Тем, кто может позволить себе такой самолёт, подобных вопросов не задают.

— Присаживайтесь, — видя, что Вадим застрял на входе в салон, произнёс стюард. — Вы как хотите сидеть, по ходу полёта или против? Кресла можно расположить любым способом.

— По ходу, — сказал Звонников. Вадим просто пожал плечами. Разумеется, по ходу, какой смысл смотреть на хвост самолёта?

— Бывают оригиналы, — снова сверкнул белозубой улыбкой стюард. — Пожалуйста, располагайтесь. Взлёт через две минуты.

Короткий разбег — и джет оторвался от бетонной полосы. Он стремительно набрал высоту, при этом, почему-то, Вадим почти не почувствовал ускорения. Оно никуда не делось, но словно размазалось тонким слоем по секундам. Мелькнула туманная стена туч, — и машина вырвалась под яркое солнце. Клубы облаков, ослепительно белые, сначала огромные как горы, как айсберги для моторной лодочки, отдалились, превратились в ровный снежный ковёр. Небо, выцветшее до блёклости, налилось синевой, ушло в тёмный аквамарин; на нём зажглись звёзды.

— Уважаемые пассажиры! — ожила громкая связь. — Приветствую вас на борту. Наше воздушное судно совершает рейс по маршруту...

Вадим ненадолго отвлёкся. Это обращение капитана, зачем оно нужно? Каждый, кто купил билет на самолёт, знает, куда летит и откуда. Его больше интересует, будут ли в полёте кормить, и если будут, то чем. А высота и скорость полёта — это никому неинтересные мелочи. Какая разница, восемь километров воздуха под крыльями или одиннадцать? Самое важное — время в пути; сколько придётся сидеть, подогнув ноги под себя и обоняя амбре, распространяющееся от поддатого соседа. Ему-то всё равно, он нагрузился и спит, а ты...

— Простите, сколько?

Вадим подумал, что ослышался, и зачем-то задал этот вопрос вслух. Как ни странно, рядом тут же показался стюард.

— Двадцать семь минут, — подтвердил он. — Полёт проходит в стратосфере,

сопротивление воздуха невелико, это позволяет экономить время.

— Но... — удивлённо проговорил Вадим. — До Гуанчжоу обычно лететь четыре часа! Самолёт не может...

Он перевёл взгляд на Звонникова и осёкся. Главный над железячниками откровенно скалился, забавляясь. Вадим на миг почувствовал себя деревенщиной, приехавшей из глухого таёжного села в столицу. Здесь его, уж неизвестно, за какие заслуги, заселили в номер класса «Люкс». И вот он ходит, отвесив челюсть, и дивится на чудеса технологий. А может быть, номер был обычный, это зимогору он показался невиданным и волшебным, а обычный горожанин станет крутить носом: «этого, де, нету, и этого, и вообще, что за убожество!»

— Вы совершенно правы, — неожиданно поддержал его стюард. — Самолёты на такой высоте не летают...

— На какой? — спросил Звонников.

— Сорок пять километров, — ответил стюард.

— Ого!

Улыбка на лице Звонникова пропала. Он откинулся на спинку кресла и нахмурился.

— Но наш «Стриж» не самолёт, — продолжил стюард. — Вернее, не совсем самолёт. Обратите внимание на крылья...

Вадим глянул в окно. Сначала ему показалось, что крылья исчезли, потом, присмотревшись, он понял, что они укоротились и развернулись вперёд, по ходу движения.

— Крыло обратной стреловидности, — объяснил стюард. — Мы сейчас не самолёт, а крылатая ракета.

Вадим мог бы сказать, что таких крылатых ракет тоже не бывает. Он интересовался в своё время, читал специальную литературу. Мог бы, но промолчал. Жизнь — и работа в «Звезде» — показали, что вещей, о которых он не имеет ни малейшего представления, куда больше, чем он думал раньше.

Скоро «Стриж» клюнул носом и начал снижение. Полёт заканчивался, не успев толком начаться.

Гуанчжоу встретил их духотой и запахами субтропической зелени и выхлопных газов. Вадим сразу взмок в своей и без того лёгкой рубашке. Звонников выглядел не лучше. Хорошо, жара мучила их недолго, ровно до тех пор, пока к ним, стоявшим на взлётном поле, не подъехал крытый лимузин. Из лимузина быстро, но и без лишней суетливости, показался сухощавый китаец неопределённого возраста.

— Можете называть меня господин Сяо, — заявил он на чистейшем русском языке, потрясая руки Вадима и Звонникова. — Или товарищ Сяо, или просто Сяо, как вам угодно. Господин Мо поручил мне быть вашим сопровождающим. Предпочитаете сначала пообедать, а потом на рынок или наоборот?

Вадим посмотрел на Звонникова.

— Сначала дело, — подумал, решил тот.

— Отлично! — обрадовался Сяо. — Наша электроника — самая электронная электроника в мире, у нас найдётся всё, абсолютно всё! Что конкретно вам нужно?

Это вопрос он задал уже тогда, когда они разместились в благословенной прохладе салона.

— Дисковод для трёхдюймовых дискет.

— О, как интересно! — восхитился Сяо. — А для чего вам такая древность? Или это секрет?

— Никаких секретов, — сказал Звонников. — Возможно, Полиглот станет быстрее и лучше.

— О, Полиглот! — воскликнул Сяо. — Моя беда и несчастье.

— Почему? — не понял Вадим.

— Ваш Полиглот лишит меня куска хлеба, — скорчил скорбную мину Сяо. — Это покушение, это, как это сказать по-русски? — он ненадолго задумался. — А, вспомнил! Это диверсия против племени переводчиков! Шутка! — рассмеялся он, глядя на вытянувшиеся лица гостей. — Это будет не скоро, на мой век хватит!

Между тем лимузин выскочил на эстакаду, понёсся над рекой и углубился в район небоскрёбов. Вадим, чтобы не быть смешным, старался не крутить головой, но Гуанчжоу всё равно потрясал. Не Нью-Йорк, конечно, хотя... уж точно не меньше Большого Яблока. Потом они выскочили на набережную.

— А вот, — с хитрой миной проговорил Сяо, — знаменитый гиперболический небоскрёб!

Действительно, знаменитый, и действительно, небоскрёб. Конечно, это внушительное сооружение и подвиг инженерной мысли, но по телевидению часто крутили научпоп о том, как его проектировали и как строили, и поэтому Вадим впечатлился не сильно. Так, покивал головой. Господин Сяо пожал плечами:

— Впрочем, мы же почти на месте.

Рынок электроники, напротив, Вадима ошеломил.

Здесь были десятки и сотни магазинов, лавок и лавчонок, и все предлагали гаджеты и разнообразное железо, от древних, ещё чёрно-белых мониторов до плоских экранов во всю стену, от первых ламповых компьютеров для коллекционеров до самых современных, не вышедших ещё на международный рынок ноутбуков и планшетов. Телефоны сотен модификаций, материнские платы, кабели, диски, всё, что только придумала инженерная мысль и смогли реализовать трудолюбивые китайцы.

От блестящих серебристых, солнечно-медных и глянцево-чёрных поверхностей рябило в глазах. Кричащая упаковка, лепестки радиаторов систем охлаждения, открытые стенды с процессорами, экраны, на которых крутились бесчисленные тестовые ролики... Здесь можно было провести не один день, и всё равно не обойти и сотой части мест, не изучить и тысячной доли выставленного на прилавки богатства.

У одной из витрин Вадим завис надолго. Здесь торговали фотоаппаратами и всем, что нужно придирчивому фотохудожнику. Вадим не был фотолюбителем. Максимум, на что хватало его терпения — сделать селфи, но оптика завораживала его с детства. Огромные объективы манили пурпуром просветлённых стёкол. В них можно было смотреть вечно, прикипев взглядом к пустоте между лепестками раскрытой диафрагмы. Что скрывалось там, в недоступной воображению черноте? Умом Вадим понимал, что любой объектив — просто прибор, при этом не слишком сложный, хотя и очень точно исполненный, но бездна в глубине стекла действовала на него помимо рассудка. Какие существа таились там, какие тайны ждали исследователя?..

— Не пора перекусить?

— А?

Вадим выплыл из грёз. Рядом с ним стоял господин Сяо и улыбался.

— Господин Мо приказал мне хорошенько вас накормить, — сказал Сяо. — «Пусть запомнят наше гостеприимство», так он сказал.

— А как же дисковод? — смутился Вадим. — Я тут застрял, задерживаю вас.

— Всё давно куплено, — сказал из-за спины Звонников. — Куплено и скопировано.

Он похлопал ладонью по ноутбуку, зажатому под мышкой.

— И всё видно?

Конечно! — Звонников возмущённо фыркнул. — Есть три копии, каждая проверена, и ещё отдельно для тебя на флэшке. Вот, получай!

Он протянул Вадиму USB-брелок на цепочке.

— Теперь, господа, мы можем перекусить? — осведомился Сяо.

— Да-да... — неловко ответил Вадим.

Ему было не до еды. Сейчас, когда он получил в свои руки давно забытые программы, ему не терпелось скорее внести изменения в текст Полиглота. У программистов всё не как у людей: загораясь очередной идеей, они забывают об окружающем мире, готовы не есть и не спать, лишь бы увидеть результат, а если он не устроит, то править, править и править. Это сродни наркотику. Наркомана тянет к дозе, а кодера — к запуску компилятора, чтобы, получив список ошибок или не тот результат, на который рассчитывал, править снова. И потом, оторвавшись от экрана с красными от недосыпа глазами, почувствовать себя человеком, ибо — смог!

Так и сейчас. Едва они заняли места за столиком в ресторане, Вадим раскрыл ноут, подключил флэшку и погрузился в любимую работу. Приносили какие-то блюда — он поглощал их автоматически, не замечая вкуса. Наливали напитки — выпивал как воду. Кажется, он серьёзно обидел господина Сяо, хотя тот не показал виду.

Знай он, насколько ускорилась работа Полиглота, то обиделся бы ещё больше.

Учителя и родители плакали от Серёжки Ликина.

Про таких говорят: «в каждой бочке затычка» и «шило в заднице». Если мальчишки затевают каверзу, если выбили окно или залезли в садовый домик, можно быть уверенным — без Серёжки не обошлось. И не сказать, что мальчишка был плох, зол или жуликоват, но как-то так получалось, что он всегда там, где хулиганят. Инспектор по делам несовершеннолетних вздыхала, — ведь пацан, в сущности, неплохой! — но готовилась передавать его дело участковому. Что там осталось лет? Пролетят — и не заметишь.

Так бы и покатился юный Ликин по наклонной, если бы не школьный физкультурник. Причём сам СанСаныч ни на что такое не рассчитывал, мало того, он, когда ставил в школьном дворе стол для тенниса, про непутёвого мальчишку вовсе не думал. Откровенно говоря, именно СанСаныч на него давно махнул рукой; ни волейбол, ни баскетбол, ни даже футбол не интересовал Серёжу. Мимо прошёл, ничего в душе не затронув, но вот поди же ты!..

Знакомая Серёжкина шантрапа собиралась влезть в армейский склад. Не оружие, конечно, и даже не ГСМ, но всё равно, просто так часовых не ставят и колючкой не огораживают. В одном месте, однако, заросли бузины подходили совсем близко к изгороди, и пацаны успели проделать в колючке отверстие, достаточное, чтобы в него мог проникнуть щуплый и невысокий Серёжа Ликин. Остальные в это время должны отвлекать часового.

Таков был план. И сегодня его решили привести в действие, и потому собирались в условленное время и в условленном месте.

Никто не скажет теперь, как бы сложилась Серёжкина судьба, если бы, проходя мимо школьного забора, он не услышал странный стук. Серёжа остановился.

Там что-то происходило.

Там что-то происходило без него! Что именно — скрывала живая изгородь из снежника. Как Серёжка не пытался, ничего сквозь густые побеги рассмотреть не сумел. Время ещё было, и Серёжа побежал в обход.

Не прошло и минуты, как он оказался внутри.

За зелёным столом его одноклассница Маринка Сергачёва с Эльвирой Карловной, учителькой по рисованию, которую за молодость все за глаза называли просто Эльвирой, перекидывали белый мячик через сетку. Да так ловко, что мальчик засмотрелся!

— Можно, я?.. — спросил он минут через пять.

— Чего это? — ответила вредная Маринка. — Ты, Ликин, не умеешь.

— Почему я вдруг не умею? — возмутился Серёжка. — Чего там уметь-то?

— Ты хоть раз пробовал? — спросила Маринка.

— Нет, но это же просто!

Маринка фыркнула, а Эльвира сказала, протягивая ему ракетку:

— Попробуй. Два раза отобьёшь, будешь молодец.

— Не буду я с ним играть, — заявила Маринка. — Он противный и хулиган к тому же.

И показала Серёжке язык.

— Сама ты противная, — чувствуя, как против воли на глаза наворачиваются слёзы, пробормотал Серёжка.

— Хорошо, — произнесла Эльвира Карловна. — Вставай напротив меня. Марина, дай

ему ракетку. Он не испортит.

— Не испортит он, — пробурчала Маринка. — На, мелкотравчатый! Этот палец сюда, а тут хватаешь. У-у-у, бестолочь.

Серёжка засопел. Хотелось дать вредине затрещину, но ещё больше хотелось попробовать странную игру, и он сдержался.

Конечно, мячик он не отбил. И снова не отбил, и снова, и снова!

Заскучала и ушла домой вредина Маринка. Потом надоело и Эльвире, она отобрала у Серёжки ракетку и тоже ушла.

А он пропал.

Разумеется, дружки-злоумышленники его не дождались, полезли на склад без него и попались. Никого из них Серёжка Ликин больше не видел и даже не вспоминал. Теперь каждую свободную минуту он проводил у стола, перекидывал шарик через доску в компании таких же фанатиков. Потом доску спалили в костре, пришлось ставить на стол кирпичи, а потом Серёжа обнаружил спортивный магазин, а в нём — комплект игры для настольного тенниса. Приятели скинулись и назначили Ликина хранителем инвентаря. На базе стола создали «Клуб крутильщиков», каждую встречу у стола объявили заседаниям Клуба, и в специальную тетрадь заносили результаты битв. Хранить «Летопись» доверили тоже Серёже.

Так продолжалось всё лето и осень. Зарядили дожди, упал снег, и играть на улице стало трудно. Заседания в «Клубе крутильщиков» прекратились. Серёжа часами, когда не был занят в школе, стучал мячиком о стену своей комнаты. Десять ударов подряд, сто — результаты росли, как увеличивались и цели. Наконец Серёжа достиг тысячи ударов, не уронив при этом мячик ни разу. Стало скучно, и он начал экспериментировать: бить разными сторонами ракетки попеременно, перекладывать ракетку из руки в руку, отбивать мячик ручкой и торцом...

Родители самоотверженно молчали. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы в истории не попадало! Дитя в истории не попадало, и инспектор по делам несовершеннолетних забыла дорогу в дом Ликиных. А шум можно и перетерпеть.

Время тянулось как засохшая ириска, и до весны было ещё так далеко! Серёжа маялся, не находил себе места. В школе играть не получалось: физкультурник СанСаныч категорически запретил играть в спортзале на переменах, а в классе играть на сдвинутых партах желающих не оказалось.

Но всё когда-то кончается.

Пришла весна, и «Клуб крутильщиков» ожил.

— Ну, мам! Ну, пап! Не хочу я туда ехать!

— Мы не были у дяди Лёни уже два года, — пытаюсь оставаться спокойной, сказала мама. Её брат Леонид жил в другой области, и они, действительно, не виделись уже два года. — У тебя там двоюродные сёстры, неужели тебе не интересно с ними встретиться? Тем более, сейчас у тебя каникулы, и можно съездить.

— Вот именно, мама! — чуть не плача, выкрикнул Серёжа. — Каникулы! Почему я должен их тратить? Это моё время, мои каникулы! А я... Я... должен потратить их на ерунду!

— Всё, хватит!

Папа треснул ладонью по столу:

— Не смей называть родственников ерундой! Это твои родные люди, они важнее твоих желаний. Ты едешь с нами.

— Нет!

— Ты едешь с нами в любом случае, — решительно произнёс папа. — Я тебя здесь одного не оставлю. Достаточно я Вероники Викторовны наслушался.

Кровь бросилась Серёжке в голову. Очень обидными были эти слова, ведь Вероникой Викторовной звали того самого инспектора по делам несовершеннолетних.

— Я не такой! Я давно не такой! — завопил он. — Не будет никакой Вероники Викторовны!

— Мы за тобой присмотрим, вот её и не будет, — ответил папа. — Здесь ты не останешься. Всё, закончили обсуждение.

Серёжка выскочил из комнаты как ошпаренный, заперся у себя и даже не вышел к ужину. Уезжали завтра рано утром, и, желая отомстить, он до полуночи стучал мячиком о стену. Стучал бы и дольше, только пришли разгневанные соседи, и папа отобрал у него ракетку.

— Будешь безобразничать, выкину на помойку, — сказал он. — Вместе с сеткой.

Утром Серёжа был мрачнее тучи, дулся всю дорогу, и только по приезду, увидев на перроне дядю Лёню и тётю Катю, а также сестричек, оттаял.

В гостях оказалось замечательно! Прямо с вокзала дядя Лёня повёз их за город, в пансионат. Там жарили шашлыки, все вместе ходили собирать первые весенние грибы — сморчки, потом снова жарили шашлыки, уже со сморчками. Много чего было, и даже уезжать не хотелось.

Папа так и сказал:

— Хорошо у вас. Задержались бы, да Серёжке в школу скоро.

И не только в школу, вспомнил Серёжка. В «Клубе...» по нему соскучились, наверное.

— Тут за тобой мужик какой-то приходил, — сообщили ему, едва он объявился у стола.

— Какой мужик? — удивился Серёжка.

— Незнакомый, — ответил Длинный Дима. Он учился на год старше, но не гнушался провести время с «малолетками», за что Серёжка и остальные были ему благодарны. — Пузатый какой-то, в спортивном костюме. Да вот он!

В самом деле, на скамейке, спрятавшейся среди шиповника и снежника, сидел пузатый дядька в красном спортивном костюме с белыми узорами и надписью «Россия». Обнаружив, что его заметили, дядька поднялся и направился к ребятам.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался он, дождался нестройного ответа и спросил, глядя на Серёжу: — Ты Ликин?

— Ну, я, — хмуро ответит тот.

— Меня Владимир Петрович зовут, — сказал дядька. — Давай отойдём, поговорим? Не бойся, недалеко, до той скамейки.

— Понимаешь, — начал Владимир Петрович чуть погодя, — я не хотел говорить при твоих друзьях. Они могут обидеться.

— Почему?

— Скажи, — вместо ответа снова спросил Владимир Петрович, — ты не хотел бы заняться этим делом серьёзно?

— Каким делом? — удивился Серёжка.

— Настольным теннисом, конечно, — ответил Владимир Петрович. — Я работаю в Жогинском центре. Ты слышал про Жогинский центр?

— Нет, — пожал плечами Серёжа, — а что это?

— Удивительно, — посмотрел на него Владимир Петрович. — Есть люди, которые не знают про Жогинский центр! Объясняю. Это большой спортивный комплекс, там развивают разные виды спорта, вот и настольный теннис тоже. Я предлагаю тебе попробовать свои силы там.

— А родители?

— Если родители позволят, — согласно кивнул Владимир Петрович. — Жить будешь прямо там, у нас хорошее общежитие, а на выходные приезжать домой.

— А как же школа?

— Со школой я договарюсь, — улыбнулся Владимир Петрович. — А сейчас пойдём, поговорим с твоими родителями. Покажешь, где ты живёшь?

Родители сомневались недолго. Они знали, что такое Жогинский центр. Ребёнок — как Серёжка ненавидел это слово! — будет под присмотром, накормлен, и школа там своя есть. Тем более, если он сам не против? К тому же бесплатно...

Наутро Серёжка в школу не пошёл. Во дворе дома ждал ярко-жёлтый микроавтобус. Водитель, опустив стекло, приветливо помахал ему рукой:

— Ты, что ли, Ликин будешь?

— Ага.

— Тогда залазь.

Двери гостеприимно распахнулись, и Серёжка забрался внутрь.

Салон был пуст, вкусно пахло кожей, удобные сиденья будто сами предлагали поскорее сесть в них. Вот сюда — или сюда, но главное, к окну.

— Куда мне? — робея, спросил Серёжка.

— Куда хочешь, — улыбнулся водитель. — Ты у меня единственный пассажир.

— А рядом к вам... можно?

— А чего же нельзя? — удивился водитель. — Двенадцать есть? Вот и отлично! Только пристегнуться не забудь.

Звали водителя Виталю.

— Без отчества, — строго сказал он, протягивая широкую ладонь. — Не люблю отчества, чувствуешь себя стариком. А я молодой, тебя всего раза в два старше.

Серёжка подумал про себя, что двадцать уже очень солидный возраст, и ему до него ещё ого-го сколько пилить. Если честно, он даже представить себя не мог двадцатилетним. Взрослая жизнь казалась далёкой и нереальной, наполненной множеством непонятных забот. Если одни заботы, когда жить-то?

С Виталей, несмотря на разницу в возрасте, было хорошо и уютно. Парень сыпал прибаутками, интересно рассказывал про армию и про работу, а потом Серёжа забыл слушать, потому что впереди показался Жогинский центр.

Из леса поднимался к небесам небоскрёб из стекла и стали. Серёжка видел его раньше из окна поезда, но никогда не вблизи, как сейчас. С каждой секундой сияющий многогранник поднимался всё выше, и скоро приходилось заирать голову, чтобы увидеть верх здания. По ближней грани спускалась вниз, горя на солнце огромными золотыми буквами, надпись «Жогинский центр». Когда микроавтобус приблизился, стало заметно

широкое крыльцо, и над ним вывеска: «Корпорация «Звезда». Главный корпус».

— Нам туда не надо, — усмехнулся Виталя, — там Управление сидит, нам дальше немного.

Они углубились в лес. Стало понятно, что это не лес, а парк. Было очень чисто, по дорожкам ходили или бегали люди. От главного корпуса во все стороны отходили застеклённые переходы на сваях, как будто внизу были не дорожки, а широкое шоссе.

Потом по правую руку показалось большое поле за низеньким заборчиком.

— Беговой стадион, — объяснил Виталя. — А тебе — вот.

Слева оказалось приземистое двухэтажное здание, у раскрытых дверей которого кучковался народ. В основном это были подростки примерно Серёжиный лет, но попадались и более взрослые парни и девушки, и совсем мелочь. Те были с родителями.

— Приехали, — объявил Виталя. — Выгружайся, покажу, куда тебе.

Поднявшись по широким ступеням, они попали в обширный холл, заполненный народом. Бежала вприпрыжку стайка девчонок в трико; волосы их были собраны на затылке в тугие пучки.

— Гимнастки, — пояснил Виталя. — Художницы.

Прошли чернявые пацаны-борцы вслед за бородатым тренером.

— Их залы здесь, на первом этаже, — сказал Виталя. — Ладно, двинулись, Владимир Петрович ждёт.

Они свернули направо, потом ещё раз направо и остановились у приоткрытых дверей с табличкой «Отделение настольного тенниса. Старший тренер Иванов В.П.».

— Прибыли, Владимир Петрович! — громко сказал Виталя.

— Заходите.

Вчерашний дядька был не один. Напротив него за длинным столом сидел узкоглазый старичок, одетый совсем по-простому, в джинсы и кофту с длинными рукавами.

— Вот этот мальчик, мистер Чжоу, — произнёс Владимир Петрович. — Посмотрите его.

Старичок Чжоу перевёл взгляд на Серёжку, прищурился, причём, как показалось мальчику, сделал это зря; глаза его почти совсем исчезли в складках век.

— Хорошо, мистер Иванов, — на чистом русском ответил старичок, не отводя взгляда от Серёжки. — Как звать тебя, мальчик?

— Серёжа.

— Виталий тебя проводит в раздевалку, переоденешься. Твой шкафчик номер четыре, вот ключ. Потом иди в зал, он рядом, не перепутаешь. Твой стол тоже номер четыре. Ждёшь меня. Понял?

— Д-да...

— Да не бойся ты, — засмеялся Владимир Петрович. — Тебя не съедят.

— Я и не боюсь, — пробормотал Серёжа, выходя за дверь.

Найти зал не составило труда. Вход был буквально в двух шагах от раздевалки, но, главное, там стучали шарики. Серёжка шагнул внутрь — и замер...

Как они играли!

Шарики мелькали так быстро и так низко, что Серёжка испугался и пожалел, что вообще приехал сегодня сюда. Играть против таких невозможно, он не отобьёт ни одного удара! Потом он заметил пустой стол с номером четыре и отправился к нему.

За спиной он слышал смешки. Что он сделал забавного? Они смеются над тем, как он

одет? Ах, так? И плевать, что они там думают. Во что одет, в то и одет!

Встав у стола, Серёжа обернулся. Старичок Чжоу уже шёл к нему через весь зал. Подошёл, требовательно протянул руку за ракеткой. Посмотрел, хмыкнул, царапнул ногтем шипы.

— Хорошо, — сказал, возвращая ракетку. — Силантьев!

Мальчишка с соседнего стола поймал шарик и торопливо подбежал с Чжоу.

— Сыграй с ним, — азиат кивнул на Серёжу, — три партии. Не шадить.

— Да, наставник, — кивнул Силантьев. — Разминаться будешь? — спросил у Серёжки.

— Как?

— Как они.

Ребята за столами, одетые в красивую аккуратную форму, перекидывали шарик через сетку: одни справа направо, другие слева налево.

— Не-а, — пожал плечами Серёжка. — Зачем?

— Дело твоё, — ответил Силантьев и кинул ему шарик. — Подавай.

Серёжка подал с подкруткой, как привык, и сразу получил быстрый удар в левый угол. Подал ещё раз — и получил направо. Очередь подавать перешла к Силантьеву. Он сделал что-то непонятное руками — и на сторону Серёжки прилетел странный шарик, который, казалось, качался в воздухе. Пока Серёжка думал, что с ним делать, шарик упал на пол, и очко было проиграно.

В общем, в первой партии он не набрал ни одного очка. Стало невыносимо обидно, и от обиды Серёжка разозлился. Нет уж, что угодно, как угодно, только не всухую! Всухую никак нельзя. Что он скажет дома? Ладно, дома, что для родителей этот настольный теннис, так, забава, но что он расскажет друзьям по «Клубу крутильщика»? Что его обыграли как маленького?! Не бывать этому!

Во второй партии была его очередь начинать. Серёжка решил схитрить. Отвернувшись налево, он быстро направил шарик в правый от себя угол. Уловка сработала, Силантьев не успел даже дёрнуться. Первое очко! Во второй раз Серёжка сильно размахнулся — и подал слабо — слабо, так, что шарик едва перелетел через сетку на половине Силантьева. Тот успел к нему, но отбил высоко, и шарик стал лёгкой добычей для Серёжки.

2:0!

Теперь подавал Силантьев. Серёжа не стал стараться принять шарик надёжно. Эх, была не была! Он со всей силы ударил на слух и неожиданно попал. Силантьев заволновался, ошибся и подал в сетку.

4:0!

На этом успехи Серёжки Ликина закончились. До конца партии он смог взять всего лишь одно очко. В третьей партии Силантьев успокоился и расслабился, позволил себе пижонить, и поэтому позволил ему взять целых шесть очков.

Не просто так. Серёжка бегал, прыгал, старался изо всех сил, как никогда не старался на школьном дворе. Но всё равно проиграл.

— Хватит!

Старичок Чжоу хлопнул в ладоши.

— Иди, переодевайся, — сказал Ликину. — Потом приходи к тренерской. Мы тебя позовём.

Зато будет что вспомнить, размышлял Серёжа, направляясь в раздевалку. Он славно бился. Жаль, ему больше не придётся играть здесь, в этом красивом светлом зале, на таких

замечательных настоящих столах, ну и ладно, зато будет что рассказать друзьям. Интересно, ходит ли здесь автобус? Вряд ли его повезут назад так же, как и утром.

Пока Серёжка переживал поражение и готовился к дороге домой, в тренерской происходил следующий разговор.

— Что скажешь, Чжоу? Как тебе мальчик?

Старший тренер Жогинского центра по настольному теннису Иванов пристально посмотрел на мистера Чжоу.

— Он ничего не знает и не умеет, — ответил мистер Чжоу. Владимир Петрович терпеливо ждал.

— Ему уже двенадцать лет, — продолжил Чжоу. — В настольный теннис нельзя приходить так поздно. В любой спорт нельзя.

— Но? — спросил его Иванов. — Я слышу в твоих словах «но».

— Но у тебя есть чутьё. — слабая улыбка озарила лицо китайца. — Странно увидеть такое чутьё у русского.

— Оставь лирику, старик, — махнул рукой Иванов. — Не напрашивайся на комплименты. Говори по делу.

— Он хитрый, — хихикнул Чжоу. — Он отважный. Он поменял тактику, хотя не знает, что это такое. Он не спрятался и не отказался от борьбы в безнадёжной ситуации.

— Что ты решил?

— Он не станет большим чемпионом, — задумчиво проговорил старый китаец, — но чемпионы будут его бояться. Он станет пить их кровь.

— Да ты поэт, — покачал головой Владимир Петрович.

— Спорт это искусство, — ответил Чжоу. — Как и поэзия. Я буду его учить.

— Вот и ладушки.

Владимир Петрович встал и выглянул в коридор. Понурый Ликин сидел на стуле и обглаживал ногти.

— Э, что за минор? — спросил его Иванов.

— Я... опозорился, — сказал, вставая, Серёжка. — Я уже пойду?

— Куда и зачем ты пойдёшь? — улыбнулся Иванов. — Не надо никуда идти. Ты принят.

— А...

— А жить будешь здесь, в двухместном номере. Пойдём, покажу. Свидетельство о рождении с собой?

Соседом оказался уже знакомый ему Силантьев.

— Максим, — степенно произнёс он, протягивая недавнему сопернику руку.

— Серёжка, ну, то есть Сергей, — представился Ликин.

— Давно играешь? — спросил Силантьев.

— С осени, — ответил Ликин. — Зимой не играл, конечно, негде было.

— Здесь можно весь год, — сказал Силантьев и кинул на Ликина долгий странный взгляд. Только несколько лет спустя Серёжа понял, что значил этот взгляд.

Максим завидовал.

Дорога Джеймса изрядно утомила. Россия большая страна, а он отвык от таких долгих перелётов. Спасибо, сейчас мир, и снова открыто прямое сообщение. Трудно представить, как утомительно было бы добираться через Китай. Впрочем, будь война, он бы не согласился.

Или согласился? Надо быть честным, карьера игрока не принесла ему ни лавров, ни особых доходов. Да, были громкие победы, но ни одного выигранного турнира за плечами, а русские предложили такие условия!.. Надо быть честным, он не знает, что решил бы, и слава Всевышнему, что ему не пришлось делать этот выбор.

Так что, когда люди от Жогина вышли на него, раздумывал Джеймс не долго. Поработает сезон — другой, и этих денег хватит на несколько лет скромного, но безбедного существования, а там, глядишь, удастся вернуться в профессиональный тур. Джеймс усмехнулся собственным мыслям: оказывается, он не оставил надежды добиться успеха! Конечно, вершин знаменитого дяди ему не достичь, но то дядя, он уникален и он единственный. Великий...

Шум двигателей изменился. Заложило уши — лайнер пошёл на снижение. Зажёгся траспарант — экипаж просил пристегнуть ремни. Вдоль рядов прошла стюардесса с подносом леденцов. Джеймс взял несколько штук, закинул в рот. Стало легче.

Облачные поля в иллюминаторе приблизились, превратились в горы и долины, обняли самолёт ненадолго, — и вот внизу зелень лесов. Показался город, похожий на схему, расширился, стал трёхмерным. От домов протянулись тени...

Через минуту шасси коснулись бетонки аэропорта. Скоро Айрбас замер, замолчали двигатели. Ожили динамики:

— Уважаемые пассажиры! Наш лайнер совершил посадку...

Джеймс не слушал. Стало неудобно: как он будет тут один, без друзей, без знания языка? О чём ты думал раньше, дружище? А сейчас поздно...

Страхи оказались напрасными. Аэропорт был современным, даже величественным, какие не часто встретишь в Европе с её расстояниями. Объявления на русском обязательно повторялись на английском и китайском. Джеймс быстро прошёл таможду, и получение багажа тоже не заняло много времени.

У выхода из транзитной зоны его ждали.

— Мистер Кахил?

Молодой человек помахал табличкой с фамилией Джеймса.

— Да, это я, — сказал Джейм, подходя.

— Отлично! — сказал молодой человек. — Меня зовут Леонид, Лёня, если короче, я ваш гид на первое время.

— На первое... — повторил Джеймс. — А потом?

— Потом вы привыкнете, — весело улыбнулся Лёня. — Идёмте, машина ждёт.

— Да-да, конечно. Нет, спасибо, кии я понесу сам...

Асфальт с шуршанием покатился под колёса. Ровный, как и в Европе, только лес, который скоро встал по бокам шоссе, был совсем не европейским. Высоким, тёмным, дремучим. Наверное, в таких лесах водятся злые медведи. Да, в ушанках и с балалайками. Бог мой, что за глупость лезет ему в голову?

— Вы очень хорошо говорите по-английски, — сказал Джеймс.

— Я закончил МГИМО, — пожал плечами Леонид. — Должен был поехать в Штаты.

— Почему же не поехали? — удивился Джеймс.

— Хорошие условия, — ответил Леонид. — Контракт на два года, много языковой практики. Я полечу туда позже, если...

— Если что?

— Если опять что-нибудь не случится, — оскалился Леонид. — Ну, вы понимаете.

Джеймс понимал. Его отговаривали от поездки в «варварскую и авторитарную» Россию, но он всегда считал себя человеком широких взглядов. Теперь есть возможность проверить, кто из них прав.

— Впрочем, скоро знание языков будет лишним, — неожиданно сказал Лёня.

— Вот как? — проговорил Джеймс. — Почему же?

— Скоро узнаете, — ответил Лёня. — Но не всё так плохо, — он хмыкнул, — как может показаться. Разведчики будут нужны всегда.

— И шпионы, — согласился Джеймс.

Лес кончился, отступил в стороны, открыл широкое пространство. Слева Джеймс увидел распаханное поле с нежной зеленью всходов, справа встал город. Дорожные знаки приглашали повернуть направо, Леонид правил прямо.

— Непривычно, — сказал Джеймс.

— Что именно?

— Правостороннее движение.

— А. Да, конечно, — хохотнул Лёня. — А теперь представьте, как приходится нам в Британии. Так что мы квиты.

— Куда мы едем? — не стал спорить Джеймс.

— Жогинский центр, — коротко, как будто это что-то объясняло, ответил Леонид. — Нам туда. Если захотите посмотреть город, то из Центра ходят рейсовые автобусы.

Город кончился, снова начался лес. Над ним блеснуло.

— Это главный корпус Центра, — проследив взгляд Джеймса, сказал Леонид. — Шестьдесят этажей.

— О! — только и смог ответить Джеймс.

После аэропорта это был второй факт, рушащий стереотипы. Конечно, он знал, что в столицах — Москве и Санкт-Петербурге — есть небоскрёбы, но встретить подобное в глубинке, среди сибирских лесов?

Раздался гул и стрекот лопастей. Параллельно дороге, обгоняя их машину, пролетело несколько вертолётов с грузом на подвесках.

— Что это? — спросил Джеймс.

— Стройка, — ответил Леонид. — Илья Витальевич ставит там новые корпуса. Чтобы не портить лес, стройматериалы доставляются по воздуху.

— Илья Витальевич? Кто это?

Русское имя далось Джеймсу с трудом. Всё-таки, русские азиаты. Зачем все эти щипящие звуки?

— Илья Витальевич Жогин, — строго сказал Леонид. — Ваш наниматель.

Жогин. Русский мультимиллиардер. Он появился внезапно, выпрыгнул, как чёртик из табакерки, затмив состоянием европейских, американских и китайских богачей. В отличие от старых российских олигархов, своё состояние он сделал не на нефти или газе, не на

оружии или металлах, а на продукции хайтека. Его корпорация торговала программами, а также фильмами и музыкой. Дыма без огня не бывает, писали британские газеты. Русский не может не быть связан с правительством, это всем известно. Надо ещё посмотреть, язвительно интересовались они, откуда на самом деле это богатство!

Собираясь в Россию, Джеймс перечитал огромное количество статей про страну и про самого Жогина, но так и не решил, как относиться к невероятному русскому богачу.

Мелькнул декоративный забор, теперь они катились по парку. По сторонам тянулись приземистые, не выше двух этажей, павильоны.

— Спортивные школы, — объяснил Леонид. — Кроме снукера, Илья Витальевич поддерживает лёгкую атлетику, плаванье, настольный теннис и ещё два десятка видов спорта. Лучшие тренеры, лучший инвентарь. Мы сделаем Россию настоящим лидером в спорте. Мы просто вырастим здоровое, правильно воспитанное поколение. Вот какую задачу ставит перед нами и перед вами тоже, — он бросил быстрый взгляд на Джеймса, — Илья Витальевич!

— Я буду работать с детьми, я помню, — сказал Джеймс. — Но вы не ответили, как я буду с ними общаться? У меня будет персональный переводчик?

— Да, кстати, — кивнул Леонид.

Он бросил руль, и автомобиль продолжил двигаться самостоятельно, лавируя по узким дорожкам, притормаживая на переходах или просто в присутствии людей. Чудеса... В Британии до такого ещё не дошли.

Леонид тем временем достал из бардачка компьютерную гарнитуру: наушники и микрофон.

— Наденьте, — попросил он Джеймса.

— Что это?

— Ваш переводчик, — сказал Леонид. — Заряда хватает на шестнадцать часов. Вот этот переключатель включает автоматику.

— И что он умеет? — с сомнением произнёс Джеймс.

— Это переводчик, — повторил Леонид. — Вместо русских слов вы слышите английский перевод. Ваши английские слова будут автоматически переведены на русский. Вот динамик. Английская речь будет приглушена, русская усилена. Всё очень просто.

— Это просто?! — не поверил Джеймс. — Вы меня разыгрываете, Лёня!

— Ни секунды! — помотал головой Леонид. — Смотрите!

Забрав у Джеймса гарнитуру, он быстро напялил её на себя и нажал кнопку.

— Слушайте, Джеймс! — проговорил он и принялся читать монолог Гамлета.

— To be, or not to be, that is the question:

Whether 'tis nobler in the mind to suffer

The slings and arrows of outrageous fortune,

Or to take arms against a sea of troubles

And by opposing end them. To die — to sleep,

No more; and by a sleep to say we end

The heart-ache and the thousand natural shocks

That flesh is heir to: 'tis a consummation

Devoutly to be wish'd...

— Пойдите, пойдите, Леон! — запротестовал Джеймс. — Эти стихи просто записаны в вашей машинке, а вы можете говорить всё что угодно! Я никак не смогу проверить!

— Какой вы недоверчивый, — развёл руками Леонид. — Давайте тогда просто поговорим. О чём вы хотите побеседовать?

— Да о чём угодно! — откинулся в кресле Джеймс. — Только говорите по-русски.

— А как, по-вашему, я говорю? — вкрадчиво поинтересовался Леонид.

— На английском, конечно, — ответил Джеймс. — Что я, английский язык не отличу?

— А присмотреться? — усмехнулся Леонид. — Следите внимательнее, Джеймс! — торжествующе произнёс он. — Вот мы едем, почти приехали, кстати. Вот наш павильон, где снукер. Там ждут ваши воспитанники, Джеймс, они не знают английского языка, или знают, но слабо, мало кому интересно учить иностранные языки в школе. Скажу вам по секрету, Джеймс, Илья Витальевич против изучения английского, он не понимает красоты и богатства языка Диккенса и Шекспира, Драйзера и Стивена Кинга, но что поделать, он ведь наш наниматель. Он неплохо платит нам, Джеймс, мне и вам, вы скоро в этом убедитесь, Джеймс, а может быть, уже, если проверяли свой счёт. Что вы скажете теперь, Джеймс Кахил?

Он сыпал словами, а у Джеймса вытягивалось лицо. Его сопровождающий произносил какие угодно слова и фразы, но только не английские. Артикуляция не совпадала!

— Ну как? — спросил Леон, протягивая гарнитуру.

На английском спросил, по-честному.

— Это впечатляет, — ответил Джеймс. — Это невероятно, но это так. Ладно, теперь я готов встретиться с воспитанниками. Или сначала, — он замялся, — вы покажете, где я буду жить?

— Здесь же, Джеймс, здесь же, я вам всё объясню! — засмеялся Леонид. — А теперь пойдёмте. Багаж можно оставить в машине, его отнесут.

— Нет уж, кии я возьму с собой, — решительно сказал Джеймс.

В пустынном холле Джеймс огляделся и не увидел ни одной надписи на родном языке. Стойка ресепшена, где, по идее, должен быть находиться дежурный, пустовала.

— Нам вверх? — нерешительно спросил он у Леонида и показал на лестницу в дальнем конце холла.

— Нет, нам вниз.

В противоположном конце оказался просторный лифт.

— Минус четвёртый этаж, — объяснил Леонид. — Там тихо и никто не мешает. Только шорох шагов, только треск шаров.

— А... где нажать? — спросил Джеймс.

— Зачем? Мы уже приехали. Голосовое управление.

Голосовое управление! Нашёл чем удивить! В мире полно таких устройств, есть даже умные дома. Даже в Англии.

Двери открылись. За ними был короткий тамбур, а потом...

Джеймс Кахил открыл рот как мальчишка. Нет, Леонид не собирался его удивлять лифтом! Зачем, если он мог показать ему тренировочный зал? Такой зал!?

Пусть Джеймс Кахил не снискал лавров, но он провёл немало лет в туре. Ещё больше лет он провёл в клубах, тренируясь. Если и существовал идеальный зал для снукера, то он сейчас был перед ним. Столы были наилучшие, покрытие пола даже на вид невероятно удобным. Кресла, экраны, освещение! Портреты великих и просто выдающихся на стенах. И дети... Множество детей самого разного возраста, азартно гонявших шары.

Вот с этим всё было хуже, много хуже. Джеймс посмотрел с минуту и не выдержал.

— Стоп, стоп! — он подбежал к ближайшему столу. — Ну что это за стойка, мальчик? Разве так стоят? Ты устанешь, это во-первых, и ты не видишь линии прицеливания, это...

— Дети! — раздался из-за спины громкий голос Леонида. — Постройтесь, дети. Знакомьтесь, это ваш новый тренер. Джеймс Кахил, так его зовут!

— Тот самый Джеймс Кахил? — спросил, глядя на Джеймса круглыми глазами, мальчик из первого ряда. — Племянник Самого Великого Стивена?

Он так и сказал — каждое слово с большой буквы.

— Мистер Кахил, а вы расскажете нам про Него? — спросила девочка с правого края шеренги?

— Да, — в горле у Джеймса запершило, он судорожно сглотнул. Нельзя было закашляться, сейчас — нельзя. Первое впечатление — самое стойкое, он должен быть достоин великого родственника. — Обязательно, но потом. А занятие — это занятие, в это время нужно заниматься делом.

Леонид отошёл к стойке, устроенной в углу зала, налил себе из самовара горячего чая. Его подопечный забыл про гарнитуру и свои недоумения, он работал.

Скауты Жогина знали своё дело и умели глядеть в суть. Два часа прошли как одна минута. Раздался звонок, и Леонид отставил чашку. Пожалуй, чая ему на сегодня хватит.

— Достаточно, Джеймс!

Он помахал шотландцу рукой.

— Что случилось? — обернулся к нему Кахил. — Мы же только начали?

— Два часа прошло, Джеймс. Перерыв, детям нужно отдохнуть.

— Но мы не хотим отдыхать! — раздался звонкий голос кого-то из воспитанников.

— Они не хотят отдыхать? — повторил Джеймс.

— Наверное, вы им понравились, — похлопал его по плечу Леонид. — Извините, друзья мои, — обернулся он к юным спортсменам, — вашему тренеру нужно пообедать. А потом я покажу ему, где он живёт.

— А вы потом вернётесь? — застенчиво спросил самый младший мальчик. Кажется, его звали Дима.

— Конечно, Дима, — ответил Джеймс, и мальчик расцвел и захлопал в ладоши.

— Ура!

— Но только завтра, — строго произнёс Леонид. — Пойдёмте, Джеймс. Преподаватели живут на втором этаже.

После всех чудес сегодняшнего дня квартира не произвела на Кахила особенного впечатления. Хороший двухкомнатный номер, с кухней, микроволновой печкой, большим телевизором, мягкой мебелью и авангардистскими картинами на стенах. Порадовала только ванная комната. На родине не всякий мог позволить себе тратить на мытьё много воды, и обычно ванные комнаты совмещались с туалетом, и были оборудованы душем. Здесь стояла нормальная джакузи, как в отелях приличного уровня. Была даже крохотная парная, а рядом — сидячий бассейн с ледяной водой. Станный обычай окунаться в холодную воду; Джеймс решил, что не станет даже пробовать.

Наскоро ополоснувшись, он упал на постель, на хрустящие, со слабым незнакомым, но приятным ароматом простыни. Только сейчас он понял, насколько устал. Дорога — всегда дорога, тем более из родной Британии в загадочную Россию. Потом короткая поездка с Леонидом, потом удивительные дети. Как они смотрели на него, как ловили каждое его слово! Они верят ему, с необычайной ясностью понял он, они надеются на него. И эту веру

нельзя обмануть. Он вспоминал лица, увиденные только сегодня, ещё малознакомые, но уже почти родные...

Кажется, он попался. Одним — двумя сезонами дело не ограничится. Он должен увидеть, что получится из этих ребят.

С этой мыслью он заснул.

Ему приснился Крусибл1. Место, где он никогда не проходил дальше второго круга, но во сне Джеймс обнаружил себя в финале — и совершенно не удивился этому! Люди так устроены, мы верим в сновидения как дети. Он знал, что по праву находится на главной арене снукерного мира, и он верил, что сможет поднять над головой чемпионский кубок.

Его соперником стал мальчик. Один из тех, с кем он познакомился совсем недавно. И снова Джеймс не удивился, мальчик находился здесь по праву.

Джеймс считался фаворитом. Эксперты прочили ему быструю и лёгкую победу, а репортёры заранее брали у будущего чемпиона интервью. На деле всё оказалось иначе: мальчик брал фрейм за фреймом, а Джеймс никак не мог зацепиться, делал глупые ошибки, ошибался в выходах, мазал — и разрыв в счёте рос, рос, рос...

Потом что-то случилось, и Джеймс обнаружил, что счёт равный, и начинается последний фрейм, который и определит чемпиона мира. Он вступил сложным дальним ударом и повёл серию. У него получалось всё. Во сне он думал, что дядя должен гордиться им, что до победы осталось совсем немного.

До победы оставалось немного, один простой удар. Джеймс глубоко вздохнул, встал в стойку, прицелился — и тишину Крусибла разорвала трель телефонного звонка!

Звонок продолжал терзать ему уши, у судья у стола не обращал на помеху никакого внимания, наверное, даже не слышал его, только смотрел на Джеймса вопросительно, словно интересуясь: в чём дело, почему такая задержка?

Наконец Джеймс решился — и промазал. Его соперник встал к столу и принялся молниеносно собирать очки...

В этот момент Джеймс проснулся. Сначала он ощутил безмерное облегчение: он не застал победы соперника, наверное, тот тоже ошибся, и значит, ещё остался шанс!..

Звонок смолк, чтобы через мгновение прозвучать ещё громче. Не телефонный. Кто-то звонил в дверь его номера. Сон, это только сон, а он в далёкой России! Надо открыть. Где этот чёртов ключ?

— Ну вы и спать, Джеймс! — покрутил головой Леонид. Вы не забыли, что у вас ещё сегодня встреча с Ильёй Витальевичем?

В самом деле, программа первого дня совершенно вылетела у него из головы.

— Простите, Леонид, — шурясь, проговорил Джеймс, — забыл. Десять минут у меня есть?

В глаза будто насыпали песку, а голова гудела, и времени понадобилось больше. Так или иначе, через полчаса они уже сидели в приёмной Жогина.

Деньги — труха, особенно когда даже приблизительно не знаешь, сколько их у тебя. Жогин не знал, для этого существовали бухгалтеры, финансисты и юристы. Целый штат, который сейчас активно работал и мало-помалу, исподволь возвращал капиталы, отсуженные у него Мариной при разводе. Жогин не сомневался в успехе. Когда не умеешь заработать, не сумеешь и удержать.

Кошку по имени Кошка Жогин оставил себе. Потребовал отдельно прописать это в

бракоразводном договоре. Жена — бывшая, к счастью! — презрительно фыркнула, Параминов, имевший наглость присутствовать на процессе, пожал плечами. Он знал, что Жогин ничего не делает просто так, но тоже не понимал, в чём дело.

Чёрт с ними! Кошка была единственным существом, которая любила его просто так. Счастливы звери, они не знают денег. За все деньги мира нельзя купить искреннюю привязанность. Можно заботу, можно страх и даже уважение, но не любовь.

Коша радовалась хозяину просто так, за то, что он был. Во всяком случае, Илья Витальевич на это надеялся, ведь кормили Кошку разные люди, а приходила она к нему. У него сидела на плечах, у него спала ночами на подушке.

Сейчас Кошка изучала новую игрушку — господина Мо. Маленький, сухощавый китаец с молодыми глазами сидел напротив Жогина и с любопытством следил за трёхцветной красавицей. Шишка запрыгнула на спинку кресла и обнюхала у господина Мо ухо, потом лизнула, коротко муркнула и перебралась к хозяину.

— Любите кошек? — спросил господин Мо.

— Кошку, — ответил Жогин, зарываясь пальцами в густую шерсть питомицы. Та громко заурчала, прижалась к его на груди, вцепилась когтями в рубашку. — Вот именно эту кошку. Хотя бывает больно, да.

— У меня собака, — сказал господин Мо. — Времени мало, но раз в день я сам гуляю с Конфуцием.

— Пекинес?

— Представьте, нет! — засмеялся господин Мо. — Кавказская овчарка!

Жогин знал об этом. Он сам устроил так, чтобы господину Мо преподнесли мохнатого щеночка с большими лапами. Господин Мо тоже знал об этом, как и о том, что Жогин знает про его осведомлённость. Это была их маленькая игра, разминка перед важным разговором. Обычно такая разминка полна намёков и недомолвок. Некоторые учителя бизнеса считают: кто первым коснётся главной темы, находится в заведомо проигрышной позиции. Так или нет — никто не знает доподлинно, богатые мира сего неохотно пускают посторонних в свою внутреннюю кухню.

Илья Витальевич начал первым.

— Как прошла пилотная серия «Проклятия Тритона»? — спросил он.

— О, неплохо! — ответил господин Мо. — Не побоюсь преувеличить, отлично!

Те же учителя сейчас схватились бы за голову! Нельзя хвалить товар, в котором заинтересован. Нужно быть осторожным и слегка равнодушным, так проще торговаться.

Господин Мо не посещал бизнес-тренинги, он работал. Он не задумывался, как правильно вести переговоры. Возможно, именно поэтому он стал богат и успешен.

— Картинка великолепна, — продолжил китаец. — Актёры, — он пожевал губы, — просто загляденье. Признайтесь, кто ставил вам графику? Мои эксперты теряются в догадках.

— Зачем вам?

— Хочу перекупить, — откровенно ответил господин Мо.

— Именно поэтому я вам и не скажу, — улыбнулся Жогин.

— Я раскопаю, — пообещал господин Мо, — и вы даром потеряете ценных специалистов. Давайте договоримся сейчас?

— Рад, что вам понравилось, — никак не отреагировал на предложение Жогин. — У меня готов первый сезон, сорок четыре серии, каждая по шестьдесят четыре минуты.

— Это серьёзно, — сказал господин Мо. — Хочется взглянуть хотя бы одним глазком.

— Разумеется.

Илья Витальевич махнул рукой. Стёкла в окнах потемнели, и в темноте на стене загорелся большой экран.

...Герой пробирается дремучим лесом. Деревья встают до неба, лианы роняют ему под ноги капли жгучего сока. Он торопится. Он должен опередить егерей злого императора Оара и спасти любимую женщину. Он не простит, если она станет игрушкой свирепого старца. Игрушкой на одну ночь, потом её, обесчещенную, отдадут солдатам. На полпути он достигает деревушки у склона горы Тхань. Её жители в беде. Бежавший с каторги разбойник Кааза сколотил банду и теперь, предчувствуя неизбежную расплату, отрывается в кровавой вакханалии. Селянам надо помочь, но это потеря времени. Герой не раздумывает долго, он...

На этом серия кончается.

— Да, — кивнул господин Мо, щурясь от солнечного света. — Куанг Сой великий актёр. Когда вы познакомите меня с ним, господин Жогин?

— Куанг Сой нелюдим, — ответил Илья Витальевич. — Он не ищет известности.

— Станный человек, — покачал головой господин Мо.

— Станный, — согласился с ним Жогин. — Итак, ваше предложение?

— Миллиард евро.

Жогин молчал и смотрел на господина Мо. Господин Мо, не отрываясь, смотрел на него, и ни одна жилка не дёрнулась на его лице.

— Хорошо, — ответил наконец Жогин. — Миллиард евро.

Господин Мо молчал. Он слишком хорошо знал своего визави.

— И процент с проката, — продолжил Жогин. — И долю в прибыли в торговле сопутствующими товарами: плакатами, игрушками, всем-всем. Десять процентов меня устроят.

Господин Мо скорчил недовольную гримаску.

— Вы грабите меня, Жогин.

— Я не зверь и не грабитель, — улыбнулся Илья Витальевич. — И эксклюзивные права на покупку следующего сезона. Если народу понравится.

— На тех же условиях? — быстро спросил господин Мо.

— Да, — твёрдо ответил Жогин.

— Принято.

Господин Мо протянул Жогину сухую ладошку.

— А теперь, по старинному обычаю, скрепим сделку рюмочкой хорошей женьшеневой водки, — сказал китаец. — Вы не против?

— Что вы, друг мой, — ответил Жогин, — я только за!

Господин Мо открыл бывший при нём чемоданчик, и на столе появилась запотевшая бутылка. Корешок, похожий на карикатурного человечка, растопырил внутри бутылки ручки и ножки.

Появился неслышный как тень секретарь, выставил на стол хрустальные стаканчики, тарелки с нарезанными соленьями и деликатесной рыбой, нарезанной тонкими ломтиками.

— За успех! — поднял свой стаканчик господин Мо.

— За сотрудничество! — отсалютовал ему Жогин.

Выпили.

Жогин посидел, не закусывая, изучая послевкусие жгучей, чуть маслянистой жидкости.

Кошка по имени Кошка, сидевшая у него на руках, забралась на стол и стащила кусок рыбы. Господин Мо улыбнулся.

— Хороша, да? — спросил он.

— Весьма, — ответил Жогин. — Сами делаете? Поставьте мне партию. Бутылок сто.

— Зачем так мало? — спросил господин Мо.

— У нас тоже есть старинные обычаи! — засмеялся Жогин.

— Понимаю, — ответил господин Мо. — Ста бутылок у меня не будет, это штучный товар, но пару дюжин я вам отправлю.

— Что вы с меня за это попросите?

— Это подарок. Нам ещё работать и работать вместе! А теперь мне пора, — господин Мо вежливо поклонился. Жогин встал и поклонился ему в ответ. — На днях отправлю к вам моих юристов с проектом контракта. Не откажетесь прилететь на подписание ко мне?

— Не откажусь, — улыбнулся Жогин. — Давно не был в Поднебесной.

Он спустился с китайцем на первый этаж и далее до крыльца, где того ожидала машина. Господин Мо кланялся и благодарил, благодарил и кланялся. Он был доволен, он знал, что заработает куда больше миллиарда. Илья Витальевич тоже чувствовал удовлетворение от удачной сделки: на серверах компании ждали своей очереди двенадцать сезонов «Проклятия Тритона». Полновесные двенадцать сезонов по сорок четыре серии, каждая ровно шестьдесят четыре минуты. Второй сезон он отдаст Мо на тех же условиях, а про третий и далее разговора не было.

Когда он поднялся наверх, в приёмной в компании с переводчиком его ждал Джеймс Кахил.

Спустя несколько минут немного опешивший Джеймс сидел в кабинете мультимиллиардера, баюкал рюмку с водкой господина Мо (и никто ведь не поверит, что он пил водку с Жогиним, и водку эту подарил хозяину самый богатый подданный Китая!) и слушал, стараясь не пропустить ни слова...

— Я создал лучшие условия, — рассказывал Жогин, — лучших тренеров, каких мог найти, собрал самых талантливых, самых трудолюбивых детей. Мне не нравится, что побеждает всегда Китай, я хочу, чтобы в настольном теннисе мы были первыми! Вы согласны, Джеймс?

— Да, сэр... — робко ответил Кахил.

— Мне надоело, что в плавании доминируют американцы! — продолжал Жогин. — В плавании и лёгкой атлетике. Я создал лучшие условия! Вы видели мои бассейны, Джеймс?

— Нет, сэр, не успел, сэр...

— Не вставайте, Джеймс, я не кусаюсь, и пейте, это отличная водка, хотя... вам нечем закусить. Моя кошка сожрала всю рыбу! Люблю эту проглотину, — с неожиданной нежностью произнёс вдруг Жогин.

Открылась дверь. Секретарь вкатил тележку с закусками и быстро сервировал стол.

— Пейте, Джеймс! — засмеялся Жогин. — Когда вам ещё удастся выпить в моей компании?

— Когда, сэр? — переспросил Джеймс.

— Когда ваш воспитанник выигрывает чемпионат мира или другой престижный турнир, — серьёзно ответил Жогин. — Я горд знакомством с вашим дядей, со всеми великими чемпионами, которых смог застать, но, не обижайтесь, Джеймс, меня утомило засилье англосаксов в снукере. Я хочу, чтобы чемпионами становились русские. Понимаете?

— Кажется, да, — промолвил Кахил. В голове его пошумливало. Китайская водка оказалась коварным напитком. Она пилаь легко и приятно, её хотелось пить, но Джеймс понимал: сегодня его первый день в России, и будет несусветной глупостью, если он останется единственным.

— Ладно, Джеймс, — сказал, вставая, Жогин, и Кахил вскочил, сам не заметив как. — Отдыхайте. Если вы не запомнили дорогу, спросите моего секретаря, вас проводят.

— Спасибо, сэр.

Кахил попятился к дверям, просочился сквозь них и только тогда перевёл дух. Однако, задачи ставят эти мультимиллиардеры! Может, поэтому они так богаты?

К счастью, в его номере оказался холодильник с продуктами и микроволновка, поэтому спать Джеймс Кахил завалился не только пьян, но и сыт.

Жогин спрятал бутылку в шкаф и закинул в рот капсулу алкоцина. Это был тот же панацин, но сильно урезанный. Он не делал человека абсолютно здоровым, он купировал опьянение и обезвреживал метаболиты этилового спирта. Попросту, протрезвлял без последствий. Сегодня Жогину не хотелось быть пьяным, для опьянения есть своё время, настроение и свои дни. Пить надо, если иначе не сбросить напряжение дня — или в компании друзей, которым плевать на твои деньги. Больше никто не должен этого видеть. Пьяный миллиардер жалок и неуместен. Слышать — сколько угодно, сплетня это обычный спутник состоятельных людей.

— Есть у меня что сегодня? — спросил он в пространство.

Продвинутая автоматика кабинета умела отличить, говорит ли хозяин сам с собой или требует реакции. По интонации, жестике, положению головы, направлению взгляда.

— Один посетитель, — отозвался через секунду секретарь. — Который месяц добивается приёма. Я его не обнадёживал, вы сами распорядились...

— Ага, — произнёс Илья Витальевич. Понятно, кто рвётся к нему диким быком. Тот, кому это запрещено. И кто не может понять, что запрет — это запрет, а не намёк на будущее разрешение! Пожалуй, пора расставить все точки над «Ё».

— Зовите.

Посетитель не заставил себя ждать.

Красив, даже благороден на вид. Скромный льняной подрясник, умное лицо, аккуратная бородка. Седые пряди в русых волосах. И тяжёлый серебряный крест на толстой цепи.

— Здравствуйте, уважаемый Илья Витальевич, — произнёс он.

И голос его был под стать внешности. Красивый баритон с бархатистыми обертонами. Наверное, он приводит неофитов в восторг. А уж неофиток непременно!

— Здравствуйте и вы, — ответил Жогин, указывая на кресло.

— Я благочинный местного прихода отец Макарий.

— И как же мне к вам обращаться, господин благочинный? — поинтересовался Жогин.

В глазах посетителя мелькнула неуверенность.

— Простите, разве я не представился? — ответил он. — Отец Макарий.

— Это вы простите, — с холодом в голосе произнёс Илья Витальевич. — Мой отец умер три года назад. Не вижу причин называть отцом кого-то другого. Итак, как вас зовут?

— В миру я Владимир Сергеевич, — развёл руками священник, — но это, право, нехорошо. Я пришёл к вам как духовное лицо, чтобы...

— Это оксюморон, — прервал его Жогин.

— Не понял? — растерялся священник.

— Духовное лицо это оксюморон, — вежливо повторил Илья Витальевич. — Нонсенс.

— Но как же... — опешил посетитель. — Это просто м-м-м... определение статуса?

Бывают лица частные, юридические, официальные, а я как священник, как принявший сан — лицо духовное.

— Ладно, — сказал Жогин. — Вы уходите от сути, но ладно. Так чего же вы хотите как духовное лицо? Для чего вы отвлекаете меня от работы, а вы не можете не понимать, что время моё стоит денег? Наверное, это очень, крайне важное дело?

— Самое важное из существующих, — заверил его священник.

— Вот как?

— Воистину! — Владимир Сергеевич, в клире отец Макарий, возвысил голос.

— Это интересно, — отметил Жогин. — И чём состоит это дело?

— У вас огромное предприятие, на нём трудятся тысячи человек, — воодушевился Владимир Сергеевич. — Все они заслуживают спасения!

— Вы что-то пугаете, — пожал плечами Жогин. — Техника безопасности у нас на высоте, в точном соответствии с законодательством. Есть целая служба, которая неукоснительно следит за исполнением, и прочее... Моим сотрудникам ничего не угрожает.

— Вы смеётесь надо мной, — опечалился священник. — Речь о спасении души.

— Чего, простите?

— Души, — твёрдо повторил священник.

— Что такое душа, Отец Макарий? — спросил его Жогин. — Дайте определение.

— Вы неверующий? — Посетитель посмотрел на Жогина с испугом.

— Разумеется, — ответил Жогин. — А вы?

— Никогда передо мной не стояло такого вопроса, верить или нет, — вскинул подбородок отец Макарий. — Верую во спасение и делаю для этого всё, что в моих силах!

— Делайте на здоровье, — сказал Жогин. — Я тут при чём?

— На территории вашей компании нет храма Божия, — поджал губы священник. — Нет даже часовни. Постройте храм. Вам это не стоит почти ничего, зато люди ваши обретут жизнь вечную!

— Объекты культа не предусмотрены планом развития.

Священника передёрнуло.

— Зачем вы так неуважительно о храме? — сказал он. — Объекты культа. Можно подумать, мы в совке живём!

— Знаете что, господин хороший, — сказал Жогин, поднимаясь. — Пока я жив, никаких капищ здесь не будет. Заметьте, я никому не мешаю сходить с ума. Желаете молиться? Отправляйтесь в город и бей поклоны, я тебе слова не скажу! Только работу выполняй, и выполняй хорошо.

— То есть вы против храма? — впросил священник. — У вас полно места, у вас гектары леса! Одно небольшое здание — и всем станет хорошо.

— За территорией и не за мои деньги, — отрезал Жогин. — Больше не задерживаю.

— Но храм, — сделал последнюю попытку священник, — это красиво! Красота облагораживает!

— Храм не может быть красив, никакой, — сказал Жогин. — Идите, прошу вас.

Продвинутая автоматика открыла дверь кабинета, в ней показался дюжий охранник.

— Вы совершаете ошибку, — тихо сказал отец Макарий.

— Возможно, — ответил Жогин. — Но это моя ошибка и мне за неё отвечать.

— Погубите вы свою душу...

— Души нет.

Выпроводив попа, Жогин прошёлся несколько раз по кабинету. Сел за стол, пододвинул папку с отчётами. Договоры, сводки, лицензионные отчисления, патентные споры... Всё это приносило удовлетворение — и деньги, но внутри была странная пустота, какая всегда возникала после разговора с истово верующим. Как можно рассчитывать на жизнь после смерти? Жогин не понимал. Жизнь после смерти — истинный оксюморон, ловушка для легковерных дурачков! Легковерных... Опять это слово — вера. Самое худшее, что может быть в жизни, самое грязное и злое — это боговерие.

Все войны начинались во имя Его.

Как в дерьмо вляпался, честное слово. Хочется верить — тьфу, пропасть! — надеяться, что Оно больше не придёт.

1. Крусибл — театр в Шеффилде, Англия. С 1977-го года там проходит чемпионат мира по снукеру.

Конец всегда стремится к началу, а в ответе содержится вопрос. Тритон из легенды, чтобы познать внешний мир, ловит собственный хвост. Ловит, но никак не может поймать, и мир остаётся непознанным до конца.

Сой Муа не изучил ещё внешний мир, но узнал достаточно, чтобы вернуться. Внешние... Дикари и воры, умыкнувшие у Мира современные технологии. Их успех — случай, их счастье — воровство.

Люди должны забрать своё назад. Это не право, но обязанность.

Сой спешил. Часы под кожей пожирали время, его и тех, кто ждал его на родине.

Сой спешил. Пришлось угнать машину на химическом топливе, одну из тех, которой пользовались Внешние. Пожирая из воздуха кислород, она возвращала назад целую свалку из ядов и грязи. Внешние её не замечали, а Соя мутило от гадливости. Внешние убивали свой Мир, уничтожали его, не думая о будущем. Он должен их остановить. Мир, пусть и не родной, но прекрасный, жаждал спасения.

Пасмурным утром, выйдя из пещеры, Сой пробрался в транспорт, направлявшийся в сторону местного города. В огромном здании среди леса он провёл несколько дней, высматривая, прислушиваясь и вынюхивая. Его никто не заметил, спасибо умным имплантам, зато накопители в жировой клетчатке сохранили достаточно информации.

Теперь он возвращался. По сторонам пустынной дороги вставали зелёные великаны, напомнившие Сою касталии. Они глухо шумели и гнулись от ветра, который гнал по серому небу серые облака, подсвеченные с одной стороны светом местного спутника. Скоро показались горы, и Сой бросил машину и сошёл с дороги в лес. Дальше ехать было нельзя, Внешние охраняли вход в пещеру. Охраняли настолько тщательно, насколько позволяло их примитивное мышление, но даже варварам иногда везёт. Сой не мог рисковать. Он растворился в вечерних тенях и побежал напрямик.

Ветки стегали его по лицу, свежий ветер раздувал волосы. Темнело, ночь вступала в свои права. На полпути Сой устроил себе короткий привал. На крошечной полянке лёг во мхи, откинув голову, чтобы видеть небо.

Ветер усилился. Он терзал облака, рвал их в клочья — и внезапно разметал в стороны, очистив кусочек неба...

Сой увидел звёзды — и испытал потрясение!

Существо, знающему лишь одно светило, трудно представить себе звёздное небо, его глубину и необъятность. Сой вырос, зная, что пространство вокруг Мира ограничено «желудком Тритона» или гигантским пузырьком в толще камня. Пусть даже толща эта не бесконечна, и пусть существует Внешний мир, но понятие о нём умозрительно и абстрактно. Сейчас он увидел настоящую бесконечность...

Она подавляла. Рядом с нею он был даже не песчинкой, а мельчайшей молекулой. Его всё равно что не существовало. На мгновение Сой усомнился, что Внешние — примитивные дикари. Жить, помня о Бездне над головой, трудно, почти невозможно, но Внешние жили. Так ли они просты, как он решил?

Так! Дикость остаётся дикостью, неважно, стиснут ты в скорлупе или растворён в бесконечности. Цивилизованность внутри разумного существа, в его голове, а не вокруг.

Недолгий отдых вернул силы. Часы пожирали время, и Сой припустил быстрее

прежнего.

Вокруг пещеры ничего не изменилось. Внешние спали. Часовые у входа не заметили его. Лёгкой тенью Сой проскользнул внутрь, к Окну. Здесь было неожиданнолюдно. Внешние суетились у странного прибора. Похожий на древнюю пороховую пушку, он был направлен в сторону Мира. Один из Внешних сидел у примитивных расчислителей, пристально всматриваясь в плоский экран. Потом лицо его прояснилось. Внешние оживлённо переговаривались; они только сделали что-то, но что? Сой не стал гадать, всё, что он увидел, легло в накопители. Учёные разберутся.

Маскировка работала великолепно. Внешние ничего не заподозрили, когда он перебрался через Окно. Ладони привычно прилипли к шершавому камню. Перебирая конечностями как паук, Сой устремился к месту, где ждал его «Буках».

Инерциалы скафа дали точное направление на «Лардийскую стрелу», волновой излучатель дал импульс. Корабль отозвался сразу, ближняя к «Букаxu» часть границы замерцала. Сработали пороховые заряды, и скаф кинуло к Границе.

...Смерти и возрождения чередовались одно за другим, и возрождений оказалось больше. Сой со стоном втянул в себя застоявшийся, с привкусом металла воздух скафа. Он жив, он почти дома!

«Лардийская стрела» гостеприимно раскрыла перед ним свои шлюзы. Здесь пахло Родиной и пылью, и этот запах был куда вкуснее лесных ароматов Внешнего мира. Он прошёл по пустынным коридорам, заглянул в каюты, постоял в рубке. На экране была Стена, по ней струилась вода. Видимо, несколько недель — или месяцев, кто может сказать, какими путями вода достигла полости? — назад в горах прошёл дождь. Капли падали и сверху, проникали сквозь Границу, вспухали облачками снега. Вот они, будущие кометы и ледяные метеоры...

Сой сглотнул. Зачем он оттягивает неизбежное? Не убьёт же его это, в конце-то концов? В медотсеке он лёг в капсулу считывателя. Еле слышно загудели насосы, зажурчал буферный раствор. Он пах сладко и масляно, и у Соя закружилась голова. Встроенный анализатор опознал сильное обезболивающее. Правильно, как он мог забыть? Миру нужна информация, вся информация, а не только та, что сохранёна в подкожной жировой клетчатке. Значит, нужен и он, живой и в рассудке, не уничтоженный мукой считывания.

И всё равно, это было больно...

Потом Сой долго лежал, приходя в себя. Теперь от него уже ничего не зависело. Информационный пакет, зашифрованный, сжатый и многократно дублированный, отправился к Миру. Через несколько часов там будут знать, что он вернулся.

Сой спокойно заснул. Ему снились звёзды.

Кроме Жогина и инженеров-наладчиков, сюда никто не имел доступа. Целая стена напротив двери представляла собой один огромный монитор. Тысячи окошек непрерывно транслировали картинку с камер видеонаблюдения, установленных по всему «Жогинскому центру». По команде с пульта любое окошко можно было развернуть на экран настольного компьютера. Эти же видеопотоки, за некоторым исключением, получала и служба безопасности. Просматривать при желании все камеры Илья Витальевич считал — и не без оснований — своей привилегией.

Камеры стояли везде: в залах и коридорах, бассейнах и на беговых дорожках, на борцовских коврах и в тирах. В кабинетах управления и на остановках внутреннего

транспорта, на рабочих местах сотрудников и в конференц-залах. Даже в личных апартаментах директората и жилых комнатах персонала, а также раздевалках, душевых и туалетах; выход с этих камер поступал на вход специальной программе-цензору, и сложный алгоритм решал, представляет ли происходящее там угрозу здоровью или жизни людей. Свои помещения Жогин оставил без присмотра: всё равно никому не добраться до него незамеченным.

Кабинет с видеостеной Илья Витальевич называл своей комнатой отдыха. Чего здесь было больше, любопытства или гордости, он и сам не мог сказать, но бездумное перещёлкивание каналов успокаивало нервы. Кто-то пялится в телевизор, но Жогин считал это занятие глупым.

Обычные люди в обычных — или экстремальных, это уж как получится — казались ему интереснее.

Сейчас он следил за снукерной партией двух воспитанников. Тренер, Джеймс Кахил, остановил серию, и что-то объяснял обоим игрокам. На взгляд Жогина, позиция на столе не заслуживала пристального изучения, но Джеймс, очевидно, нашёл в ней нечто, требующее пояснений. Что же он увидел такое, что непонятно стороннему наблюдателю? Сам Жогин никогда не вставал за стол, но долгие годы с интересом смотрел турниры, и поэтому считал себя знатоком. Он научился хорошо видеть позицию и очень часто угадывал очередной ход. Мальчики-воспитанники, похоже, разделяли его недоумение, но Джеймс горячился, размахивал руками, чертил на планшете траектории...

— К вам посетитель, Илья Витальевич, — прошелестел голос секретаря в динамиках. — Требует сей же момент его впустить.

— О мой гад, кто? — недовольно отозвался Жогин. — Я никого не жду.

— Антон Сергеевич, — ответил секретарь. — Находится в списке «Пускать в любое время дня и ночи».

В голосе секретаря Жогину почудилось ехидство.

— Что, и такой список есть? — спросил он.

— Так точно, вы его сами составляли.

— Дела-а-а... — протянул Жогин. — Пропусти его в кабинет. Сейчас подойду.

Надо будет спросить у Джеймса, чего он там завёлся, решил Илья Витальевич. А Антон... Антон заслуживал круглосуточного «доступа к олигархическому телу». Хотя бы потому, что именно он раскопал сведения о взрыве и о Пузыре. Да плевать на Пузырь, какое отношение Пузырь имеет к их дружбе?

Антон бродил по обширному кабинету, как лев по клетке, такой же большой и гривастый.

— Ты не торопился, олигарх, — сказал он, обхватывая Жогина загорелыми ручищами.

— Работа, — сморщился Жогин. — Осторожно, раздавишь!

— Какая такая у тебя работа? — захохотал Антон. — Ты богатей, сидишь, с жиру лопаешься!

— Смейся-смейся, — проворчал Илья Витальевич, высвобождаясь. — Милича такого знаешь?

— Милич, Милич... — Антон закатил глаза, изображая тяжкую мыслительную деятельность. — Подожди, это писатель, что-ли? Который «Прогонные меры» написал?

«Прогонные меры» были одним из романов Милича, причём не самым известным и, по мнению Жогина, не самым лучшим. На вкус и цвет, как говорится...

— Который, — кивнул он. — Я сегодня полдня убил, уговаривая его не слишком отклоняться от сюжета.

— Какого сюжета? — заинтересовался Антон.

— Оригинального. Получили от переводчиков длинный цикл из Пузыря. Томов на двадцать с гаком. Мне нужно адаптировать его к нашим реалиям. Хорошо адаптировать, красиво. Вот я Милича и пригласил.

— А он?

— А он упирается. Переписывать чужое, видите ли, ему запахло и не по чину.

— Уломал? — спросил Антон.

— В процессе, — ответил Жогин. — Аж холка заболела, будто камни возил.

— И зачем тебе тут Милич? — удивился Антон. — Пригласи любого литнегра, есть, говорят, такие. Он тебе в одном стиле всё перепишет, всё как надо сделает. И вдесятеро дешевле.

— Мне требуется не любой, — скривился Жогин. — Я этот цикл продать хочу, значит, нужно имя. Милич это имя, а какой-нибудь Пупкин — нет.

— Думаю, имя тут необязательно, — сказал Антон, — достаточно агрессивной рекламы. Цикл-то интересный? Сделай его модным, уж на это денег тебе хватит! Придумай звучное имя, Тит Ливий Цицеревич, например, и издавай.

— Может быть, — подумав, ответил Жогин. — Ладно, ты чего явился-то? То тебя не было полгода, то вдруг раз — и ты тут. Что случилось?

Антон уселся в кресло, раскинул ноги.

— Уезжаю, — сказал он. — Земельку прикупил, попрощаться приехал.

— Это новость! — покрутил головой Жогин. — Куда же?

— Не куда, а где, — важно сказал Антон. — Вот, — он достал из кармана и расправил сложенную в несколько раз карту, — островок в Микронезии. Четыреста гектар, белые пляжи, джунгли, куча кунаков, и все в белых штанах!

— А если тайфун?

— Всё продумано! — возгласил Антон. — Построю дамбы, волноломы, ветроуловители. Проекты уже готовы, денег навалом!

— Бежишь, то есть?

Антон поскуачнул, улыбка исчезла с его лица. Он уронил лицо в ладони:

— Тишины хочу. Дома хорошо, но очень уж беспокойно. Всё пертурбации какие-то, водовороты, движуха. А вообще, злой ты. Почему сразу бежишь? Это дача у меня будет, не всё же на острове жить? Буду в гости приезжать, если примете.

— Чего же мы тебя не примем? — удивился Жогин. — Примем, куда ты денешься?

А ведь он прав, подумал Жогин. От движухи в голове звенит, и оглянуться некогда! Устал я, ох, как устал. Значит, надо — нет, не бежать на тихий островок в Великом океане! — пора выпить в хорошей компании, выпить по-настоящему, без алкоцина! Чтобы в голове шумело, и тянуло на подвиги! Всё равно они, подвиги то есть, останутся тут, в этих стенах. Наружу ничего не выйдет, об этом позаботится персонал, это их работа и отдельный пункт в контрактах.

— Пить будешь, — сказал Жогин, и Антон осознал, что это не вопрос, это утверждение, неотвратимое как рассвет.

— Конечно! — широко улыбнулся он. — А что? Палёная водка есть?

— Нет, — удивился Жогин. — Зачем тебе палёная водка? У меня хорошая есть,

настоящая, лучшая!

— Прощаться с Родиной нужно исключительно палёнкой, — нравоучительно произнёс Антон и даже палец поднял для важности. — Чтобы горько было. Горько, понимаешь? Не как на свадьбе, а как на похоронах!

— Количесвом компенсируешь, — решил Жогин. — Разрешаю не закусывать.

— Даже так? — восхитился Антон. — Я же умру!

— Спасём, — пообещал Илья Витальевич.

Пьют не для печали, пьют для веселья, даже если пьют с горя. Пьянство без разговоров — время на ветер, а что за разговор, когда собеседники упились и лежат под столом? Конечно, на столе появилась закуска: солёные огурцы, сало, грузди в глубокой тарелке, духмяный свежайший чёрный хлеб и ледяной квас в запотевшем жбане.

— Я никогда не уеду, — говорил Жогин, рассматривая водку в узком стакане. — Не убегу. Бегство — это трусость!

— Ты что, меня трусом назвал? — выставил вперёд бороду Антон. — А в морду?

— Во-первых, я не про тебя, а про себя, — отвечал Жогин. — А во-вторых, охрана не позволит! Сейчас набегут фараоны, и бац! Тебя мордой в пол! Так что не угрожай.

— Я и не угрожаю, — уныло сообщил Антон.

— Думаешь, зачем я это всё затеял? — Жогин обвёл вилкой с наколотым на нею грибком вокруг себя. — Зачем мне миллиарды?

— Зачем? — послушно повторил Антон.

— Чтобы остаться. Чтобы не сгнить бесследно!

Жогин кинул водку в рот, заел груздем.

— Все сгниём, — сообщил Антон. — И ты тоже, не надейся.

— Зато я останусь в памяти!

Жогин налил себе ещё рюмку, быстро выпил и схватил стакан с квасом. Кадык его ходил вверх-вниз с каждым глотком.

— Вот начнут мои детишки начнут чемпионаты, — продолжил он. — Их спросят, а где вы начинали? В Жогинском центре! Библиотеку отгрохаю, проект уже есть. В Штатах бывшие президенты устраивают, и я устрою. Для всех! Куда, спрашиваю, люди пойдут науку изучать? В Жогинский университет!

— Где он, этот твой университет? — угрюмо поинтересовался Антон. — Нету его пока.

— Будет! — пообещал Илья Витальевич. — Мы над этим, — его передёрнуло, — работаем!

— Ты богатей, понятно, — объявил Антон, — но всё равно расточительно. Надо проще быть. Вот раньше... — он быстро принял ещё рюмку, крякнул и продолжил, подцепив с блюда пластик сёмги. — Эх, хороша, подлюка! Так вот, раньше купчины церкви ставили, отмаливали свои грехи. И чтобы их морда на фреске!

— Не будет такого, — отрезал Илья Витальевич.

— Почему?

— Не люблю попов. Жулики они.

— Зря ты так, — дёрнул подбородком Антон. — Разные они, как и все люди. Есть жулики, как не быть, но есть искренние. Вот наш, например, отец Макарий...

— Ваш? — переспросил Жогин. — Ты что, в церковь ходишь?! Вроде раньше ты не увлекался...

— И сейчас не увлекаюсь, а денег даю, — ответил Антон. — Людям надо, а мне не

жалко.

— А мне — жалко, — сказал Илья Витальевич. — И всё, хватит об этом!

— Как прикажешь. Давай ещё по одной. Помнишь, ещё в институте...

Пили, болтали ни о чём, потом Жогин обнаружил себя обнимающим унитаз собственного персонального сортира. Тошнота поднималась волнами, во рту было кисло, и, кажется, в носу тоже.

— Вот я напился-то... — сказал себе Жогин, и его снова скрутило. Вид собственной рвоты спровоцировал новый приступ, и так повторялось, пока Жогин совершенно не измучился.

Правда, стало чуточку лучше. Липкий туман в сознании рассеялся, зато заболела голова. Жогин с трудом поднялся, пустил в раковине воду. Кое-как умылся.

— Как мальчишка, ч-чёрт... — пробормотал он.

Мальчишке-то всё равно. Мальчишка отоспится и снова будет огурцом, а в его годы можно и помереть. А помирать нам рановато, дел ещё полно. Значит, хватит экспериментов.

Капсула алкоцина растворилась на языке, слюна провалилась в пищевод холодной мятой. Боль, что колотила изнутри по костям черепа, стала стихать. Прояснилось зрение, успокоился пульс.

Кишки... Как хорошо, когда у тебя нет кишок, когда ты их не чувствуешь!

— Ну и свинюшник... — пробормотал Жогин, оглядевшись. — Всё засрал и заблевал, урод.

Как и хотелось.

Он разделся, бросил загаженные тряпки тут же, возле унитаза, и прошлёпал в соседнюю комнату, в душ.

Горячие струи били по плечам, по спине, по груди. Жогин вертелся под душем, поставляя то один бок, то другой. Потом, прямо из-под душа, перебрался в бассейн с холодной водой. Хорошо!

В дверь забарабанили.

— Кто там ещё?! — рыкнул Жогин.

Дверь отворилась, и Жогин, готовивший резкую отповедь, замер на полувздохе.

Никогда ещё Жогин не видел своего начальника охраны, таким обескураженным. Виктор был бледен, на виске дрожала жилка, плотно сжатые губы побелели.

— Что случилось, Виктор?

— Там... Там... — охранник сглотнул.

Лард постарел.

Он полусидел, откинувшись на многочисленные подушки, и уже мало напоминал того немолодого, но крепкого человека, который напутствовал Соя перед Проникновением. Успешным Проникновением, напомнил себе Сой.

— Наконец я тебя дождался, — надтреснутым голосом произнёс Тиран.

— Я торопился как мог, Ваше Величество, — сказал Сой.

— Главное, ты успел...

Лард закашлялся. Тонкая, почти прозрачная кожа на скулах натянулась, шея, наоборот, пошла многочисленными, нездорового вида складками. Сой ждал. Папаша, как и подпиравший дверной косяк Логаро, тоже.

— Я видел твои... записи, — продолжил Тиран. Голова его тряслась. Логаро отлепился

от стены, вытер выступившую в углу старческого глаза слезу. Тиран слабо кивнул. — Что ты можешь добавить к ним?

— Если Ваше Величество интересуется моё мнение...

— Да, да! Именно твоё мнение интересуется моё, — Лард снова зашёлся в кашле, — немощное величество! Они... Внешние, кто?

— Дикари и воры, Ваше Величество, — ответил Сой Муа.

— Дикари и воры, — повторил Тиран. — Я тоже так думаю. Спасибо, мой мальчик.

Первая волна вторжения состояла из одного корабля. Всего десяток бойцов под началом Логаро, учёный техник с непроизносимым именем и проводник Сой Муа. Высшие военные чины Лардийской Тирании решили, что этого вполне хватит, и Сой был с ними согласен. Главное — захватить плацдарм. Внешние просто дикари и воры, десантники легко возьмут окрестности пещеры под свой контроль. Что будет дальше? Сой не задумывался об этом. Наверное, переговоры, наверное, капитуляция Внешних. Преступление, а они преступники, заслуживает наказания. В конце концов, умные головы в Академии не зря едят свой хлеб. Дело военных — создать условия для мира. Правильного, истинно справедливого мира.

Всё произошло проще и быстрее, чем он думал. Внешние пытались защищаться, но что могут примитивные пороховики против современного оружия? Дикари и воры, просто дикари и воры...

— Готово, — доложил один из десантников.

— Только треть, — сказал Логаро. — Ещё куча работы.

Резкая трель разорвала сгустившуюся тишину. Дальнослух на столе в будочке постового. Ничем больше это устройство быть не могло!

— У нас мало времени, — сказал Логаро. — Внешние уже знают.

— Что именно? — спросил Сой.

— Что здесь что-то случилось. Генераторы, быстро!

Они работали как проклятые, Логаро и Сой трудились наравне со всеми. Когда от скорости зависит твоя жизнь и успех дела, каждая пара рук на счету. Транспортная платформа отказала — при переходе через Границу сбились настройки, если верить технику, — и тяжеленные генераторы пришлось тащить на руках.

— Надеюсь, они заработают. — Сой мрачно посмотрел на техника, который колдовал над последним из генераторов.

— Должны, — огрызнулся техник. — Это очень простые устройства, в них нет и капли мозгов. Если вы правильно их установили!

— Хватит! — рявкнул Логаро. — Включайте уже, и помните, от их работы зависит успех экспедиции.

— Да, господин.

Воздух над генераторами сгустился, заискрился — и полупрозрачный перламутровый «Полог» прикрыл всё и всех на триста шагов вокруг. Гору с чёрной дырой входа, десантников, редкие деревья по периметру и трупы Внешних у скальной стены.

— Вторая треть, — сказал Логаро. — Кинетическое оружие нам уже не страшно. Техник, как вас там?

Техник поднял голову.

— «Панцирь» на подходе, — ответил он, — я подал сигнал сразу, как только мы вошли.

— Хорошо, — кивнул Логаро. — Значит, ждать.

Сой сел, где стоял. Самое неприятное — ждать. Знать, что от тебя больше ничего не зависит, но и помнить, что ты сделал всё, что мог и должен был сделать. Десантные костюмы защитили их от ручных пороховиков Внешних. «Полог» удержит более тяжёлые кинетические снаряды.

«Панцирь» укроет от всего остального. Жаль, не сразу, с ним куда больше возни...

— Что случилось, Виктор?

— Там... Там... — охранник сглотнул.

— Чего ты блеешь, как медичка-первокурсница в анатомическом театре?! — не выдержал Жогин. — В обморок мне ещё грохнись!

— Извините, Илья Витальевич, — Виктор глубоко вдохнул, потом медленно выдохнул. — Извините.

— Докладывай.

— Вторжение из Пузыря, — сказал Виктор. — Мои люди, взвод спецов от Хомяка... Все убиты. Пещера и окрестности захвачены.

— Дьявол...

Жогин торопливо оделся. В голове звенело от трезвости. Как невовремя! Правда, грызло его беспокойство, уже несколько недель как грызло, чего-то он ждал, но не такого. А чего?

— Кто знает? — спросил он.

— Кроме вас только Хомяк, — ответил Виктор.

— Где он?

— У себя, — развёл руками Виктор.

Правильно, одёрнул себя Жогин. Хоть ты и триллионер, но Хомяк власть. Единственная настоящая власть та, что имеет право применять оружие. Полковник такое право имеет, и никакие охранники, хоть увешай их лицензиями и разрешениями, ему не указ.

— Пусть готовят машину, — приказал Жогин. — Едем к Хомяку.

— Если нас пустят, — произнёс Виктор.

— Пустят, — ответил Жогин с уверенностью, которой не испытывал. Потом вытащил смартфон: — Антон, ты ещё жив? Слушай меня внимательно...

Их пропустили. Молчаливый боец мельком глянул документы и кивком предложил следовать за ним.

Штаб военной операции похож на большой офис во время сдачи квартального отчета. Трезвонят телефоны, люди приникли к экранам, снуют туда и сюда посыльные. Вся разница — в одежде и погонах. Хотя, в иных организациях дресс-код не уступает военному. Чему в них нет, так это погон. Поэтому армейская жизнь всегда проще гражданской; в армии, за редким исключением, всегда понятно, кто начальник, а кто подчинённый. Иерархия мать порядка.

Хомяк в компании незнакомого генерала в полевой форме сидел в дальнем конце помещения, на небольшом подиуме, под большим белым экраном. Рядом с ними замер связист с ноутбуком и телефоном. Завидев Жогина, полковник помахал ему рукой.

— Кто это? — спросил неприязненно генерал, когда Илья Витальевич занял место за столом.

— Жогин. Тот самый, — коротко ответил Хомяк.

— Вот как? — хмуро сказал генерал. — Я генерал-лейтенант Илларионов, я командую

отражением агрессии. Присутствуйте, раз вы тот самый Жогин. Но молчите. Будете встречать, прикажу вывести. Вам понятно?

— Да.

— Вот и славно.

Генерал протянул руку, и связист вложил в неё трубку спутниковой связи.

— Здесь Сокол, — проговорил в трубку генерал. — Первый этап, начинайте.

— Парламентёры, — негромко объяснил Жогину Хомяк.

Экран озарился. Разделился на множество маленьких картинок. На них были войска: пушки, танки, стартовые площадки дронов, установки залпового огня. На большей части экрана, поверх всего остального, Жогин увидел снятые с дрона лес и знакомую гору, прикрытую муаровым полупрозрачным куполом. Верхушка горы торчала над куполом, словно скалистый островок на воде.

— Парламентёры, — повторил Хомяк, и Жогин заметил, что к куполу приближается группа людей. С высоты, в странной проекции, освещённые заходящим солнцем они походили на гвоздики. Гвоздики шагали вперёд, первый держал на отлёте белый флаг. Немного не доходя до купола, группа остановилась. «Зря, — подумал Жогин, — вряд ли их поймут».

Он оказался прав — быстро и страшно. Купол в том месте, где стояли парламентёры, озарился изнутри — и люди вспыхнули и рассыпались пеплом!

— Вот как, — мёртвым голосом произнёс генерал. — Ну и приятелей вы нашли на мою голову, Жогин.

Илья Витальевич не ответил, генерал и не ждал ответа. Только что погибли его люди, те, за кого он отвечал и кого поклялся защищать. Если, конечно, он настоящий командир.

— Здесь Сокол, — снова заговорил генерал в трубку. — К огню из всех стволов, минутная готовность. Выполнять!

Люди на маленьких картинках пришли в недолгое движение и снова замерли. Потянулись секунды.

— Залп!

Экран затянуло дымом. Наверху, там, где стояли войска, сейчас грохот, пришло в голову Жогину. Это плохо кончится, это очень плохо кончится. Хорошо то, что он успел отдать распоряжения. Трепников с Антоном справятся. Наверное, но уже ничего нельзя изменить.

— Есть попадание, — прошелестел связист. Штабной зал замер, глядя на экран. На нём разверзся огненный ад. Купол скрылся в дыму и пламени. Горела земля, горел воздух, горел лес вокруг горы. Потом дым рассеялся, поднятая взрывами земля опала.

Купол стоял непоколебим, и внутри него лениво двигались тени, похожие на людей. Казалось, они не заметили атаки.

— Залп! — снова скомандовал Илларионов.

Всё повторилось. Над куполом повисло дымное облако. И... всё!

Нет. Как росток, как побег бамбука прорывает землю, вершину купола разорвала стреловидная штанга. Вознеслась на многометровую высоту, раскрылась невиданной ромашкой. Лепестки пришли в движение, замерли и плюнули огнём.

Жогин судорожно втянул воздух. В нижней части экрана бушевал огненный шторм.

Подбежал бледный офицер.

— Ну? — метнул на него взгляд Илларионов.

— Наша артиллерия уничтожена, — дрожащим голосом доложил офицер.

— Вся?!

— Все, кто стрелял.

— Чё-орт! — выругался генерал.

Тренькнул ноутбук связиста.

— Москва, господин генерал, — глянув на экран, доложил он.

Илларионов схватил трубу.

— Да! — с трудом удерживаясь от крика, ответил он. — Да, я. Да, — он запнулся, — господин президент! Да, так точно.

Кровь отхлынула от лица генерала, превратив его в белую куклу. Генерал преувеличенно аккуратно положил трубку на рычаги и сказал:

— Господа офицеры. Ядерная атака, — и в наступившей тишине добавил: — Москва видела трансляцию. Они запускают «Скифы». Две единицы. Всем срочно спуститься в бомбоубежище. У вас есть здесь бомбоубежище, полковник?

— Да, господин генерал, — ответил Хомяк. — Хотя мы и так под землёй.

— Вы не знаете, что такое «Скифы», полковник, — ответил Илларионов. — Тем более две штуки. Скоро здесь будет выжженная пустыня. А так... есть шанс.

Штаб пришёл в движение. Офицеры собирали бумаги, носимое оборудование и двигались в дальний конец зала, где раскрыл свой зев спуск в бомбоубежище.

— Идёмте, Жогин, — схватил его за плечо Хомяк.

— Я останусь, — ответил Илья Витальевич. — Хотя, вы можете меня вывести.

Генерал посмотрел на него долгим взглядом.

— Как хотите, — сказал он наконец. — Выводить вас бессмысленно. Только имейте в виду, деньги вас не спасут.

— Смешно, — ответил Жогин и отвернулся.

Не прошло и двух минут, как штаб опустел. Погасли мониторы, замолкли телефоны, только, как издёвка, работал большой экран на стене. Там горело, взрывалась, бегали люди, тащили раненых, пытались что-то тушить, не зная, что жизни остались считанные минуты. Два «Скифа»... Два, хотя хватило бы и одного! Они превратят горы в равнину, лес в усыпанную пеплом пустошь. Они вскипятят реки и озёра, а родной город обратят в пыль, как и Центр его имени. Возможно, Трепников с Антоном успели увести кого-то в подвалы. Хотя бы детей! Там достаточно воды и провизии, там можно прожить не один день. Пуская они выживут.

А ему, триллионеру Жогину, ни к чему спускаться в бомбоубежище. Какой в этом смысл, если мечта жизни стёрта в порошок?

Он сидел и смотрел в экран, думая ни о чём, потом яростная вспышка милосердно отключила сознание.

— Привезли! — техник едва не подпрыгивал на месте от возбуждения. — Монтируем, господа военные!

Главный блок «Панциря» везли на четырёх транспортных платформах, за ними тянулся хвост из толстых, как удавы, кабелей. Техник долго — очень долго, казалось Сою, недопустимо долго! — выбирал место, потом махнул рукой. Платформы сгрузили блок на землю и удалились. «Панцирь» загудел, укореняясь. Череду огоньков, синих и зелёных, пробежала по его граням. Техник улыбался. Иногда среди огоньков появлялся жёлтый, и тогда техник хмурился и, ругаясь на незнакомом Сою языке, лез в нутро блока.

Не успеет, переживал Сой.

Техник успел. «Панцирь» вздохнул как живое существо, распустил над собой зонтик силовых тяжей. Тяжи поднялись вверх — и срослись, растворились в куполе «Полога». По кабелям пробежала невидимая волна. Сой знал: в пещере, заключившей в себе их светило и Мир, кабели каким-то образом соединились с Границей. Каким, могли бы понять считанные учёные в Мире, но вряд ли кто из них смог внятно объяснить это простому человеку, такому как Сой или даже Логаро. «Панцирь» и Граница стали одним целым, и это главное.

— Всё, господа военные, — просветлел лицом техник. — Теперь точно всё! Не знаю как вы, а я — спать... Перенервничал с вами.

Он привалился спиной к покатоному боку «Панциря» и захрапел.

— Что дальше, Логаро? — спросил Сой.

— Ничего, — ответил Логаро. — Будем возвращаться. Мы своё дело сделали, и этот мир тоже будет нашим.

— А как же время?

— Умники из академий найдут решение, — уверенно сказал Логаро. — Никуда не денутся.

Страшный удар сотряс купол. «Полог» прогнулся, вмялся под напором чудовищной силы. «Панцирь» завизжал на сотню голосов, принимая и утилизируя океан энергии. Воздух вокруг него зазвенел от напряжения. Кабели распухли, теперь они походили на колонны. Что происходило в пещере, с Границей. Сой не мог даже представить. Молниеотвод — вертелось в голове. Объяснение не хуже любых прочих.

Логаро шевелил губами. Что он говорит, что?

— Работает! — прокричал Логаро ему прямо в ухо. — Не обманули умники!

И тут ударило ещё раз.

— Ты смотри, как врут, а? Душа радуется! — Антон в сердцах потряс смартфоном. — Без зазрения совести! Хотя, что я, какая у них совесть...

— Как? — без особого интереса спросил Жогин. Дорога после стычки с пришельцами из Пузыря так только называлась, а на деле представляла собой бесконечную цепь из рытвин, воронок и раздавленных траками стволов. Во всяком случае здесь, где раньше стояли войска.

Обгоревшие, развороченные останки самоходок и танков попадались по обочинам и сейчас. Успевай только баранку крутить, не то быстро слетишь в канаву...

— Самозабвенно! — ответил Антон. — Вот, слушай: «Репрессивная машина российского режима дошла до предела. В ответ на гражданские выступления к городу Н-ску были стянуты войска. Когда же и это не остановило прогрессивную общественность, Москва применила против собственного народа тактическое ядерное оружие. Сейсмические станции по всему миру зарегистрировали толчки, соответствующие двум взрывам мощностью ноль-три и ноль-пять килотонны. США сообщает о двух вспышках, зафиксированных спутниковой группировкой». Так, тут бла-бла-бла... Ага, вот самое смешное: «Разрушения и жертвы неисчислимы. Еврокомиссар по внешней политике заявляет...».

— Сколько там было, знаешь? — спросил, не отвлекаясь от дороги, Илья Витальевич.

— Откуда? — удивился Антон. — Мне не сообщают.

— Два «Скифа», каждый по пятьдесят мегатонн. Тактическое, понимаешь...

— Н-да... Накрылся мой островок.

— Что так? — спросил Жогин.

— Санкции. Ты — олигарх, близкий к правительству. Я — твой, гм, клевет. Слово-то какое, суки, придумали, а? Клевет!.. Отберут его, островок.

— Зато на дамбах сэкономил, — усмехнулся Жогин.

— Эт-точно.

За несколько километров до пещеры дорогу перегородил шлагбаум. Хмурый лейтенант принял документы, скрылся в помещение поста, затем выглянул, крикнул:

— Кто из вас Жогин?

Илья Витальевич поднял руку.

— Подходите, поговорить с вами хотят.

Услыхав по защищённой связи голос Хомяк, Жогин не удивился. Кто ещё мог пожелать побеседовать с ним? Не Илларионов же.

— Рвёшься? — спросил полковник.

— Нет, — ответил Жогин. — Просто едем, там моя собственность, если помнишь. Что, нельзя?

— Можно, — ответил после паузы Хомяк. — Тебе можно, только не проедешь. Дальше совсем дороги нет.

— А пешком?

— Пешком получится, — признал полковник. — Но фонит там нехило. Два «Скифа», это тебе не кот на новые ворота начихал.

— За это не беспокойся, — сказал Жогин.

— Я и не беспокоюсь, — ответил Хомяк равнодушно, и Жогину даже представилось, что на другом конце провода полковник пожал плечами и криво ухмыльнулся. — Только учти, вернётесь грязные, прямо на посту в карантин посадим.

— Договорились.

— Двигай тогда, я распоряжусь. И это, — полковник с присвистом дышал в трубку, собираясь с мыслями, — расскажешь потом, что и как.

— Что сам не посмотришь?

— Не до того, — вздохнул Хомяк. — От журналюг отбиваюсь. Сбежал бы, да не могу, некому больше.

— Договорились, — повторил Жогин. — Расскажу и покажу, если техника не подведёт.

Они загнали внедорожник в кусты за постом и двинулись. Лейтенант проводил их настороженным взглядом, но ничего не сказал.

Полковник не соврал. После поста пошли сплошные завалы. Земля вспучилась волнами, асфальт перемешался с песком, глиной и древесной щепой.

— Как на Тунгуске, — сказал Антон. — Был я там, очень похоже.

— Что там с фоном? — спросил Жогин.

Антон кинул взгляд на запястье.

— Немного повышен, — ответил он, — но терпимо.

— Всё равно подлечимся, — решил Жошин. — С Хомяка станется. Неохота мне там, на посту, комаров кормить.

Съев по капсуле радицина, они отправились дальше. Шли молча, не до разговоров было. Два «Скифа» плюс лучевое оружие вторженцев не добавили местности шарма. Не вскоре стали появляться целые деревья, над их верхушками плыла вершина горы.

— Вот оно как... — протянул Антон.

Лес кончился. Старая дорога, что вела к пробитому в горе тоннелю, легла им под ноги. Целая, с заплатами свежего асфальта, такая, какой запомнил её Жогин с последнего посещения пещеры. Когда это было? Месяца не прошло, а кажется — в незапамятные времена.

Как ни странно, но всё здесь осталось целым. Щитовой домик, где жила дежурная смена персонала, закопчённый мангал, возле которого они проводили свои маленькие праздники, волейбольная площадка с провисшей сеткой, два теннисных стола в застеклённом павильоне. И, контрастом, оплавленное нечто рядом с павильоном. От него — две обугленных дорожки, ведущие внутрь горы. Ещё несколько выжженных пятачков, заполненных белым ноздреватым пеплом.

И трупы. Высохшие мумии, судя по одежде, чужаков. Несколько наших в хаки, лежащих вдоль скальной стенки; все с обугленными ранами, все убиты в голову.

— Парламентёров к ним посылали. С-суки!.. — вполголоса выругался Жогин.

— Что? — переспросил Антон.

— Странно, что нас сюда пустили, говорю, — соврал Жогин.

— Да, — согласился Антон. — Может, нас не жалко?

Жогин не ответил.

— Темень-то... — пробормотал Антон, когда они углубились в гору. Электрика выгорела. Свет поступал только снаружи; яркий прямоугольник входа не мог развеять окружающий мрак. Пришлось зажечь фонари. Звезда из глубины горы тоже не освещала путь.

— Что за дрянь!

Антон ковырнул носком ботинка пепел, составлявший двойную дорожку. У дыры в полость, выровненную, с оплавленными краями, дорожки расходились в сторону и пропадали во тьме.

— Темно! — сказал Жогин. — Смотри, Антоха, нет ничего, пусто!

Окно в полость было свободно, ничем не закрыто, но внутри неё была чернота, оттуда тянуло сыростью; раздавалась гулкая капель.

— Вот и всё... — сглотнув, произнёс Антон. — Кончилось, ничего не осталось. Хотя...

Он сорвал с пояса моток верёвки, привязал ко вбитой в стену скобе.

— Держи-ка!

Он сунул ближнюю петлю Жогину, закрепил свободный конец верёвки на карабин на поясе и полез в дыру.

— Держи, Илюха! — голова Антона мелькнула в свете фонаря. Быстро перебирая руками, он побежал вниз, ко дну полости.

Жогин перегнулся через край, посмотрел вниз. Свет фонаря Антона полз по стене, выхватывая из тьмы трещины, ржавые потёки и мокрый камень.

— Я внизу! — раздался снизу крик. Тут озеро. Я пройду по краешку... Не очень глубоко, Илья! Я сейчас, скоро! Ага, вот!

Верёвка натянулась. Жогин упёрся как следует ногами, принимая на плечи груз. Антон, светясь от радости, перевалился через край, привалился к стене, отдуваясь.

— Смотри, — сказал он, протягивая Жогину раскрытую ладонь, — я был прав.

Тяжёлая ноздреватая пластинка тускло блеснула в свете фонаря.

Золото.

Страшная гроза бушевала над Миром. Над полями и лесами, реками и Великим океаном. Над Крангом и Клонгом, разделёнными широким проливом, над страной Ксонг, над Туанскими землями и Лардийской Тиранией, над алсанийскими невысокими горами, над многими другими странами и государствами. Над всеми одновременно.

Старики не помнили такой грозы. Хроники не сохранили подобного в своей пергаментной, крошащейся от старости памяти. Шёл час за часом, а гроза не прекращалась. Жрецы Тритона открыли настежь двери храмов, Ничтожнейший бил поклоны, проклиная умников, прогневивших божество, навлекших на Мир ярость демонов.

Земля горела, и молнии выбивали в ней воронки со стеклянными краями. Поезда обрывали струны, падали, превращаясь в жуткую смесь крови и металлопласта. Энергостанции отключались одна за одной, не выдерживая буйства стихий. Пожарные команды сбивались с ног, не в силах успеть везде, где требовалась их помощь.

Унди повезло, вагон, в котором она ехала, остался цел. Молнии повалили струнные башни впереди, и вагон просто опустился на дорогу. Испуганные люди выглядывали из окон и дверей, всматривались в темноту. Дождь лупил как заведённый, изредка свет молний выхватывал из тьмы мокрые кусты и поле, а потом приходил грохот, от которого болели уши.

В проходе вагона появился старший по составу. С его плаща непрерывно текло, и за секунды ковёр под ногами старшего промок до нитки.

— Где мы? — спросила Унди.

— Неподалёку от Свиного озера, — ответил тот. — Мы не доехали совсем чуточку.

— Свиное озеро? — переспросила Унди. — Смешное название.

— Ничего смешного, — ответил старший. — Станция стоит у посёлка с таким же названием, а посёлок — на берегу озера. В древности там водилось множество водяных свиней. Как ещё его назвать?

— Вы правы, конечно, — извинилась Унди. — Когда поедем дальше?

— Дальше... — старший задумался. — Не раньше, чем починят путь, а путём займутся только когда стихнет гроза.

— То есть, неизвестно когда, — обречённо сказала Унди. — Остаётся только спать...

— Я бы не советовал, — сказал старший. — Батареи не рассчитаны на долгую работу, час — другой, не больше. Потом в вагонах станет темно и холодно. Но вы не беспокойтесь, к нам уже идут машины, разместим вас в посёлке, там переночуете, а на утро, глядишь, это безобразие прекратится.

Гроза обошла Свиное озеро стороной. Дома стояли целые, в них был и свет, и вода. Большую часть пассажиров разместили в гостинице у озера, в которой обычно останавливались отдыхающие. Остальных приняли местные жители.

Унди приютил фермер по имени Урхо. Холостяк, он смотрел на Унди с таким безразличием, что она даже немного обиделась. Потом ей стало стыдно: вокруг творится Тритон знает что, а она думает о том, как реагирует на неё незнакомый фермер. Нехорошо думать только о собственной особе, укорила она себя, некрасиво.

Комната на втором этаже, которую ей отвёл хозяин, была небольшой, но уютной. Отдельная умывальня, неплохой расчислитель с выходом в мировую сеть, старинный проводной дальнослух и, главное, мягкая кровать, застеленная свежим бельём!

Не сказать, что Унди устала. Ей не пришлось брести по бездорожью и тащить на себе багаж, она просто пересела с одного вида транспорта на другой, но переживания утомили её безумно. Она нашла в себе силы принять душ, а после рухнула в постель, даже не притронувшись к еде, которой снабдил её старший по составу.

Ночью она несколько раз просыпалась от грома. Гроза не думала заканчиваться. Тяжёлые чёрные тучи висели над Миром. Холодный, горький, наполненный золой и сажей дождь поливал посёлок, сбивал листья с деревьев, колотил по лужам и крышам домов. Наутро дождь тоже не прекратился, лишь малость ослаб. Развиднелось, и за окнами теперь стояла не глухая ночь, а сумерки.

Спустившись вниз, Унди обнаружила на кухонном столе завтрак: холодное мясо и свежий хлеб с молоком. Молодец хозяин, позаботился! Но где же он сам?

Покончив с едой, Унди отправилась на поиски. Рядом с домом обнаружилась приземистое строение. Через открытые ворота слышалось мычание урмалов, там она увидела и Урхо. Хозяин ходил между стойлами, наклонялся к животным, что-то сыпал в их кормушки.

Унди забежала внутрь, окунувшись в густой суп из странных запахов и звуков. Животные сопели, взмыкивали, чавкали, мотали рогатыми головами.

— Что это? — спросила Унди.

— А, это вы, — обернулся к ней фермер. — Это соль. Урмалы любят её, она для них как лакомство.

— Ага, — произнесла Унди. Никакого секрета. Интересно, что она хотела услышать? — Спасибо за завтрак.

Урхо пожал плечами: какая, мол, ерунда, мне это ничего не стоило.

— Беспокоятся, — внезапно сказал хозяин, кивнув на урмалов.

— Да?

На взгляд Унди, урмалы совсем не беспокоились, были спокойны и даже флегматичны, хотя. Что она знает о том, как обычно ведут себя урмалы, которых она раньше видела только на картинках?

— Чем так пахнет? — спросила она, втягивая воздух ноздрями.

— Зверем, — усмехнулся Урхо.

— Потеют?

— Нет, но они, извините, тут живут и, — он запнулся, — отправляют свои физиологические надобности.

Кровь бросилась Унди в лицо. В самом деле, какие глупые вопросы она задаёт, не девочка ведь! Захотелось сбежать и запереться в своей комнате, пока фермер не стал над нею смеяться.

Фермер остался серьёзен, и Унди решила продолжить расспросы:

— А что вы будете делать дальше?

— О, дел много, — улыбнулся Урхо, — отдыхать некогда. Потом я отправлюсь на озеро, у меня там участок с водяными свиньями.

— Соль будете давать?

— Нет, витамины.

— А можно мне с вами? — загорелась Унди. В самом деле, не сидеть же сиднем наверху. Кто его знает, когда закончится непогода и можно будет ехать дальше?

— Конечно, — не стал чиниться фермер. — Только я вам плащ дам, дождь ведь.

Участок на озере представлял собой огороженный заливчик, который пересекало множество мостков, нависавших над водой. Внизу, среди водорослей, блаженствовали водяные свиньи. Стоило фермеру и Унди появиться на берегу, как звери забеспокоились.

— Идёте по мосткам, — объяснял Урхо, вручая ей пакет с разноцветными горошинами, — кормите свиней. Каждой по три гранулы: синюю, красную и жёлтую. Ваша правая половина. Справитесь?

— А как я?.. — начала Унди, но Урхо прервал её: — Поймёте.

Понимать там было нечего. Стоило Унди ступить на мостки, как ближайшая к ней свинья подплыла ближе и раскрыла рыло. В её розовый зев Унди бросила одну за одной цветные горошины, и свинья довольно зачавкала.

Час на озере пролетел незаметно. Потом они вернулись на ферму. Дел оказалось много, простых, но необходимых. Час шёл за часом. Иногда они отдыхали, и тогда Унди говорила о своей учёбе, а хозяин рассказывал местные легенды. К вечеру они стали хорошими знакомыми, и за ужином весело болтали ни о чём, не обращая внимание на перестук капель.

— Что это? — вдруг, на полупhrазе остановил рассказ Урхо.

— Что? — не поняла Унди.

— Дождь, — бросил фермер. — Он кончился.

Они вышли наружу. Дождь, который донимал Мир последние двое суток, в самом деле стих, зато поднялся ветер. Он выл среди построек, гнул деревья, хлестал по лицу, мешал дышать. Он рвал в клочья тучи, крутил их к небу, как в огромном перевёрнутом котле.

— Никогда... не видел... такого ветра! — прокричал Урхо. Голос его доносился как издали, слабый и прерывистый, как при болезни. — Никогда... в жизни!

— Я тоже! — закричала в отчет Унди. — Что это?!

Дыхание её прервалось, в груди похолодело, а живот скрутил внезапный спазм.

— Тритон! — выдохнул Урхо.

Небо очистилось: оно было полно огней. Большие и малые, тысячами светляков они покрыли небосвод. Перемигивались, сияли как драгоценные камни!

Звёзды.

Больше книг на сайте - Knigoed.net